СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Е. Фишера.

1839.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XIII.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Е. Фишера.

1839.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2086

СОВРЕМЕННАЯ ШВЕДСКАЯ ПОЭЗІЯ.

ЗНАКОМСТВО СЪ РУНЕБЕРГОМЪ.

Изъ путешествія по Финляндіи въ 1838 году.

Въ концѣ прошлаго лѣта, проживъ нѣсколько недѣль въ Гельсингфорсѣ, вздумалъ я объѣхать часть Финляндіи. Мнѣ указали на окрестности Таммерфорса, какъ на сторону, богатую прекрасными видами—и этотъ-то край назначилъ я себѣ главною цѣлію. Но между мѣстами, которыя хотѣлось мнѣ посѣтить напередъ, первымъ стоялъ городъ Борго. Тамъ живетъ человѣкъ, въ которомъ Финляндія съ гордостію видитъ своего сына, именно г. Рунебергъ, одинъ изъ первостепенныхъ Шведскихъ поэтовъ нашего времени. Узнавъ еще въ Петербургѣ нѣкоторыя изъ произведеній его, я нетерпѣливо желалъ познакомиться съ нимъ лично.

Такъ-какъ изъ Борго надобно было опять воротиться, чтобы попасть въ Або, то со мною обѣщалъ ѣхать къ поэту одинъ изъ жителей Гельсингфорса, г. В——тъ, котораго имя уважаютъ многіе и за предѣлами Финляндіи: онъ прежде занимался въ Петербургѣ редакціей одной Нѣмецкой газеты, и подарилъ Германской публикѣ въ отличномъ переводѣ *Кавказскій Плѣнникъ* Пушкина. Но къ самому дню моего отъѣзда г. В——тъ занемогъ, и вмѣсто себя предложилъ мнѣ въ спутники г. Цигнеуса, свѣдующаго литератора и автора небольшой книги подъ страннымъ заглавіемъ: *Весеннія Ледяныя Иглы.* Заключая въ себѣ подробное сужденіе о г. Рунебергѣ и нѣсколько стихотвореній, вся эта брошюрка показываетъ присутствіе таланта оригинальнаго и смѣлаго, но къ сожалѣнію, проза ея теряетъ нѣсколько отъ длинноты и запутанности періодовъ. По призванію собратъ поэта, а по сердцу другъ его, г. Цигнеусъ однакожъ всегда безпристрастенъ въ своей критикѣ, и я не разъ буду имѣть случай ссылаться на его замѣчанія.

10 Августа въ 8 часовъ утра товарищъ мой пришелъ ко мнѣ. На дворѣ ужъ насъ ожидала маленькая коляска, которая должна была везти меня до самаго Петербурга. «Дотащишь ли насъ до станціи?» спросили мы смѣясь у крошечнаго, оборваннаго мальчишки, стоявшаго возлѣ пары тощихъ клячь, впряженныхъ и покрытыхъ веревками. «Іò» (т. е. да), довезу,» отвѣчалъ онъ съ обычной флегмой своихъ зем-

ляковъ, тихо помахивая кнутомъ, который былъ чуть ли не вдвое больше его. Лошади казались очень ненадежными, какъ бываетъ почти всегда на городскихъ станціяхъ. «Тише ѣдешь, далѣ будешь,» сказалъ кто-то изъ насъ, садясь въ коляску, и мальчишка вскарабкался на козлы, гдѣ бы можно было помѣстить еще, покрайней мѣрѣ, три такія же куклы, какъ онъ. Бѣлокурая Лотта, стыдливая моя прислужница, присѣдая подала мнѣ дорожный мѣшокъ, мальчишка чмокнулъ губами—и вскорѣ мы затряслись надъ мостовой Гельсингфорса, приближаясь по широкой *улицѣ Союза* къ Петербугской или Тавастгусской заставѣ.

Оттуда до Борго около 60-ти верстъ. Эта дорога не изобилуетъ живописными видами: и-такъ вмѣсто того, чтобы напрасно искать на ней восторговъ, позвольте мнѣ приготовиться къ свиданію съ г. Рунебергомъ нѣсколькими замѣчаніями о языкѣ, на которомъ онъ пишетъ, и словесности, къ которой принадлежитъ. Вы знаете, что между жителями такъ называемой новой Финляндіи слышится отчасти языкъ сѣверныхъ сосѣдей нашихъ.

*

Шведскій языкъ вмѣстѣ съ Датскимъ и Норвежскимъ происходитъ отъ древняго *Дâнскаго*, въ послѣдствіи *Норрѐнскаго*, который нѣкогда составлялъ собственность всей Скандинавіи, а нынѣ, измѣнив-

шись очень мало, живетъ въ Исландіи и носитъ ея имя. Будучи Готскаго происхожденія, онъ отличается необычайнымъ богатствомъ, замѣтнымъ особенно въ поэзіи; по чистотѣ же и полной самобытности превосходитъ всѣ прочіе Европейскіе языки. Странная участь постигла его: въ отечествѣ своемъ, послѣ введенія Христіанской религіи, теряетъ онъ свою самостоятельность, мѣшается съ языками Латинскимъ, Англо-Саксонскимъ, Нѣмецкимъ и Французскимъ, совершенно измѣняетъ видъ свой, наконецъ исчезаетъ, оставляя троихъ дѣтей, въ которыхъ еще можно узнать черты отца ихъ, но которыя въ отношеніи къ нему тоже, что прихотливые сыны новаго міра предъ суровыми предками. Между-тѣмъ, однако, не умеръ древній языкъ Скандинавіи. Изгнанный собственными дѣтьми своими, онъ получаетъ въ удѣлъ отдаленный уголокъ роднаго Сѣвера, уединяется на дикомъ островѣ, въ тишинѣ переживаетъ вѣка, и, будто отшельникъ въ пустынной кельѣ своей, записываетъ вѣрованія и подвиги народа, давшаго ему жизнь. Я говорю объ Эддахъ и Сагахъ, сихъ драгоцѣнныхъ сокровищницахъ миѳологіи, исторіи и поэзіи древняго Скандинавскаго міра: кто не знаетъ, что родина ихъ—Исландія?

Три новыя отрасли Сѣвернаго языка, постепенно отдѣлившись одна отъ другой, донынѣ представляютъ такое разительное между собою сходство, что Шведъ, Датчанинъ и Норвежецъ, каждый по-своему,

легко могутъ объясняться другъ съ другомъ. Но языкъ Шведскій, безъ сомнѣнія, самый благозвучный изъ трехъ. Отличаясь въ равной степени силой и нѣжностью—отъ чего происходитъ необыкновенное удобство его для поэзіи и пѣнія—онъ богатъ и очень обработанъ. Чтобы постигнуть всю его красоту, надобно послушать Стокгольмское нарѣчіе. Уроженецъ Стокгольма говоритъ и читаетъ какъ-то на-распѣвъ, и мелодія его рѣчи (впрочемъ не ручаюсь за чужой слухъ) пріятна.

Шведы, подобно Англичанамъ, деспотически обходятся съ своими словами въ живомъ употребленіи, сокращая, недоговаривая, измѣняя ихъ и вообще позволяя себѣ всякія вольности, которыя на письмѣ обличили бы величайшую безграмотность. Къ Финляндцамъ нашимъ это замѣчаніе относится только частію. Множество словъ и оборотовъ доказываетъ близкое родство языка сего съ Нѣмецкимъ и Англійскимъ. Нѣмцы по-Шведски и Шведы по-Нѣмецки выучиваются говорить хорошо безъ большаго труда. Забавны однако ошибки, которыя иногда тѣ и другіе дѣлаютъ, слишкомъ полагаясь на сходство обоихъ языковъ. За то ужъ Французскій вовсе не дался Шведамъ. Не смотря на то, что онъ съ давнихъ поръ сдѣлался у нихъ господствующимъ при Дворѣ и въ обществѣ, они не могутъ никакъ справиться съ его произношеніемъ. Особенно звуки *ж* и *з* приводятъ сыновъ Скандинавіи въ большое затрудненіе. Эти звуки чужды ихъ азбукѣ, и не

многимъ удается примирить съ ними языкъ свой; но кто и успѣетъ въ томъ, нерѣдко недоумѣваетъ, гдѣ выговорить ему буквы *g* и *s* мягко и гдѣ твердо. Отъ того происходятъ фразы въ родѣ слѣдующихъ: donnez-moi du zèle (т. е. du sel), je suis sans bas (т. е. z-en bas).

Но вотъ головоломная задача для корнеслововъ: въ Шведскомъ языкѣ есть много словъ, чрезвычайно сходныхъ съ Русскими. Приводить ли тому примѣры? Развѣ для любопытства: *tolka* — *толковать*, *samma*—*самый*, *stolp*—*столпъ*, *törn*—*тернъ*, *torg*—мѣсто *торга*, торжище, *mörkna* — *меркнуть*, *rad* — *рядъ*, *påminna**—*напоминать*, и др. Слово *ябеда* происходитъ отъ *jag beder* (я прошу). Это несомнѣнно: спросите у корнеслововъ. А вотъ имъ и еще загадка: *ненастный* по-Шведски *Ruskig*. Требуется рѣшить: ужъ не отъ этаго ли слова происходитъ окончательно имя Русскихъ? Вѣроятіе большое.

Нынѣшней—едва ли не послѣдней—степени развитія Шведскій языкъ достигъ довольно поздно. Частыя войны и другія народныя бѣдствія, которыми такъ изобилуютъ лѣтописи Швеціи, также пристрастіе многихъ государей ея ко всему иноземному: вотъ главныя причины, замедлявшія успѣхи сего языка. Счастливымъ для него событіемъ было введеніе въ Швецію Лютеровой реформы, которая обогатила его переводомъ Библіи, отворила ему храмы Божіи и

* Въ Шведской азбукѣ буква å соотвѣтствуетъ нашему *о*, а Шведское *ö* выговаривается почти какъ наше *у*.

умножила число школъ. Но она не отстранила препятствій, останавливавшихъ ходъ его—и если при всемъ томъ онъ сталъ наконецъ на-ряду съ образованнѣйшими языками Европы, то симъ наиболѣе обязанъ постояннымъ усиліямъ ревнителей отечественнаго слова.

Переходя къ его литературѣ, я не стану говорить ни о рунахъ, ни о Скальдахъ и Сагахъ: все это принадлежитъ цѣлой Скандинавіи и завело бы насъ слишкомъ далеко. Что же касается до Швеціи, то первыми памятниками ея словесности, послѣ введенія Христіанства, служатъ романсы или *рыцарскія пѣсни* (Riddarevisor), которыя, сохранившись донынѣ въ народѣ, называются также *народными* (Folkvisor).

Реформація дала литературѣ на-время исключительно религіозное направленіе: всѣ принялись за церковныя пѣсни, псалмы и т. п. Здѣсь собственно начинается постепенное развитіе Шведской словесности. Оставляя въ сторонѣ знаменитыя имена, которыя она позднѣе внесла въ лѣтописи науки, обратимся къ главному ея богатству—къ поэтамъ, и замѣтимъ напередъ, что въ ней преобладаетъ лирическій родъ. Въ эпосѣ и въ романѣ Шведы начали подвигаться только въ наши дни, а по части драмы еще не имѣютъ ничего образцоваго. Достойно вниманія, что многіе вѣнценосцы Швеціи стоятъ въ рядахъ писателей: всѣ четыре Густава, Эрикъ XIV, Карлъ IX и другіе монархи представили на судъ отечества не только дѣянія, но и произведенія пера болѣе или менѣе искуснаго.

Первый замѣчательный Шведскій поэтъ является не прежде-какъ въ половинѣ XVII столѣтія, въ царствованіе знаменитой Христины. Это *Шернъельмъ* (Stjernhjelm), который не только обогатилъ словесность произведеніями глубокаго ума, образованнаго изученіемъ классиковъ, но и значительно подвинулъ языкъ. Его нравственная сатира *Геркулесъ* никогда не будетъ забыта. Къ-сожалѣнію, Христина, покровительствуя иноземнымъ талантамъ, пренебрегала отечественною поэзіей. При Дворѣ ея, любовь къ чужому, особливо ко всему Французскому, была такъ сильна, что не только отражалась въ образѣ жизни и обычаяхъ, но наложила печать свою и на языкъ.

Съ этихъ поръ до начала нынѣшняго столѣтія Шведская словесность не представляетъ почти ничего, кромѣ рабскаго подражанія Французамъ. Около ста лѣтъ послѣ Шернъельма, въ царствованіе Фридриха Гессенскаго, когда Швеція еще оправлялась отъ ранъ, нанесенныхъ ей войнами Карла XII, прославился поэтъ и историкъ *Далинъ* (Dalin), котораго главное достоинство заключается однако въ слогѣ. Въ сіе же время вновь учрежденная академія изящныхъ искуствъ и литературныя общества принесли великую пользу словесности. Но самою благодѣтельною для нея эпохою было царствованіе злополучнаго Густава III. Правда, что и онъ подчинился вліянію Французскаго вкуса; но жизнь и дѣятельность, пробужденныя имъ въ области прекраснаго, не могли остаться безъ важныхъ послѣдствій

Окруживъ себя художниками, онъ самъ трудился съ честію на поприщѣ оратора и драматическаго писателя. Главнымъ же подвигомъ его въ дѣлѣ просвѣщенія было основаніе національнаго театра(1782) и Шведской академіи (1786) *, хотя послѣдняя была впрочемъ учреждена совершенно по образцу Французской.

Между многими современными ему поэтами остановимся на троихъ.

Чельгренъ (Kellgren), питомецъ Финляндіи — онъ получилъ образованіе свое въ Абовскомъ университетѣ—блеститъ воображеніемъ и умомъ, самобытенъ, глубокъ, многообъемлющъ. Онъ оставилъ оды, сатиры и трагедіи.

Бельманъ (Bellman)—вдохновенный, оригинально-веселый пѣвецъ. Сей добродушный и нравственный человѣкъ, увлеченный своимъ дарованіемъ, вздумалъ изучать духъ простонароднаго быта въ кабакахъ и трактирахъ Стокгольмскихъ. Нерѣдко садился онъ къ столу пирующихъ гулякъ, и языкомъ, который подслушалъ въ ихъ же обществѣ, воспѣвалъ, съ удивительною вѣрностью природѣ, шумныя ихъ оргіи. Въ одно время и музыкантъ и поэтъ, онъ обыкновенно сочинялъ свои истинно-народныя пѣсни и мелодіи къ

* Замѣчательно, что первая премія этой академіи была присуждена за сочиненіе, котораго авторъ, въ то время неизвѣстный, былъ самъ король.

нимъ въ минуты самаго исполненія, такъ-что отдѣлить въ нихъ слова отъ музыки и музыку отъ словъ значило бы отнять характеръ цѣлости у этихъ легкихъ, то задумчивыхъ, то непринужденно-игривыхъ, но часто грязныхъ дѣтей необузданной фантазіи. Стихи, пѣтые Бельманомъ и записанные по большой части съ его голоса, составляютъ всю его славу; но то, что сочинялъ онъ съ перомъ въ рукахъ, гораздо слабѣе. Произведенія его были изданы частію имъ самимъ, частію по смерти его, подъ фирмой сочиненій *Фрѐдмана*, его друга, и сдѣлали имя пѣвца любезнымъ всякому Шведу. Густавъ III называлъ его Шведскимъ Анакреономъ. Въ переводѣ пѣсни Бельмана потеряли бы всякое достоинство.

Лѐопольдъ (Leopold)—во мнѣніи своихъ современниковъ первый поэтъ—долженъ быть названъ только какъ глава классической школы, тогда отживавшей свой вѣкъ.

Послѣдовавшее за симъ періодомъ царствованіе Густава IV было временемъ усыпленія словесности, но внезапное пробужденіе ея показало, что отдыхъ этотъ былъ ей нуженъ.

Счастливое соединеніе въ Упсалѣ многихъ юныхъ и могучихъ дарованій, воспитанныхъ изученіемъ философіи и поэзіи Германцевъ, произвело, послѣ перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка, неожидан-

ный переворотъ въ Шведской поэзіи. Журналы *Полифемъ* и *Фосфоръ* съ ожесточеніемъ объявляютъ войну приверженцамъ старинной школы—и вскорѣ на развалинахъ ея возникаетъ новая, которой поборники съ жаромъ почерпаютъ предметы своихъ вдохновеній изъ нетронутыхъ еще сокровищницъ народныхъ преданій. По журналу *Фосфоръ*, главному органу этихъ писателей, противная сторона означаетъ ихъ насмѣшливымъ именемъ *Фосфористовъ*. Между-тѣмъ съ побѣдою исчезаетъ ожесточеніе, немногіе послѣдователи прежняго направленія оканчиваютъ свое поприще—и духъ національности дѣлается господствующимъ въ Шведской литературѣ.

Исчислю нѣкоторыхъ изъ главныхъ представителей ея въ наше время. Всѣ они, кромѣ однаго, еще живы.

Аттербомъ (Atterbom), бывшій издатель журнала *Фосфоръ* и самый ревностный противникъ старой школы, замѣчателенъ и какъ поэтъ и какъ глубокій мыслитель. Изъ мелодическихъ стихотвореній его, не оставляющихъ желать ничего съ художественной стороны, лучше всѣхъ тѣ, которыя служатъ выраженіемъ грусти; но такъ-какъ онъ писалъ стихи болѣе для примѣненія своей теоріи, нежели по призванію, то вы сталибы тщетно искать въ нихъ истины жизни и природы. Предметы его большею частію фантастическіе, и въ этомъ отношеніи первое мѣсто за-

нимаетъ его прекрасная сказка: *Островъ Блаженства* (Lycksalighetens-ö). Между мелкими пьесами его попалась мнѣ одна подъ заглавіемъ: *Мотылекъ,* изъ которой я приведу нѣсколько куплетовъ.

Для одной лишь цѣли созданъ,
Въ каждой нектарной росинкѣ
Видитъ онъ (мотылекъ) желанный образъ,
Озирается тревожно,
И вертя головкой, молвитъ:
«Гдѣ жъ, возлюбленная, ты?»

А суровая подруга
Ждетъ на вѣточкѣ сирени.
Вотъ онъ къ ней—она порхнула,
Онъ за ней—она смягчилась,
И на розѣ возлѣ рѣчки
Принимаетъ жениха.

Но одно его печалитъ:
Онъ сердечнаго томленья
Въ пѣсняхъ выразить неможетъ;
У него есть только крылья—
Нѣтъ ни звука для подруги;
Онъ безгласенъ какъ цвѣтокъ.

Все жъ судьба его завидна:
Безъ боязни онъ встрѣчаетъ
Свой конецъ въ объятьяхъ милой.
Для одной лишь встрѣчи съ нею

Онъ отъ сна былъ призванъ къ жизни,
Токомъ свѣта окропленъ.

. . . .

Надъ усопшимъ альфы рощи
Погребальный пиръ свершаютъ:
Вопятъ алыми устами,
Въ *колокольчики* трезвонятъ,
Гробъ изъ раковины прячутъ
Въ мохъ при пѣніи дрозда.

Въ послѣднее время Аттербомъ посвятилъ себя исключительно наукамъ и занимаетъ каѳедру философіи въ Упсалѣ.

Францѐнъ (Franzèn), которымъ гордится родина его, Финляндія, принадлежитъ по-времени столько же предшествовавшему, сколько и нынѣшнему періоду Шведской литературы. Онъ истинный поэтъ. Стихи его проникнуты обворожительной чистотою души, согрѣты глубокимъ чувствомъ, блещутъ свѣтлою, но спокойною фантазіей. Сверхъ мелкихъ произведеній, написалъ онъ и нѣсколько большихъ поэмъ, которыми пополнилъ недостатокъ эпической поэзіи у Шведовъ. Живя уже много лѣтъ въ Швеціи, онъ теперь, въ глубокой старости, носитъ званіе епископа Іернесандскаго и не является болѣе на поприщѣ литературы. Вотъ одно изъ его стихотвореній.

* Въ миѳологіи сѣверныхъ народовъ альфами или эльфами называются духи, носящіе иногда образъ маленькихъ, крылатыхъ существъ чудной красоты.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО.

«Какая всюду тишина!»
Суббота молвитъ Воскресенью:
«И человѣкъ въ объятьяхъ сна
Предался весь отдохновенью.
Пора и мнѣ: устала я!
Приходитъ очередь твоя.»

Межъ-тѣмъ двѣнадцать бьетъ въ селеньѣ,
И день субботній прочь идетъ.
«На-смѣну!» молвитъ Воскресенье,
Глаза рукою сонной третъ,
И мигъ помѣшкавъ за звѣздами,
Выходитъ тихими шагами.

Къ жилищу Солнышка оно
Идетъ съ свѣчою блѣдно-алой,
И постучавъ, кричитъ въ окно:
«Что, Солнышко, еще не встало?
А Солнышко красавцу-дню:
«Ступай! я тотчасъ догоню.»

И день на цыпочкахъ оттолѣ
Пошелъ и, ставши надъ горой,
Окинулъ яснымъ взоромъ поле;
Чтожъ? все объято тишиной,
Все спитъ по-прежнему такъ сладко,
И онъ спускается украдкой.

Пора вставать: дремоты лѣнь
Деревня гонитъ, оживляясь,
И видитъ: вотъ ужъ красный день
Къ ней въ окна смотритъ, улыбаясь,
Въ сіяньи солнца, веселъ, тихъ,
На шляпѣ пукъ цвѣтовъ простыхъ.

Онъ ненавидитъ шумъ, тревогу,
Онъ зла не хочетъ никому,
И мыслитъ только: «слава Богу,
Ужъ солнышко прогнало тьму.»
Цвѣточки, внявъ его привѣту,
Приподняли головки къ свѣту.

Вечоръ умытыя, стоятъ
Въ саду красивыя бесѣдки,
Деревья зеленью блестятъ,
Прохлада вѣетъ съ каждой вѣтки.
Пчела работаетъ: у ней
Нѣтъ никогда воскресныхъ дней.

Все счастьемъ, все любовью дышетъ
Вокругъ спокойныхъ этихъ стѣнъ,
И, вся окрестность мнится, слышитъ:
«Благослови! Благословенъ!
Господь, дѣла твои чудесны:
О, какъ прекрасенъ день воскресный!»

И птички спрятались въ тѣнь
И звонко Бога воспѣваютъ,
Какъ будто знаютъ, что за день.

То лучше всѣхъ ребята знаютъ
И неотступно просятъ мать
Имъ платья новенькія дать.

Къ обѣднѣ! въ третій разъ звонили!
Пасторъ сегодня не проспалъ.
Друзья! свяжите пукъ изъ лилій,
Покуда вечеръ не насталъ.
На паперти я встрѣчу Машу,
Цвѣтами косу ей украшу.

Вы, конечно, хмуритесь на меня, потому-что припоминаете себѣ прекрасное стихотвореніе В. А. Жуковскаго. Очень понимаю, и сейчасъ утѣшу васъ. Я пожертвовалъ самолюбіемъ, и нарочно выбралъ у Францена именно эту пьесу, чтобъ на дорогѣ въ Борго обрадовать васъ неожиданною встрѣчей и дать вамъ отдохнуть отъ моихъ и стиховъ и прозы на произведеніи нашего знаменитаго поэта. Вотъ оно.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Слушай, дружокъ (говоритъ Воскресенью Суббота)! деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на-покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близко!.. И только успѣла Суббота промолвить:
«Полночь!» а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресенье;
Легкой рукою, тихохонько двери свои отворило,

Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ—тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ—тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбищѣ—могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышетъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все спокойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни. Спокойно на паперти сѣвъ, Воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро

На небѣ тронулось... тронулось утро; во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало живѣе, и звѣзды
Начали тускнуть . . . пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
«Солнышко, встань!..» И разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучь за лучемъ полились, облака зажигая . . .
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась, и видитъ: стоитъ Воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и сіяя на солнцѣ
«Доброе утро!» всѣмъ говоритъ. И торжественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ—и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву... Въ деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадилы, и тихое слышится пѣнье.

Стагнѐліусъ (Stagnelius), умершій слишкомъ рано (30-ти лѣтъ отъ роду, въ 1823 г.), успѣлъ однако жъ составить себѣ прочную славу. Жизнь его представляетъ горестное для человѣколюбца соединеніе пламенной души съ волею слабой. Несчастная жертва страстей, онъ то искупалъ свои заблужденія муками, то возносился къ небу поэзіей. Его лирическія произведенія носятъ отпечатокъ той непритворной, глубо-

кой меланхоліи, которая почти всегда неразлучна съ болѣзненнымъ состояніемъ тѣла. При этомъ господствующемъ направленіи, стихи его (если исключить нѣкоторыя пьесы, принесенныя въ дань человѣческой слабости) отличаются пылкимъ религіознымъ чувствомъ, роскошнымъ воображеніемъ, сильною мыслію и особеннымъ изяществомъ формы. Въ драмахъ его видно преобладаніе лиризма, а эпическая поэма: *Владиміръ-Великій*, близкая къ намъ по предмету, обличаетъ еще незрѣлость таланта. Въ ней однако много прекрасныхъ мѣстъ, и таково особенно самое начало: не-даромъ же она была увѣнчана Шведской академіей и переведена на Нѣмецкій языкъ. Чтобъ дать вамъ понятіе о характерѣ поэзіи Стангеліуса, перевожу одно изъ его стихотвореній, и на этотъ разъ, для большей точности, въ прозѣ.

МЫСЛЬ И ЧУВСТВО.

«*Мысль*—орелъ. Привлеченная блескомъ лазури, покидаетъ она жилище свое—кедромъ вѣнчанныя горы, и паритъ къ божественному сіянію солнца. Безъ боязни устремляетъ она къ золотому оку неба взоръ очей земныхъ, и браздитъ эфиръ, и носится упорно вокругъ побѣдоносныхъ сонмовъ небожителей.

«Бѣлая, невинная голубица *чувства* робко покидаетъ свои кипарисовыя рощи, когда кроткій ликъ

серебрянаго мѣсяца озаряетъ ночь. Безпрестанно встрѣчая новыя небеса, увлекаемая несказанною тоской, она мчится мимо свѣтилъ полуночныхъ къ обители первобытной жизни своей.

«Далеко уносясь за предѣлы вещества и пространства, наконецъ она отдыхаетъ на пальмахъ міра и въ восторгѣ созерцаетъ Отца живущихъ. Вздохи мрака выводитъ она къ свѣту, переноситъ голосъ утѣшенія въ край скорби, небо и прахъ связуетъ таинственною цѣпью изъ розъ.

«Можетъ ли исполинъ досягнуть твердыни боговъ, громоздя горы на-горы? Нѣтъ! никогда не подняться *мысли* выше облачнаго міра Деміургова. Только *чувство*, при звонѣ арфъ Серафимовыхъ, возноситъ насъ къ высотѣ истинной; только чувство даритъ истинную радость; только чувство соединяетъ человѣка съ Богомъ.»

Гейеръ (Geijer), профессоръ исторіи въ Упсалѣ, обязанъ своею славой не столько поэтическому дару, сколько многообъятности своего ума и основательной учености—достоинствамъ, которыя даютъ ему мѣсто въ ряду знаменитѣйшихъ людей нынѣшней Европы; онъ и историкъ, и философъ, и ораторъ, и композиторъ. Между его трудами важнѣйшіе по части Шведской исторіи: на многія ея эпохи онъ разлилъ яркій свѣтъ своей здравой критики. Что касается до

стиховъ его, то въ нихъ болѣе признаковъ ума, нежели вдохновенія, и такъ-какъ они не представляютъ ничего характеристическаго, то я и не считаю нужнымъ приводить изъ нихъ что-либо. Нельзя однако жъ умолчать о двухъ лучшихъ его стихотвореніяхъ: *Викингъ* и *Послѣдній Скальдъ*.

Альмквистъ (Almqvist), сочинитель повѣстей и романовъ, возбудившій самые противоположные о себѣ толки. Одни признаютъ его необыкновеннымъ геніемъ, другіе—величайшимъ сумасбродомъ, который хочетъ удивить свѣтъ оригинальностію. Самое примѣчательное его произведеніе: *Книга Шиповника* (Törnrosensbók), есть собраніе повѣстей, странныхъ и носящихъ странныя заглавія, но, какъ говорятъ, чрезвычайно любопытныхъ и обильныхъ блестящими мыслями. По многочисленности почитателей Альмквиста не льзя сомнѣваться, чтобъ онъ не обладалъ дарованіемъ огромнымъ, но получившимъ, можетъ-быть, ложное направленіе. Баронъ К., Финляндскій помѣщикъ, бывшій нѣкогда его воспитанникомъ въ Стокгольмѣ, сказывалъ мнѣ, что Альмквистъ просто человѣкъ, у котораго умъ за разумъ заходитъ и что онъ писалъ свою прославленную книгу въ припадкѣ сумасшествія. Изъ славолюбія бросилъ онъ всѣ связи, всѣ наслажденія свѣтскія и проводитъ жизнь за письменнымъ столомъ. Свѣдѣнія его необъятны. Говоря о немъ, какъ о романистѣ, нельзя забыть и дѣвицы *Бремеръ* (Bremer), которой повѣсти: «*Очерки изъ еже-*

дневной жизни (Teckningar ur hvardagslifvet), составляютъ любимое чтеніе Шведской публики.

Но писатель, который пользуется истинно-народною славой и котораго имя повторяется съ восторгомъ во всѣхъ сословіяхъ, есть *Тегнèръ* (Tegner), епископъ въ Векшіо (Vexiö). Онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ литературнаго переворота, указаннаго выше. Прямой Шведъ во всѣхъ произведеніяхъ своихъ, онъ обнаруживаетъ удивительное богатство и рѣдкую живость воображенія, представляющаго ему безпрестанно картины и подобія, вездѣ озаряющаго блескомъ своимъ патріотическіе порывы его. Сила мысли, изобрѣтательность, глубокое чувство — все это не составляетъ отличительныхъ свойствъ Тегнера, но онъ очаровываетъ и увлекаетъ именно роскошью фантазіи, истиннымъ воодушевленіемъ и юношескимъ огнемъ, которымъ согрѣты его сжатые, звучные стихи. Кажется, будто ихъ поетъ Скальдъ, воспитанный на востокѣ. Сверхъ поэмъ: *Аксель* (Axel), *Первое причащеніе* (Nattvardsbarnen) и знаменитой *Саги Фрѝтіофа* (Frithiofs Saga), онъ написалъ большое число мелкихъ стихотвореній и нѣсколько прекрасныхъ рѣчей. Такъ-какъ вы вѣроятно читали статьи о немъ Французскаго путешественника Мармье, переведенныя въ двухъ изъ нашихъ журналовъ, то я не стану распространяться здѣсь о трудахъ Тегнѐра, и позволю себѣ только сообщить вамъ въ слабомъ переводѣ начало одной пѣ-

сни изъ Саги Фритіофа, поэмы, которой основаніемъ служитъ старинная Исландская Сага.

Фритіофъ, сынъ поселянина-воителя, изгнанъ изъ отчизны. Сѣвъ на корабль, онъ становится теперь однимъ изъ тѣхъ морскихъ конунговъ или викинговъ, которые, живя грабежемъ и опустошеніемъ, наводили нѣкогда ужасъ на прибрежныя страны Европы.

Онъ скитался вокругъ по пустыннымъ морямъ,
 онъ носился какъ соколъ ловца,
И дружинѣ своей начерталъ онъ уставъ:
 разсказать ли законы пловца?

«Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ:
 супостатъ за дверьми стережётъ;
Спать на ратномъ щитѣ, мечь булатный въ рукѣ,
 а шатромъ голубой небосводъ.

«Какъ у Фрея, * лишь въ локоть будь мечь у тебя;
 малъ у Тора громящаго млатъ.
Есть отвага въ груди, ко врагу подойди —
 и не будетъ коротокъ булатъ.

«Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса:
 подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ—кто парусъ совьетъ;
 чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй.

*Фрей, богъ плодородія, одинъ изъ самыхъ сильныхъ боговъ послѣ Тора, владыки громовъ.

«Чти на сушѣ миръ дѣвъ, на судахъ нѣтъ имъ мѣстъ:
будь то Фрея *, бѣги отъ красы.
Ямки розовыхъ щекъ всѣхъ обманчивѣй рвовъ,
и какъ сѣти—шелковы власы.

«Самъ Одинъ ** пьетъ вино, и похмѣлье не зло:
лишь храни надъ собою ты власть:
Надъ землею упавъ, ты подымешься здравъ;
здѣсь же къ Ранѣ *** страшися упасть.

«Ты купца, на пути повстрѣчавъ, защити;
но возьми съ него должную дань.
Гы владыка морей; онъ же прибыли рабъ:
благороднѣйшій промыселъ—брань.

«Ты по жребью добро на помостѣ дѣли,
и на жребій не жалуйся свой;
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ:
онъ доволенъ и честью одной.

«Но вотъ викингъ плыветъ: всѣ за крючья и въ бой!
подъ щитами потѣха бойцамъ;
Кто отпрянетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ;
поступай какъ ты вѣдаешь самъ.

«Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ,
тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.

* Фрея, богиня красоты.

** Одинъ, родоначальникъ и царь боговъ.

*** Рана, богиня моря.

Дочь Валгаллы * мольба; ты дрожащей внимай;
тотъ презрѣнъ, кто откажетъ мольбѣ.

«Рана—прибыль твоя: на груди, на челѣ
то прямая украса мужамъ;
Ты чрезъ сутки, не прежде, ее повяжи,
если хочешь собратомъ быть намъ.»

То вождя былъ наказъ, и отъ часа на часъ
росъ онъ въ славѣ на чуждыхъ брегахъ,
И подобныхъ себѣ не встрѣчалъ онъ въ борьбѣ;
его людямъ невѣдомъ былъ страхъ.

Сага Фритіофа имѣла успѣхъ безпримѣрный. Еще и теперь, когда уже около 15 лѣтъ прошло со времени появленія ея, народный энтузіазмъ, возбужденный поэмою Тегнера во всей Скандинавіи, не остылъ. Люди всѣхъ состояній учатъ ее наизустъ, она почти вся переложена на музыку, изображена въ картинахъ. Какъ часто, путешествуя по Финляндіи, слышалъ я эти гармоническіе стихи въ прекрасныхъ мелодіяхъ Шведскаго композитора Крузелля! какъ часто встрѣчалъ олицетвореніе ихъ въ рисункахъ, развѣшенныхъ то въ гостиной помѣщика, то въ кабинетѣ сельскаго пастора, то на грязныхъ стѣнахъ какой-нибудь станціи! Дѣти, едва выучившіяся говорить, уже лепечутъ куплеты изъ этой поэмы. Въ Финляндіи такое явленіе тѣмъ разительнѣе, что вообще жители ея не отли-

* Рай: жилище боговъ и падшихъ во брани.

чаются любовью къ литературѣ. Бѣдность заставляетъ ихъ обращаться къ занятіямъ, болѣе существеннымъ, и смотрѣть на книги, какъ на товаръ, запрещенный карманнымъ тарифомъ. За то нѣкоторая степень образованности доступна здѣсь и низшему сословію народа. Религія поставляетъ каждому въ обязанность умѣть читать: только грамотные и знающіе наизустъ извѣстную часть катихизиса допускаются къ причастію, и потому всякая мать должна учить азбукѣ дѣтей своихъ.

Теперь нѣсколько словъ о г. Рунебергѣ. Прежде свиданія съ человѣкомъ хорошо имѣть о немъ понятіе. Но намъ надобно торопиться: вотъ уже виднѣются красные старинные домики и древняя церковь скромнаго городка Борго; нетерпѣливый товарищъ мой (а съ нимъ, быть-можетъ, и вы) чаще и чаще повторяетъ: пошелъ! far af kör på! Сочиненія нашего поэта состоятъ изъ двухъ частей мелкихъ стихотвореній, изъ Сербскихъ пѣсень, переведенныхъ съ Нѣмецкаго и изъ двухъ поэмъ: *Ловцы оленей* (Elgskyttarne) и *Ганна* (Hanna), которыхъ содержаніе взято изъ быта двухъ сословій жителей Финляндіи. Г. Рунебергъ принадлежитъ Шведской словесности только по языку, по духу же онъ въ полномъ смыслѣ представитель своихъ соплеменниковъ. Финны, которые съ незапамятныхъ временъ отличаются рѣдкою способностію къ поэзіи, нашли въ немъ вѣрный органъ своей внутренней жизни. По направленію, онъ так-

же не имѣетъ никакаго родства съ новою школою Шведскихъ поэтовъ: ихъ вдохновительница—исторія; его муза—природа. Достоинство его долго оставалось непризнаннымъ. По замѣчанію г. Цигнеуса, Финскіе простолюдины, которые, конечно, лучше всѣхъ постигли бы красоты его простыхъ, прямо изъ души вылившихся пѣсень, къ-несчастію не могутъ читать ихъ на языкѣ чужомъ, а другія сословія въ Финляндіи, изъ равнодушія ли къ словесности или по недовѣрчивости къ силамъ своей собственной націи, не скоро оцѣнили поэта. Между-тѣмъ Шведская публика не хотѣла обращать вниманія на стихотворца, который, не будучи землякомъ любимыхъ ея писателей, выражается на ихъ языкѣ: критика пристрастно унижала его достоинства. Скромный талантъ отвѣчалъ на несправедливые толки или молчаніемъ, или новыми пѣснями. Наконецъ, какъ обыкновенно случается, люди, возвышенные надъ толпою своими дарованіями, первые подали примѣръ безпристрастія: Аттербомъ и Тегнѐръ давно уже изъявили свое уваженіе къ г. Рунебергу, а Гейеръ въ недавно изданной брошюркѣ Blå Boken (Синяя Книжка), восхищаясь одною мыслію Финляндскаго поэта, прибавляетъ: «Шведская критика еще не отдала должной справедливости сему пѣвцу. Много ли поэмъ на языкѣ нашемъ стоятъ выше его *Ловцовъ оленей?*» Въ то же время существуютъ еще сильнѣйшія доказательства превосходства его дарованія: одинъ Нѣмецъ, въ Остзейскихъ губерніяхъ, перевелъ нѣкоторыя изъ лучшихъ его стиховтореній и вы-

далъ ихъ за свои, а въ Швеціи жадные книгопродавцы перепечатываютъ безъ зазрѣнія совѣсти труды, составляющіе чуть ли не все богатство пѣвца.

*

Прикатили. Стой! «У какаго это мы дома остановились?» спросилъ я г. Цигнеуса.—Это лучшій трактиръ въ Борго.—«Очень кстати, а г. Рунебергъ?»—Теперь около часу, сказалъ мой товарищъ, и онъ по всей вѣроятности засѣдаетъ въ консисторіи. — «Какъ! стало быть онъ духовнаго званія!» — Нѣтъ, но онъ одинъ изъ лекторовъ здѣшней Гимназіи (лекторъ краснорѣчія), а всѣ они подъ предсѣдательствомъ епископа, который живетъ въ Борго, составляютъ консисторію.—«Ia så!» (*яссó*, т. е. а! понимаю!) отвѣчалъ я любимымъ восклицаніемъ Шведовъ. Мы послали просить къ себѣ г. Рунеберга, а сами вошли въ знаменитый трактиръ, который, какъ и все въ пустынныхъ городкахъ Финляндіи, носитъ на себѣ печать бѣдности.

Едва успѣли мы расплатиться съ послѣднимъ кучеромъ своимъ и заказать обѣдъ (по тамошнему образу жизни было уже обѣденное время), какъ вошелъ въ комнату человѣкъ высокаго роста, бѣлокурый, пріятной наружности, лѣтъ 33-хъ отъ-роду. То былъ поэтъ Финляндіи. На открытой физіономіи его были напечатлѣны умъ, прямодушіе, кротость и твер-

дый миръ души. Его спокойно-свѣтлый взглядъ, высокій лобъ, самыя черты лица и степенная привѣтливость, выражавшаяся въ нихъ безъ улыбки: все это напомнило мнѣ тотчасъ покойнаго нашего Дельвига. Опытныя особы говорятъ, что отнюдь не должно вѣрить первому впечатлѣнію. Положимъ такъ; но я никогда еще не былъ обманутъ сочувствіемъ, привлекавшимъ меня къ нѣкоторымъ людямъ, при первой встрѣчѣ съ ними. Признаюсь: такое же дѣйствіе произвелъ на меня и г. Рунебергъ; изъ первыхъ словъ его уже легко было узнать человѣка скромнаго, простаго въ привычкахъ своихъ, не свѣтскаго, но и не надутаго спѣсью тоненькаго ума авторскаго.

Мы сѣли за столъ. Былъ ли обѣдъ нашъ роскошенъ, не мудрено вообразить себѣ. Горестное воспоминаніе! Намъ подали три-четыре полухолодныхъ кушанья въ какихъ-то четвероугольныхъ соусничкахъ, которые переходили у насъ изъ рукъ въ руки и потомъ оставались на столѣ съ обильными остатками. Къ утѣшенію друзей человѣчества и для исполненія долга справедливости, надобно однако жъ прибавить, что въ заключеніе спектакля, когда соуснички отыграли свою роль, между нами заходила горделиво примадонна стола, бутылка шампанскаго.

Мы разговорились о словесности. Успѣхъ людей съ талантами всегда и вездѣ родитъ толпу подражателей: такъ въ послѣднее время было и въ Швеціи.

Торжество нововводителей взволновало сотню посредственностей, и вотъ всѣ начали пѣть объ асахъ *, конунгахъ, викингахъ, стараясь прикрыть блескомъ и громомъ словъ внутреннюю пустоту своихъ произведеній. Подражатели всюду повторяютъ тоже явленіе: они заимствуютъ у своихъ образцовъ только одежду, забывая, что по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ; но вотъ бѣда: на уродѣ и платье становится смѣшнымъ. Черты, которыми сопровождалось направленіе новѣйшихъ Шведскихъ писателей, отъ излишняго употребленія сдѣлались пошлыми, и теперь надобно обладать чрезвычайнымъ дарованіемъ, чтобы обратить на себя взоры, нося общепринятый нарядъ. Несчастныя послѣдствія подражанія видѣла уже и наша словесность. Жуковскій и Пушкинъ очаровали Русскихъ формами, сквозь которыя сіяла мысль, проливалось теплое чувство. Теперь эти формы повторились въ тысячѣ оттисковъ, но сквозь нихъ по большой части ничто уже не свѣтитъ, не согрѣваетъ: такъ скалы вторятъ голосу человѣка, но въ ихъ откликахъ уже не слышно души. Что же произошло отъ того?! Звучные стихи критика принимаетъ съ предубѣжденіемъ, зная, что въ нихъ обыкновенно бездарность ищетъ прибѣжища.

Такими-то и другими мыслями приправляли мы произведенія Финской провинціальной кухни. Послѣ обѣда мы отправились посмотрѣть городъ, который

* Родовое названіе боговъ Скандинавской миѳологіи.

впрочемъ, какъ мнѣ напередъ уже объявили, представляетъ не много чего достойнаго вниманія. Въ немъ самое примѣчательное древность его. Находясь близъ берега Финскаго залива, на разстояніи 365 верстъ отъ Петербурга, онъ основанъ, если вѣрить нѣкоторымъ указаніямъ, въ 1346 году. Названіе его заимствовано отъ земляной крѣпости, существовавшей съ незапамятной поры при рѣкѣ, на которой онъ построенъ: *borg* значитъ крѣпость, а å (выговар. о) рѣка. И нынѣ еще видны остатки сего укрѣпленія: высокая насыпь, раздѣленная рвомъ и называемая *Боргбакенъ* (Borgbacken, гора крѣпости). Бросивъ съ этой возвышенности взглядъ на ветхій, неправильный, мрачный, но лежащій очень живописно городокъ, мы пошли въ гимназію, учрежденную, кажется, Густавомъ III. а оттуда къ г. Рунебергу.

«Въ этихъ бѣдныхъ домикахъ,» сказалъ онъ мнѣ по дорогѣ, «прекрасный полъ гораздо многочисленнѣе нашего. Удобства неприхотливой жизни привлекаютъ въ маленькіе города Финляндіи, и особенно въ Борго, множество вдовъ и безнадежныхъ дѣвъ. Отъ того здѣсь не бываетъ избытка въ квартирахъ. Я только на-дняхъ переселился сюда съ семейкой своей, послѣ лѣтняго отдыха въ поляхъ и лѣсахъ, и долженъ былъ занять очень незавидный уголокъ. Жалѣю, что не могу принять васъ лучше.»

Мы вошли въ небольшой деревянный домъ. Кабинетъ поэта не представлялъ и тѣни роскоши. Му-

за нигдѣ не осыпаетъ золотомъ своихъ любимцевъ: чего же ожидать отъ нея въ Финляндіи? Она исключила навсегда благородные металлы изъ своего домашняго обихода; у ней есть только золотыя струны да серебряные звуки. Тѣмъ болѣе чести приноситъ сердцу г. Рунеберга человѣколюбіе, съ которымъ онъ, какъ знаютъ всѣ его соотчичи, издалъ въ 1833 г. цѣлый томъ своихъ стихотвореній въ пользу несчастныхъ, разоренныхъ трехлѣтнимъ неурожаемъ въ Остроботніи. Утѣшительно видѣть, въ комъ бы ни было, соединеніе блестящихъ дарованій съ добродѣтелью: не въ этомъ ли союзѣ заключается идея высшаго совершенствованія человѣка на землѣ?

Въ комнатѣ, о которой я говорю, были разбросаны кой-какіе Латинскіе и Нѣмецкіе авторы. На письменномъ столѣ лежала кипа книгъ, только-что присланныхъ хозяину изъ Швеціи самими сочинителями. Между прочимъ тутъ было нѣсколько тетрадей новаго изданія, въ одной части, произведеній Альмквиста, и начало, не помню чьего, перевода Освобожденнаго Іерусалима. Перелистывая эти книги, я заговорилъ о собственныхъ сочиненіяхъ г. Рунеберга; черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ и принесъ мнѣ по экземпляру тѣхъ изъ нихъ, которыхъ у меня еще не было.

Родившись въ Остроботніи, г. Рунебергъ получилъ образованіе свое въ бывшемъ Абовскомъ универ-

ситетѣ, и еще студентомъ чувствовалъ неодолимое влеченіе къ поэзіи. Многіе изъ раннихъ его опытовъ находятся въ собраніи его сочиненій. Болѣе десятилѣтія протекло уже со времени появленія въ свѣтъ первыхъ трудовъ его. Около половины этаго времени было употреблено имъ на изданіе журнала: *Гельсингфорсскій утренній листокъ* (Helsingfors'Morgonblad). Тогдашнія критическія начала его заслужили нареканіе многихъ: онъ смѣло вооружился-было противъ самыхъ блестящихъ литературныхъ знаменитостей Швеціи, противъ Тегнера, Аттербома и др., проповѣдуя свое убѣжденіе, что школа ихъ доказываетъ только отсутствіе истинной поэзіи. Очень естественно, что такое противорѣчіе общему мнѣнію было приписано желанію возвысить себя на счетъ другихъ; но всѣ, кому извѣстенъ личный характеръ г. Рунеберга, рѣшительно отвергаютъ такое обвиненіе. Они видятъ причину сужденій, можетъ-быть, слишкомъ рѣзкихъ, въ самомъ его талантѣ, который, какъ я уже сказалъ, по направленію своему такъ несходенъ съ дарованіями заБалтійскихъ поэтовъ. Будемъ однако справедливы и спросимъ: такое оправданіе освобождаетъ ли г. Рунеберга отъ упрека въ односторонности, и почему же *онъ* не могъ сочувствовать вдохновеніямъ *ихъ*, когда эти самые люди были впослѣдствіи первыми, провозгласившими его достоинство? Или, можетъ-быть, однѣ вѣчныя красоты, заимствуемыя у природы, доступны всѣмъ, а тѣ, которыя цвѣтутъ на почвѣ дѣлъ человѣческихъ, менѣе счастливы? Какъ бы ни было,

критическій взглядъ г. Рунеберга въ послѣднее время потерялъ отчасти свою суровость. Это я замѣтилъ и изъ бесѣды его.

Но забудемъ критика и посмотримъ на поэта. Я слышалъ прежде, что онъ пишетъ стихи съ удивительною легкостію и обыкновенно оставляетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они съ перваго раза выльются. Изъ любопытства изъявилъ я теперь желаніе увидѣть что-нибудь изъ послѣднихъ трудовъ его. Онъ вынулъ изъ письменнаго стола нѣсколько мелко-исписанныхъ листочковъ, одинъ другаго меньше *. Въ самомъ дѣлѣ, на нихъ почти вовсе не было помарокъ, этихъ черныхъ уликъ въ шаткости человѣческой мысли. Я поздравилъ его съ такою мѣткостію пера. «Не думайте, отвѣчалъ онъ, чтобы по-этому стихи мои не стоили мнѣ труда. Напротивъ, я тяжело и долго обработываю свои мысли, только не прежде кладу ихъ на бумагу, какъ когда разовью ихъ, сколько могу, и одѣну, какъ умѣю. Большой поэмы своей не начиналъ я писать до-тѣхъ-поръ, пока она не приняла въ моей головѣ совершенно яснаго, и, по моимъ понятіямъ, стройнаго образа.» Эта строгая обдуманность не могла не запечатлѣть произведеній г. Рунеберга особеннымъ характеромъ: кажется, будто каждое изъ нихъ родилось

* На маленькихъ листкахъ писалъ и нашъ Пушкинъ, но онъ часто и по нѣскольку разъ вычеркивалъ: это можно видѣть изъ приложеннаго къ V тому Современника снимка съ его стихотворенія: *Молитва.*

вдругъ, съ однаго пріема, или, какъ говоритъ его критикъ, въ нихъ незамѣтно, чтобы части были старѣе цѣлаго. Съ симъ свойствомъ неразлучно у него еще другое: онъ идетъ къ цѣли прямо, строго держась дороги, которую начерталъ себѣ, и рѣдко позволяетъ воображенію своему уклоняться въ сторону или увлекаться близкими предметами.

Вѣрность природѣ въ малѣйшихъ подробностяхъ составляетъ отличительную черту нашего поэта. И не удивительно: онъ знаетъ ее не изъ книгъ; она сама была всегда его главною, любимою книгою, и онъ читаетъ, изучаетъ ее безпрестанно. Онъ не можетъ похвалиться ни обширною начитанностію, ни многообъемлющими свѣдѣніями: чистая душа, въ которой природа отражается какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, вотъ источникъ его пѣсней. Скажу откровенно, что не ожидаю и глубокаго знанія свѣта отъ человѣка, который, какъ г. Рунебергъ, никогда не переступалъ за предѣлы тихаго быта Финляндскихъ городовъ: житель провинціи имѣетъ передъ собою горизонтъ, слишкомъ ограниченный, однообразный и блѣдный; онъ не можетъ ни постигнуть всей суетности общественной жизни, ни проникнуть во всѣ тайны отношеній людскихъ, ни, наконецъ, представить себѣ полнаго результата успѣховъ гражданственности. Но онъ остается тѣмъ ближе къ природѣ, тѣмъ онъ чище и совершеннѣе можетъ вкушать наслажденія, которыми она даритъ способныхъ понимать ее. Это мы

видимъ именно на г. Рунебергѣ. Едва лѣто изукраситъ зеленью угрюмыя скалы его родины, онъ удаляется въ ея пріютныя пустыни. Въ лѣсахъ и рощахъ онъ то прислушивается къ голосу крылатыхъ жильцевъ ихъ, то, съ ружьемъ или камнемъ въ меткой рукѣ, выжидаетъ добычу. Или носясь въ челнокѣ надъ широкимъ озеромъ, онъ то борется съ непогодой, то ищетъ забавы въ простыхъ заботахъ рыбаря. И всюду природа обогащаетъ его мудрыми уроками: можно сказать, что онъ, какъ счастливое дитя, учится играя.

«Отъ сей любви къ прекрасному творенію Божію, замѣчаетъ г. Цигнеусъ, происходитъ одно изъ главныхъ качествъ таланта г. Рунеберга: его тихое, самообладающее спокойствіе, необыкновенное въ наше тревожное время. Прекрасна мысль Тегнера, что поэта справедливѣе называть голосомъ, нежели говорящимъ человѣкомъ: можно прибавить, что впрочемъ по этому голосу узнается грудь, изъ которой онъ выходитъ. Г. Рунебергъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ мучениковъ воображенія, чьи страданія заражаютъ скорбію слушателей: его богиня похожа на святую. Глядя на ея ненарушимый миръ, не знаешь, вышла ли она съ побѣдою изъ битвы, или къ ней никогда и не прикасалось холодное дуновеніе безпокойства. Легко подумаешь послѣднее, видя непорочную, дѣтскую радость, сіяющую сквозь всѣ ея пѣсни; но замѣчая, какъ она чужда всякой жеманной и приторной чув-

ствительности, склоняешься невольно къ первому предположенію, потому-что такое неколебимое спокойствіе дается только побѣдой.»

Это завидное свойство отражается и во внѣшней жизни г. Рунеберга, въ его кроткомъ обращеніи, въ его простомъ и умномъ разговорѣ. Часы текли быстро въ кабинетѣ его, и когда къ намъ подкрался сѣверный, еще свѣтлый вечеръ, къ поэту собралось нѣсколько пріятелей. Тогда, по тамошнему обычаю, на столѣ явилась бутылка уже готоваго пунша, и любезный хозяинъ, наполнивъ имъ рюмки, началъ подчивать гостей. Заклубился табачный дымъ, разговоръ полился быстрѣе, а въ промежутки отдыха степенный поэтъ, подымая рюмку свою, пилъ здоровье (skål) то однаго, то другаго, давая тѣмъ знакъ, чтобъ не сидѣли безъ дѣла. Благородная влага въ рюмкахъ, по закону прилива и отлива, то убывала, то снова подымалась до краевъ, то на минуту совсѣмъ исчезала, пока наконецъ не явился безпутный братъ ея, чай.

Г. Рунебергъ не знаетъ Русскаго языка, однако съ большимъ любопытствомъ распрашивалъ меня о состояніи Русской словесности, и жалѣлъ, что лишенъ возможности познакомить Шведскую публику съ лучшими произведеніями нашихъ поэтовъ. По его желанію, я обѣщалъ прислать ему подстрочный переводъ нѣкоторыхъ пьесъ Пушкина и Дельвига: не знаю, точно ли я правъ, находя, что поэтъ Финляндіи па-

поминаетъ послѣдняго, не только выраженіемъ лица, но и характеромъ своей поэзіи: творческій даръ, граціозность, величавое спокойствіе, наклонность къ идилліи, искуство попадать въ тонъ народныхъ пѣсень, наконецъ прекрасные, звучные экзаметры— все это свойственно обоимъ; но нельзя не сознаться, что г. Рунебергъ уже теперь стоитъ гораздо выше Дельвига, какъ по объему и производительности, такъ и по развитію таланта.

Было уже поздно, когда мы разошлись. Товарищъ мой и я отправились на ночлегъ въ свою гостинницу; поэтъ и двое изъ пріятелей его пошли съ нами. Весь городъ уже спалъ; только шаги и разговоры наши нарушали глубокую тишину, какъ вдругъ надъ этимъ лабиринтомъ кривыхъ и узенькихъ улицъ раздался жалобно-протяжный голосъ ночнаго сторожа. Онъ пѣлъ:

Било одиннадцать часовъ!
Державная, кроткая, мощная длань Господня
Да хранитъ нашъ городъ отъ огня и пожара!
Било одиннадцать часовъ*!...

Трижды повторилась эта простая, но умилительная молитва, и мнѣ чудится, будто я теперь еще слы-

* Klockan är elfva slagen!
Guds höga, milda, mägtiga hand
Bevare vår stad från eld och brand!
Klockan är elfva slagen!

шу заунывные, торжественные звуки ея: казалось, то былъ стонъ спящаго города

Простившись съ г. Рунебергомъ, мы вздумали подкрѣпить силы свои на сонъ грядущій, и передъ нами явились опять старые знакомцы, четвероугольные соусники. Когда мы легли, я уже готовился тушить свѣчу свою, какъ вдругъ мнѣ стало жаль разстаться съ этимъ короткимъ днемъ: онъ подарилъ мнѣ такъ много удовольствія, а я гналъ его. Дремота сама еще спала во мнѣ, а чистенькія книжки такъ привѣтливо выглядывали изъ-за мѣднаго подсвѣчника, что рука моя, уже вооруженная щипцами, вдругъ оставила ихъ, не сощипнувъ даже нагорѣвшей свѣтильни, и жадно ухватилась за верхнюю книжку. Смотрю на заглавный листокъ. Это мелкія стихотворенія. Не хотите ли вмѣстѣ со мною заглянуть въ нихъ? Но тише; не шумите стуломъ и бумагой: товарищъ мой уже храпитъ! Станемъ говорить шопотомъ. Если вамъ покажется, что я дурно выражаюсь, вспомните, что вамъ худо слышно меня.

Девизомъ всѣхъ этихъ непринужденныхъ изліяній яркой фантазіи и сердца, исполненнаго дѣтской любви и благодарности къ Творцу, могли бы служить слова самаго же поэта въ стихотвореніи *Лѣтняя ночь:*

О, какъ счастливъ, кто живетъ
Только сердцемъ и природой *!

* O, hur säll är menskan blott
Med sitt hjerta och naturen!

Посмотрите, какъ оригинально и мило, напримѣръ, содержаніе слѣдующаго стихотворенія.

ЖАЛОБА ДѢВЫ.

Сердце! сердце! если бъ ты, тревожное,
Здѣсь лежало на рукахъ моихъ,
Я тебя бъ заботливостью нѣжною
Успокоила.

Словно мать дитя свое, качаючи,
Тихо бъ я тебя баюкала:
Ты бы смолкло, ты во снѣ забыло бы
Всѣ мученія.

Но теперь въ груди, въ тюрьмѣ ты заперто,
Недоступно утѣшенію,
И открыто лишь тому, кто каждый часъ
Твой уноситъ миръ.

Но по мнѣ всего замѣчательнѣе въ этомъ собраніи отдѣлъ, названный: *Идилліи* и *Эпиграммы* *. Почти всѣ онѣ доказываютъ такую силу воображенія, и притомъ такъ просты, такъ народны, что Шведскіе критики рѣшительно признали ихъ было за переводы Финскихъ народныхъ пѣсень.

* «Эпиграмма, у древнихъ, обнимала почти весь кругъ нашей, такъ называемой, смѣшанной поэзіи.» (Современ. Т. XII. О Гречес. Эпиграм., стр. 73, *втор. нум*). Такъ должно понимать это слово и здѣсь.

Попытаюсь дать вамъ понятіе о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

ВРЕМЕНА ГОДА ВЪ СЕРДЦѢ ДѢВУШКИ.

Зимнимъ утромъ вышла дѣвица
Въ рощу, снѣгомъ опушенную,
И у ногъ своихъ увидѣла
Розу, холодомъ сраженную.
«Не печалься ты, несчастная,
Не тужи, сказала дѣвица,
Что пора твоя прекрасная,
Золотая, миновалася!
Прежде стужи и ненастія
Ты жила, ты наслаждалася,
Ты весну и радость вѣдала!
Нѣтъ, бѣднѣй мое сердеченько:
Разомъ въ немъ весна и зимушка!
Что весна моя — взоръ молодца,
Что зима моя — взоръ матушки!»

ДИВО - ПТИЦА.

Въ хату сынъ пришелъ изъ поля на ночь,
Мать-старуха укоряла сына:
«Каждый день, родной, ты сѣти ставишь,
Каждый день ни съ чѣмъ домой приходишь.

Всѣмъ удача, ты одинъ въ накладѣ :
Непримѣтливъ, что ли, али глупъ ты!»

Помолчавъ, дѣтина отвѣчалъ ей:
«Розным птицамъ тенета мы ставимъ,
Такъ неровное у насъ и счастье.
Видишь, матушка, вонъ тамъ за лѣсомъ
Завелась на мызѣ диво-птица.
Что я птицу ту стерегъ всю осень,
Заманилъ ее зимою въ сѣти,
А весной она и въ хатѣ будетъ.
Диво дивное! у этой птицы
Нѣту крыльевъ — вмѣсто крыльевъ груди;
Нѣту пуха — есть шелковы кудри,
Нѣту клёва — есть двѣ алы губы.»

*

Къ селянину входитъ старый воинъ
Безъ ноги, подпертый костылями.
Селянинъ стаканъ вина подноситъ
Старику съ вопросомъ: «Каково-то
Было, дѣдушка, тебѣ въ то время,
Какъ бывало врагъ тебя обступитъ,
И гремитъ пальба и ядра свищутъ?»
Воинъ, тихо взявъ стаканъ, отвѣтилъ:
«Какъ тебѣ, когда порой осенней
Градъ свиститъ и молнія сверкаетъ,
Ты же съ нивъ уносишь хлѣбъ для кровныхъ.»

*

Разъ пришла отъ милаго дѣвица.
Руки были красны. Мать спросила:
«Дочка, что твои такъ красны руки?»
Дочь сказала: «я рвала шиповникъ,
Я шипами исколола руки.»
Вновь она отъ милаго приходитъ.
Губы красны были. Мать спросила:
«Дочка, что твои такъ красны губы?»
Дочь сказала: «я малину ѣла,
Сокомъ ягодъ замарала губы.»
Вновь она отъ милаго приходитъ.
Щеки блѣдны были. Мать спросила:
«Дочка, что твои такъ блѣдны щеки?»
Дочь сказала: «Мать! готовь могилу!
Схорони меня и крестъ воздвигни;
На крестѣ же напиши мнѣ надпись:
«Разъ она пришла — горѣли руки
Отъ того, что милый пожималъ ихъ.
И опять пришла — горѣли губы
Отъ того, что милый цаловалъ ихъ.
Наконецъ пришла — поблекли щеки
Отъ того, что милый сталъ невѣренъ!»

У залива знаменитой Саймы *
Разъ подъ соснами игралъ ребенокъ.
Изъ чертога волнъ его увидѣвъ,

* Огромное озеро, изъ котораго вытекаетъ рѣка Вокса, славная водопадомъ Иматрой.

Некъ * въ прекрасное дитя влюбился,
Приманить его къ себѣ замыслилъ.
Вотъ онъ старцемъ на берегъ выходитъ,
Но веселый мальчикъ убѣгаетъ;
Вотъ онъ юношей опять выходитъ,
Неидетъ къ нему веселый мальчикъ.
Тутъ онъ выплылъ рѣзвымъ жеребенкомъ,
Поскакалъ, играя, межъ деревьевъ.
Тотчасъ мальчикъ началъ приближаться,
И маня, схватилъ его за гриву
И вспрыгнулъ на жеребенка съ крикомъ.
Но мгновенно въ глубину залива
Скрылся Некъ съ прекрасною добычей.
Мать ребенка на берегъ приходитъ,
Ищетъ дитятко, тоскуетъ, плачетъ.
Изъ чертога волнъ ее увидѣвъ,
Некъ въ прекрасную жену влюбился,
Приманить ее къ себѣ замыслилъ.
Вотъ онъ старцемъ на берегъ выходитъ,
Но печальная бѣжитъ отъ старца.
Вотъ онъ юношей опять выходитъ,
Но къ нему печальная не хочетъ.
Тутъ онъ выплылъ мальчикомъ веселымъ
И съ улыбкой на зыбяхъ качался.
Увидавъ потеряннаго сына,
Мать бѣжитъ къ нему нетерпѣливо,
Чтобъ дитя спасти отъ лютой смерти.
Но мгновенно въ глубину залива
Скрылся Некъ съ прекрасною добычей.

* Подводный духъ.

ПЛѢННИКИ.

Какъ со дна рѣки, съ песчанаго,
Жемчугъ бралъ однажды молодецъ;
Вынулъ онъ себѣ жемчужину
Цвѣту яркаго, небеснаго,
Видомъ круглую какъ звѣздочка.
И скрывалася въ ней дѣвица;
Что какъ взмолится красавица:
«Ты разбей свою жемчужину,
Дай изъ плѣна вытти, молодецъ!
И тебѣ я взоръ признательный
Подарю за милу волюшку!»

— Не бывать тому, голубушка!
Дорогá моя жемчужина:
Ты свой плѣнъ сноси безропотно;
Ты счастливѣй многихъ узниковъ. —

Тихо плѣнъ расторгла дѣвица
И яснѣй денницы утренней
Передъ молодцемъ воспрянула.
Пали къ плечамъ кудри русые,
Запылали щеки алыя.
И плѣненный ею молодецъ
Три часа стоялъ въ безмолвіи,
А когда прошелъ и третій часъ,
Робко сталъ молить онъ дѣвицу:
— Помрачи ты красоту свою,
Дай изъ плѣна вытти, дѣвица!
Я тебя слезой признательной
Подарю за милу волюшку. —

«Не бывать тому, голубчикъ мой!
Дорога́ моя жемчужина:
Ты свой плѣнъ сноси безропотно;
Ты счастливѣй многихъ узниковъ.»

Я боюсь утомить васъ переводами, которыхъ несовершенство очень ясно вижу самъ; но какъ же васъ иначе познакомить съ такими произведеніями?

Покуда закрываю книгу и тушу свѣчу. Покойной ночи! Боже, какъ товарищъ мой храпитъ! Сподоблюсь ли и я такаго блаженнаго сна?

Когда насъ разбудили въ 7 часовъ утра, мы съ прискорбіемъ услышали шумъ проливнаго дождя. Съ вечера не догадался я наказать, чтобы коляску нашу куда-нибудь упрятали, и теперь вспомнилъ свою оплошность. Но еще оставалась надежда на чью-нибудь догадливость. Одѣвшись, поспѣшилъ я удостовѣриться въ томъ. Коляска стояла середи двора съ откинутымъ верхомъ и вымокла словно лодка. Я хотѣлъ было разсердиться, но напередъ спросилъ себя: на кого? и такъ-какъ намъ съ самими собою довольно легко мириться, то я вдругъ одумался и расчелъ, что благоразумнѣе итти напиться кофе. У крыльца встрѣтилъ я старую высокую хозяйку съ подносомъ въ рукахъ. Я описалъ ей живыми красками несчастное положеніе коляски. Тотчасъ она бросила подносъ и отдала мальчику приказаніе поставить экипажъ въ са-

рай. «Помилуйте, мы сейчасъ ѣдемъ.»—Не принесетъ вреда,—отвѣчала хозяйка. «Вы держитесь правила: *mieux tard que jamais*, сказалъ я ей; а у меня на умѣ *горчица послѣ ужина.* Мы оба правы. «Худощавая старуха выпучила на меня большіе сѣрые глаза.

Когда я воротился въ комнату, товарищъ мой еще лежалъ. Увидѣвъ меня, онъ вынулъ изъ-подъ подушки своей связку сѣрыхъ книжекъ, и, подавая мнѣ одну изъ нихъ, сказалъ: «Я цѣлую ночь видѣлъ во снѣ поэзію и Рунеберга; не угодно ли получить то, что я написалъ въ припадкѣ лунатизма?» Я взглянулъ на заглавіе брошюрки и прочелъ: «Iääkynttilät, Летучіе листки Фридриха Цигнеуса. Гельсингфорсъ. 1837. Что это за слово Iääkynttilät, спросилъ я. Книга Шведская, а заглавіе... «Финское, продолжалъ онъ, и значитъ: Сосульки изъ весенняго льда.» «Ia så! Чудное заглавіе! Какъ вамъ Богъ помогъ пріискать его?» «Прочтите стихи въ началѣ книжки.» Перебирая страницы, я взялъ одну изъ огромныхъ чашекъ, которыя давно уже стояли возлѣ твореній г. Рунеберга, и спросилъ чего-нибудь для утоленія голода. Но на этотъ разъ въ трактирѣ Борго не случилось хлѣба. «Дождь на дворѣ, вода въ коляскѣ и пустота въ желудкѣ!» сказалъ я самъ себѣ: этаго ужъ слишкомъ много вдругъ. «Каково?» спросилъ я своего товарища, какъ будто онъ слышалъ мои мысли. Въ ту самую минуту я увидѣлъ, что онъ съ одного маха вливаетъ себѣ въ горло всю свою порцію чернаго напитка. «Вы не хотите кушать?»

воскликнулъ я. «Мнѣ все равно!» отвѣчалъ онъ, едва переводя духъ послѣ обильнаго пріема. Такая высокая философія отвратила отъ хозяйки бурю моего гнѣва. А чтобы онъ совершенно остылъ, прибѣгнемъ къ *Ледянымъ игламъ* г. Цигнеуса. Заглавіе книги повторяется въ ней и надъ первымъ стихотвореніемъ: пусть же оно объяснитъ намъ мысль автора.

«Я помню, говоритъ онъ, хижину въ пустынной долинѣ; кругомъ стояли недвижно осыпанныя инеемъ сосны... Вдругъ лучи солнечные освѣтили окрестность, давно забытую ими... Одежда зимы начала мало-по-малу исчезать, и около кровли хижины заблисталъ вѣнецъ изъ ледяныхъ алмазовъ, какъ на дѣвичьей шеѣ рядъ бѣлыхъ перловъ. Озаренные привѣтливымъ сіяніемъ солнца, они стали ронять слезы радости на мертвую землю. И я долго смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ казалось, что удѣлъ ихъ сладокъ, когда вешнее свѣтило согрѣваетъ холодную кору ихъ... Я ушелъ съ сею мыслію...

Скоро я возвратился. Ахъ, уже не оставалось отъ нихъ ни единаго слѣда: всѣ, всѣ они обратились въ ничто, исчезли навѣкъ. И жребій ихъ казался мнѣ достойнымъ жалости; мнѣ стало грустно, я задумался...

Но однажды я опять пришелъ въ долину. Что же? Густые ряды цвѣтовъ обнимали хижину какъ дѣти мать свою, и чудный ароматъ наполнялъ воз-

духъ. Тогда я вспомнилъ алмазы, которыми нѣкогда хижина была увѣнчана, и снова позавидовалъ ихъ судьбѣ. Они исчезли съ началомъ весны; но ихъ слезы послужили къ украшенію долины, къ радости дѣтей ихъ—цвѣтовъ, хотя эти и не думали о виновникахъ своего счастія, хотя и забыли, что тѣ пожертвовали имъ своею свѣтлою жизнію.»

Прекрасно! Изъ одной этой мысли уже видно, что г. Цигнеусъ поэтъ; каждая страница его говоритъ тоже, а послѣдняя пьеса: «*Я хочу мира* (jag vill ha ro)» всего убѣдительнѣе. Какъ послѣ того не порадоваться надписи: *Первая тетрадь*, выставленной въ началѣ книжки? Можно предсказать, что такія *ледяныя иглы* будутъ еще гораздо счастливѣе тѣхъ, которыя видѣлъ авторъ: производя благоуханные цвѣты въ душѣ каждаго, онѣ и сами не исчезнутъ, не будутъ забыты. Не беру однакожъ назадъ того, что сказалъ прежде о слогѣ г. Цигнеуса.

Наканунѣ г. Рунебергъ имѣлъ-было намѣреніе зайти къ намъ поутру, но мы болѣе не видѣли его. Еще многое остается мнѣ сказать о немъ: до сихъ поръ не сообщилъ я вамъ ничего о двухъ поэмахъ, которыя должно считать торжествомъ его таланта, и безъ которыхъ невозможно вполнѣ оцѣнить г. Рунеберга. Но такъ-какъ въ нихъ изображены нравы Финновъ, а этаго предмета я не намѣренъ касаться прежде, пока не дойдетъ до него очередь, то удоб-

нѣе будетъ не развертывать до того времени и обѣихъ поэмъ. Тогда онѣ послужатъ намъ важнымъ дополненіемъ къ тому, что мы сами увидимъ; тогда мы постигнемъ лучше и красоту и истину ихъ. Тогда же, быть-можетъ, откроемъ и кое-какія слабости въ поэтѣ, а доселѣ не-къ-чему было привязаться въ его произведеніяхъ.

Надѣюсь, что вы не принадлежите къ числу тѣхъ, кому непріятны похвалы, воздаваемыя ближнему безъ примѣси охужденія. «Однако въ комъ нѣтъ недостатковъ?» скажете вы. Правда, но если нужно отыскивать ихъ съ микроскопомъ въ рукѣ—не лучше ли забыть о нихъ? Притомъ же я не брался писать критики; я наслаждался сочиненіями г. Рунеберга, былъ плѣненъ его бесѣдой, и счелъ долгомъ отдать вамъ отчетъ въ своихъ наслажденіяхъ. Если они иногда и были неполны—развѣ я непремѣнно обязанъ смущать и ваше удовольствіе? Нѣтъ, вмѣсто того, чтобы искать вездѣ предметовъ хулы, порадуемся чистою радостью, что въ предѣлахъ любезнаго Отечества узнали новый талантъ, узнали достойнаго человѣка, который хотя и выражается на языкѣ не-нашемъ, но не можетъ быть чуждымъ для насъ, потому-что онъ вмѣстѣ съ нами гражданинъ Россіи. Да еслибъ и не то, развѣ не всѣ таланты единоземцы всякому, кто неравнодушенъ къ добру и красотѣ?

Но пора намъ разстаться на-время съ милымъ поэтомъ и по грязи ѣхать назадъ въ Гельсингфорсъ.

«Herr Цигнеусъ! вы готовы? сядемте-ка. Tag mig fan, какая мокрая подушка! Горько послѣ такихъ поэтическихъ минутъ... Что прикажете дѣлать? Послушайте, мадамъ, все ли мы вамъ заплатили? Счастливо оставаться! Мы незлопамятны. Да цвѣтутъ ваши кладовыя сухарями, да красуются ваши соусннчки, *если нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ, по-крайней-мѣрѣ долго, долго*, пока будутъ живы Борго и первый трактиръ его!!!...»

Оставляя городъ, мы согласились, по предложенію товарища моего, заѣхать къ помѣщику Б., пожилому вдовцу, который съ дѣтьми своими живетъ въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, недалеко отъ большой дороги. Этотъ Б., во время пребыванія моего въ Гельсингфорсѣ, имѣлъ несчастіе схоронить 18-ти лѣтняго сына и вмѣстѣ съ нимъ самыя блестящія надежды. Г. Цигнеусъ, въ званіи лектора при Фридригсгамскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ въ прежніе годы наставникомъ покойнаго. Вскорѣ увидѣлъ я влѣво отъ дороги большой деревянный домъ, окруженный садомъ, и мы поворотили туда.

Ласково встрѣтили насъ у дверей хозяева: высокій, дородный старикъ съ длинными сѣдинами, и старшій, теперь единственный сынъ его. Они повели насъ наверхъ въ залу, гдѣ мы нашли графиню Г. и двухъ молодыхъ дѣвицъ, дочерей помѣщика, недавно пріѣхавшихъ съ нею изъ Стокгольма. Все въ престарѣ-

ломъ отцѣ выражало глубокую скорбь. Не могу объяснить, чѣмъ она именно обнаруживалась: казалось, онъ былъ весь тоска. Грустно было смотрѣть на него, грустно его слушать: каждое движеніе, каждое слово, даже каждая улыбка носили слѣдъ однаго и того же чувства. Графиня, высокая, прекрасная женщина, которой благородныя черты лица соотвѣтствовали ея знатному происхожденію, плѣнила насъ умною бесѣдой, между-тѣмъ-какъ дѣвицы услаждали слухъ нашъ звуками арфы и голоса.

Ихъ блѣдныя, истомленныя печалію лица, ихъ черная одежда, ихъ трепетное пѣніе въ присутствіи растроганнаго отца, при однообразномъ стукѣ дождя, который крупными каплями, словно слезами, ударялъ въ окна, вся эта сцена въ кругу семейства, гдѣ слѣды горькой утраты были еще такъ свѣжи, привела меня въ состояніе такаго унынія, что я будто самъ потерялъ кого-то . . .

Какъ мы ни торопились, но не могли отказаться отъ обильнаго завтрака, за которымъ хозяинъ такими умилительными словами благодарилъ бывшаго наставника сына своего, что, кажется, и самыя стѣны должны были ему сочувствовать. «Пейте со мной,» сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, поднявъ вино и взявъ меня за руку, «пейте со мной за здоровье друга, которому я столько обязанъ. Не суждено было, чтобъ здѣшній міръ увидѣлъ на сынѣ моемъ плоды трудовъ его; но ихъ видитъ небо, оно и вознаградитъ ихъ!»

Съ теплымъ участіемъ, чуть не со слезами, оставили мы любезную семью скорбящихъ, какъ родную. Бѣдный старецъ! многими ли годами переживешь ты того, въ комъ надѣялся жить на землѣ еще и за гробомъ? Успѣетъ ли время пролить въ твою грудь цѣлительный бальзамъ свой? Ахъ! голова твоя уже бѣла какъ снѣгъ, и только встрѣча съ *нимъ* тебя утѣшитъ! Прости же. Мнѣ болѣе не свидѣться съ тобой; но я уношу въ сердцѣ твой почтенный образъ, и съ каждымъ воспоминаніемъ о тебѣ, самъ не зная, *здѣсь* ли ты еще, или уже *тамъ*, стану желать тебѣ мира.

Въ дорогу! Пошелъ! Дождь пошелъ; грязь такъ и брызжетъ въ коляску; холодно... Ну, слава Богу, вотъ и Гельсингфорсъ. «Теперь, товарищъ, приходится и съ вами разстаться: дайте же руку, прощайте! спасибо, спасибо вамъ за сопутствіе, за дружбу, за *Ледяныя иглы*... Прощайте, надѣюсь, не навсегда.» «А завтра?» Завтра, чуть свѣтъ, ѣду я въ Або—и мы болѣе не увидимся. Кланяйтесь всѣмъ добрымъ знакомымъ. Прощайте!

А ты, домикъ, гдѣ мнѣ еще только разъ ночевать, здравствуй!

Я. Гротъ.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Исторія Россійской Церкви. *Въ 8, стран. IX и* 370.

Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ появленія Христіанства въ Россіи и оканчиваетъ учрежденіемъ Святѣйшаго Сvнода. Предметъ, имъ избранный, такъ связывается съ политическою исторіей нашей, что книга его разливаетъ новый свѣтъ на важнѣйшую часть современнаго изученія. Въ драгоцѣнныхъ лѣтописяхъ нашей Церкви хранится повѣствованіе о духѣ Русскаго народа, о политическихъ отношеніяхъ Отечества къ иноземнымъ державамъ, о внутреннемъ состояніи государства и о благотворномъ дѣйствіи религіозныхъ чувствованій на всеобщее состояніе въ эпохи народныхъ бѣдствій. Здѣсь открываются причины самыхъ загадочныхъ явленій въ Рус-

ской исторіи. Ежели бы мы и съ этой одной точки смотрѣли на разбираемую книгу, она уже вошла бы въ сокровищницу драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній литературы, какъ созданіе полное, отчетистое, обработанное и основанное на достовѣрнѣйшихъ источникахъ. Но въ ней есть достоинство важнѣе: она, въ отношеніи къ религіозному чувству, этой первой потребности сердца и высоко образованнаго ума, можетъ служить самымъ назидательнымъ чтеніемъ, обогащая душу трогательными истинами и увлекая воображеніе умилительными примѣрами. Исторія каждой отрасли знаній есть лучшій руководитель для человѣка мыслящаго: исторія Церкви, исторія распространенія благотворной ея власти, и могущественнаго вліянія на совершенствованіе народа есть вѣнецъ человѣческихъ знаній. Разсматриваемая нами книга удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ критики даже въ отношеніи ученомъ и эстетическомъ. Ея планъ легокъ, вѣренъ идеѣ автора и въ полной гармоніи съ самымъ предметомъ. Въ матеріалахъ нѣтъ ни излишества, ни пестроты, ни пропусковъ. Все обдумано и введено въ прекрасное цѣлое. Изложеніе книги оживлено неподдѣльнымъ сочувствіемъ автора съ предметами и обработано до изящества.

*

2. Утренняя Заря. *Альманахъ на 1839 годъ, изданный В. Владиславлевымъ. Въ 12, стран. 384 съ 4-мя гравированными картинками.*

Въ Альманахѣ помѣщено *десять* статей въ прозѣ, и *сорокъ два* стихотворенія. Выборъ пьесъ показываетъ полное вниманіе и все уваженіе издателя къ публикѣ. Не говоря уже объ отличномъ изданіи и типографической роскоши, о прелести картинокъ, которыя выгравированы нарочно для Альманаха въ Англіи, книга его, по содержанію, исполнена занимательности и разнообразія. Историческія и этнографическія новости, живо переносящія читателя въ эпоху и мѣсто дѣйствія, смѣняются остроумными, трогательными и глубокомысленными повѣстями. За разсказами путешественника слѣдуютъ юмористическіе очерки характеровъ. И все это оживлено красками вѣрными и яркими. Между основными пьесами въ прозѣ мелькаютъ передъ вами прелестныя стихотворенія, такъ-что чтеніе книги уподобляется прогулкѣ въ роскошномъ саду, гдѣ не знаешь, что предпочесть— зеленѣющіеся ли луга то съ той, то съ другой стороны аллеи, или цвѣтники, по нимъ разбросанные. Мы не въ-силахъ защититься отъ искушенія, чтобы не сорвать хоть однаго изъ этихъ душистыхъ цвѣтковъ. *Праздникъ сердца* П. Ершова:

О свѣтлый праздникъ наслажденья!
Зерно мечтаній золотыхъ!
Мнѣ не изгладить впечатлѣнья
Небесныхъ прелестей твоихъ.
Онѣ на внутренней скрижали,
На днѣ сердечной глубины,
Алмаза тверже, крѣпче стали,

Рѣзцомъ любви проведены.
И съ каждымъ трепетомъ дыханья,
И съ каждымъ чувствомъ бытія,
Святые дни воспоминанья
Въ моей душѣ читаю я.
Но чуждый черныхъ свѣта правилъ,
Я стража чистой красоты
Къ вратамъ души моей приставилъ:
То—скромность дѣвственной мечты.
И никогда въ ней взоръ лукавый
Завѣтной тайны не прочтетъ,
И для безсмысленной забавы
Въ толпѣ пустой не разнесетъ.

3. Повѣсти *Барона Ѳеодора Корфа. Въ 8, стр.* 248.

Едва успѣли мы дать отчетъ о *Путешествіи въ Персію* (Современ. Т. XII, стран. 71 *перв. нумерац.*), какъ тотъ же авторъ представляетъ публикѣ свои Повѣсти. Дѣятельность утѣшительная, не потому, чтобы радовало насъ умноженіе книгъ, но потому, что въ авторѣ единодушно всѣми признанъ истинный талантъ. Прежде-нежели появилась книга его о Персіи, вотъ что сказано было въ *Библіотекѣ для Чтенія*: «Баронъ Ѳ. «Ѳ. Корфъ, котораго остроумные и милые очерки пу-«тешествія его въ Персію не однократно плѣняли чи-«тателей въ этомъ журналѣ, издаетъ полное описаніе «своего занимательнаго путешествія.» По отпечатаніи книги, объявлено было о ней въ томъ же журналѣ: «Это безспорно самая веселая и остроумная книга о «Персіи, какую намъ случилось читать въ послѣдніе

«годы на Русскомъ или на другомъ языкѣ; книга на-«писана легко, пріятно, мило, и при томъ содержа-«щая въ себѣ множество новыхъ и хорошихъ свѣдѣ-«ній.» Болѣе подробные, болѣе отчетистые разборы этой книги помѣщены были во всѣхъ нашихъ журналахъ, гдѣ однако же главное выражалось одно, т. е., что авторъ исполнилъ свое дѣло отлично хорошо. Изданіемъ своихъ Повѣстей онъ оправдалъ общее мнѣніе, составившееся о талантѣ его по первому произведенію. Скажемъ болѣе: онъ доказалъ, что не одно веселое и легкое составляетъ характеръ его сочиненій, что жизнь съ разнообразными своими явленіями и психологическими задачами равно доступна и понятна его таланту. Изъ трехъ Повѣстей, имъ напечатанныхъ, мы съ особеннымъ вниманіемъ остановились на первой. Красоты другихъ напоминаютъ собою черты, которыми любовались мы по-частямъ въ его путешествіи. Но первая Повѣсть болѣе оригинальна—и, можно сказать, произведеніе любопытное въ литературѣ нашей. Авторъ, отложивши въ-сторону всѣ прихоти заманчивыхъ вымысловъ, всѣ подпоры эффектности, всѣ узлы и катастрофы, ограничился строгими очерками дѣйствительной жизни, и подобно терпѣливому изыскателю строгой истины представилъ наблюдательному читателю послѣдовательность ежедневныхъ явленій, которыя между-тѣмъ способны погрузить душу въ невольное размышленіе, которыя мы, такъ часто видя, къ-сожалѣнію, пропускаемъ въ разсѣянности. Избравъ для обработыванія этотъ родъ

разсказовъ, сочинитель гораздо болѣе увлеченъ былъ любовію къ искуству, нежели расчетомъ собственнаго успѣха. Онъ открылъ дорогу, по которой пойдутъ многіе.

4. Дѣвичьи Интриги. *Романъ изъ частной жизни. Соч. А. М...скаго. Двѣ части. Въ* 12, *стр.* 120 *и* 131.

Романъ *изъ частной жизни:* уже ли авторъ предполагаетъ, что можно составить романъ изъ жизни *не-частной*, изъ разсказовъ о службѣ? Читая это сочиненіе, нельзя не чувствовать, что г. М...ской находится подъ сильнымъ вліяніемъ слога моднаго, щедраго на иперболы, повторенія, эпитеты, антитезы и прочія прикрасы, напоминающія собою давно брошенныя румяна и бѣлила. Тѣмъ болѣе удивляешься этой подражательности, что у автора есть неподдѣльная веселость, мастерство въ соображеніи и жизнь въ картинахъ.

5. Обольстители, *или семейство Ростовщика. Романъ въ трехъ частяхъ. Въ* 12, *стран.* 119, 100 *и* 114.

6. Неудача въ женитьбѣ, *или смотръ невѣстамъ. Повѣствованія путешествующаго по невѣстамъ въ Московской столицѣ. Соч. Ѳедота Кузмичева. Въ* 12, *стран.* 110.

Читатели много выиграютъ, если уволятъ себя отъ чтенія этихъ книгъ.

*

7. **Годъ жизни въ Петербургѣ**, *или невыгоды третьяго посѣщенія. Сочиненіе Александрова. Въ* 12, *стран.* 202.

Въ сочиненіяхъ г. Александрова есть предметъ, любопытнѣйшій для наблюденія, неистощимый для занимательныхъ разсказовъ: этотъ предметъ—самъ авторъ, герой всѣхъ повѣствованій г. Александрова. Но выгода, которую доставляетъ сочинителю личная особенность его, ничего бы не значила, если бы съ нею не соединился истинный талантъ, оживляющій каждое событіе, каждый моментъ дѣйствія. Новое сочиненіе, по содержанію своему и по прелести изложенія, можетъ назваться продолженіемъ прежнихъ Записокъ г. Александрова. Одна только здѣсь странность, которая, вопреки нашему мнѣнію, можетъ быть, и увеличитъ еще успѣхъ сочиненія; выходъ этихъ Записокъ не отдѣленъ законнымъ промежуткомъ отъ эпохи событія: для художническаго интереса мы полагаемъ это необходимымъ условіемъ.

8. **Записки** *Почетнаго Опекуна Д. Т. С.* **Штера** *о Московскихъ училищахъ Ордена св. Екатерины и Александровскомъ, объ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ и о Маріинской Больницѣ для бѣдныхъ. Въ* 4, *стран.* 40.

Здѣсь превосходно изображены правила, на которыхъ утверждается внутренняя дѣятельность въ сихъ четырехъ благотворительныхъ заведеніяхъ, а равно ихъ исторія и нынѣшнее состояніе. Предметъ самъ-по-себѣ такъ важенъ, что составляетъ лучшую

принадлежность исторіи. Но когда соединишь съ общею занимательностію предмета трогательныя частныя подробности автора; тогда книжка принимаетъ характеръ однаго изъ тѣхъ назидательныхъ сочиненій, которыхъ чтеніемъ опытные наставники образовали нѣкогда нравственность юношества.

9. Путевыя письма изъ Англіи, Германіи и Франціи *Николая Греча, съ присовокупленіемъ обозрѣнія техническихъ учебныхъ заведеній во Франціи и въ Германіи, составленнаго въ* 1837. *Три тома. Въ* 8, *стран.* 252, 286, 198 *и* 144.

Разнообразіе предметовъ, непринужденность тона и простота языка составляютъ отличительныя достоинства этаго сочиненія. Сверхъ того авторъ не ограничивается изображеніемъ однихъ собственныхъ впечатлѣній: онъ дополняетъ свои отчеты разсказами другихъ путешественниковъ, повѣствованіями изъ исторіи и мѣстными народными преданіями, что сообщаетъ его книгѣ не только занимательность, но и наставительность. Можетъ быть, смотря на послѣднее наше замѣчаніе, станутъ говорить, что это вредитъ нѣсколько единству слога и тона и невольно какъ въ компиляціи вводитъ автора въ повтореніе извѣстнаго уже изъ другихъ книгъ: но мы полагаемъ, что полнота объема — трудъ кабинетнаго человѣка, во многомъ поспоритъ съ увлекательною бѣглостію листковъ, исчерченныхъ даже геніальнымъ карандашемъ на всемъ лету дорожнаго экипажа.

10. Наполеонъ на островѣ св. Елены. *Собрано изъ записокъ Ласъ-Казеса, Гурго, Монтолона, О Мейра и Антомарки. Четыре части. Р. Зотова. Въ 8, стран. III и* 220, 242, 192 215 *и IV.*

Компиляція, невыгодная ни для тѣхъ, изъ чьихъ сочиненій сдѣланъ выборъ, ни для того, кто принялъ этотъ трудъ. Первые лишились всей прелести живаго и полнаго свѣжести разсказа, а послѣдній навелъ тускъ на блестящее имя.

*

11. Историческое Обозрѣніе Сибири. *Книга I съ* 1585 *до* 1742 *года. Въ* 8, *стр. XXX и* 589.

Начало труда, чрезвычайно полезнаго. Авторъ не ограничивается исторіею въ обыкновенномъ смыслѣ; онъ приводитъ все, касающееся до гражданственности Сибири, какъ то: законы, учрежденія, слѣдствія, и даже говоритъ о замѣчательныхъ лицахъ, въ ней дѣйствовавшихъ. Онъ предположилъ издать еще такую же книгу, въ которой доведетъ обозрѣніе свое до изданія Сибирскаго уложенія въ 1823 г.

12. О Грузинскихъ *древностяхъ, надписяхъ и монетахъ. Сочиненіе П. Савельева. Въ* 8, *стран.* 20.

Авторъ, указавъ на труды г. Броссе, занимающагося учеными разысканіями въ отношеніи къ Грузіи, представляетъ общій взглядъ на ея древности. Соединенныя усилія нашихъ ученыхъ подаютъ пріятную надежду на важныя открытія въ исторіи страны мало изслѣдованной и любопытной.

13. Пантеонъ *знаменитыхъ современниковъ послѣдняго шестидесятилѣтія съ ихъ портретами, издаваемый Ѳ. Веймаромъ. I, II, III. Въ 4. ст.* 31.

Литографированные портреты: Императора Александра I-го, Наполеона и Фридриха II съ краткими ихъ біографіями. Въ этомъ видѣ предполагается издать нѣсколько тетрадей. Къ-сожалѣнію портреты не очень похожи. Что касается до біографій, это одно изъ труднѣйшихъ предпріятій. Надобно большое мастерство и талантъ, чтобы въ маленькую раму достойнымъ образомъ вмѣстить жизнь великаго человѣка.

14 Родословная Россійскихъ Государей. *Составлена В. Лихачевымъ. На двухъ листахъ.*

Издатель, обработавшій превосходно свое предпріятіе, принесъ истинную пользу обучающимся отечественной исторіи. Пособія столь полнаго, вѣрнаго и удобнаго для уроковъ, у насъ еще не было. Кто только занимается подробнымъ изученіемъ исторіи Россіи, всякой увидитъ великое для себя облегченіе въ этихъ листахъ.

*

15. Разсказы старушки, *изданные Александрою Ишимовой. Часть первая. Въ* 16, *стран.* 330, *съ двумя литогравирофанными картинками.*

Намъ не случалось еще видѣть подарка дѣтямъ болѣе пріятнаго, болѣе полезнаго, болѣе соотвѣтственнаго теперешнему времени во всѣхъ отношеніяхъ,

какъ эта драгоцѣнная книжка. Сочинительница облекла въ самые натуральные и заманчивые разсказы назидательныя истины и совѣты, которые возлелѣяла въ душѣ своей, трогательно и нѣжно любящей милое дѣтство. Создавши для чтенія дѣтскаго истинно-увлекательный и вѣрный языкъ, она вполнѣ поняла потребности своихъ читателей, раскрыла передъ ними красоты въ природѣ и жизни, ихъ окружающей, надъ которою ежедневно могутъ они повѣрять свои пріобрѣтенія, и сообщила всему этому форму легкую, не напоминающую никакаго заимствованія. Въ дѣтской библіотекѣ, рядомъ съ *Исторіею Россіи*, должно стоять новое сочиненіе г-жи Ишимовой, какъ букетъ прекрасныхъ цвѣтовъ мы ставимъ подлѣ бюста драгоцѣннаго намъ человѣка. На книжкѣ отмѣчено: *Часть первая.* Это даетъ намъ пріятнѣйшую надежду видѣть и продолженіе повѣстей, которыми безъ сомнѣнія поспѣшитъ наградить свое дитя каждый отецъ, или каждая маменька.

16. Историческая Иконографія *для юношества, заключающая въ себѣ виды, портреты, памятники, одежды, оружіе, инструменты и проч., необходимые ко всякому курсу исторіи для дѣтей, и преимущественно къ курсу Ламе-Флёри.*

Обучаясь исторіи, дѣти не умѣютъ часто представить въ воображеніи своемъ разсказываемыхъ происшествій, потому-что неясно понимаютъ различіе между самыми обыкновенными предметами настоящаго времени и прежнихъ вѣковъ. Въ пособіе имъ из-

даются гравированные виды разныхъ вещей, наиболѣе упоминаемыхъ въ исторіи. Это изданіе дѣйствительно облегчитъ дѣтямъ многое въ наукѣ, столь необходимой и часто утомляющей ихъ вниманіе.

17. *Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній.* Курсъ рисованія. *Составилъ А. Сапожниковъ. Въ 8, стран.* 43 *съ* 12 *рисунками.*

При воспитаніи дѣтей ни на что не употребляется столько времени безполезно, какъ на обученіе ихъ рисованію по старой методѣ съ оригиналовъ. Г. Сапожниковъ, желая отвратить это неудобство, приготовилъ для военно-учебныхъ заведеній совсѣмъ особый курсъ обученія рисованью. Пользуясь его методою, ученики могутъ обойтися безъ оригиналовъ и выучиться правильно рисовать съ натуры. Все зависитъ отъ яснаго истолкованія правилъ перспективы съ помощію придуманныхъ имъ моделей. Если наши учители-художники когда-нибудь примутся за новую методу, безъ сомнѣнія эта часть воспитанія обратится въ занятіе полезное, чего до сихъ поръ нельзя было сказать по-правдѣ.

*

18. И то и се, *или собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ М. Д. Въ 12, стран.* 127.

19. Дѣтскія *поздравительныя стихотворенія. Въ* 16, *стран.* 12.

20. Взглядъ на поэзію. *Стихотворенія Ѳеофила Доброхотова. Въ 8, стран.* 24.

Сочинители этихъ стихотвореній, какъ самоучки-музыканты, не подозрѣваютъ, кажется, что для всякаго искуства есть правила. Они пишутъ стихи по-слуху, который у нихъ на-бѣду невѣренъ. Ужъ конечно нѣтъ нужды говорить съ ними о сущности поэзіи.

*

21. Провинціальный мужъ и его жена. *Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, Н. Соколова.*

Неудачная передѣлка Французской посредственности.

*

22. Собраніе задачь и предложеній, относящихся къ линіямъ второй степени. *Сочиненіе профессора при Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ г. Бруна. Въ 4.*

Основательное, полезное сочиненіе, доказывающее и знанія автора по этой части, и любовь его къ наукѣ.

*

23. Виды внутренняго судоходства въ Россіи, *въ* 1837 *году. Въ 4, стран.* 308.

Собраніе таблицъ, которыя показываютъ, сколько приходило и отправлялось судовъ по всѣмъ пристанямъ внутренняго судоходства въ теченіе года, какая была на нихъ кладь и на какую цѣну по объявленію судохозяевъ; сколько судовъ гдѣ зимовало, и

сколько ихъ построено. Всѣ эти показанія для статистики составляютъ драгоцѣнные матеріалы.

*

14. *Описаніе* Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, *составленное Владиміромъ Бурнашевымъ. Въ 8, стран.* 228.

Многіе изъ жителей здѣшней столицы конечно сами посѣщали нѣсколько разъ это заведеніе, образцовое во всѣхъ отношеніяхъ. Сочинитель книжки, о которой мы говоримъ, въ подробности описалъ все, что только захочется кому нибудь узнать объ училищѣ. Для иногородныхъ читателей, особенно для особъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, безъ сомнѣнія очень занимательно будетъ пробѣжать книжку.

25. *Картина энциклопедическаго и образцоваго* хозяйства въ селѣ Красный-Кутъ. *Издалъ Борисъ Волжинъ. Въ 8, стран.* 77.

Здѣсь помѣщено описаніе замѣчательнѣйшаго во всей Россіи имѣнія, которое находитcи въ 120 верстахъ отъ Таганрога и принадлежитъ Генералъ-маіору П. А. Папкову. Въ продолженіе 25 лѣтъ оно доведено до состоянія столь цвѣтущаго, что вмѣсто 7,500 р. доходу (какъ было прежде) даетъ теперь 300 т. р.

26. *Наставленіе о разведеніи* Испанскихъ овецъ *и надлежащемъ смотрѣніи за ними, сочиненное К. Берграссеромъ. Въ 8, стран. VIII и* 232.

Прекрасно обработанное сочиненіе, едва ли не единственное въ своемъ родѣ на Русскомъ языкѣ и примѣненное къ нашему хозяйству.

*

27. Волхвъ, *или полное собраніе гаданій, съ краткою миѳологіею. Въ двухъ частяхъ. Въ* 8, *ст.* 313.

II.

28. Чтенія о Словесности. *Курсъ четвертый. Въ* 8, *стран. IV и* 292.

*

29. *Исторія царствванія Государыни Императрицы* Екатерины II. *Сочиненіе А. Лефорта. Часть пятая* (послѣдняя). *Въ* 8, *стран.* 365, 43 *и* 42.

*

30. Энциклопедическій *Лексиконъ. Т. XV.*

*

31. *Курсъ* Практической Механики *Ястржембскаго. Часть вторая. Въ* 8, *стран.* 474.

*

32. Лексиконъ *городскаго и сельскаго хозяйства, составленный Иваномъ Двигубскимъ. Томъ десятый* (Ш—Ѳ). *Въ* 8, *стран.* 302.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. Фаустъ. *Сочиненіе Гёте. Переводъ Эдуарда Губера. Въ 8, стран. XXXIV и 248.*

Трудъ, совершенный г. Губеромъ, такъ обширенъ и важенъ, что, независимо отъ своего достоинства, онъ уже внушаетъ участіе къ себѣ и довѣренность къ исполнителю. Еще не развертывая Русскаго Фауста, конечно всякій любитель отечественнаго просвѣщенія уже заплатилъ переводчику дань признательности за благой подвигъ и отдалъ справедливость усердію его къ обогащенію нашей литературы столь существеннымъ достояніемъ.

При оцѣнкѣ такаго труда гораздо важнѣе опредѣлить значеніе его въ отношеніи къ читателямъ, нежели въ отношеніи къ подлиннику. Переводъ можетъ

грѣшить противъ точности въ частностяхъ даже и противъ вѣрности, и во то же время принести величайшую пользу, доставить полное эстетическое наслажденіе тѣмъ, для кого онъ предпринятъ т. е. лишеннымъ возможности читать подлинникъ. Въ такомъ конечно положеніи находится большинство читателей Русскаго Фауста; и мы можемъ предсказать имъ, что онъ произведетъ на нихъ впечатлѣніе, какимъ, кажется, давно уже ни одна еще Русская книга не дарила ихъ. Рѣдко прерывающаяся цѣпь глубокихъ мыслей и истинъ, переданныхъ въ прекрасныхъ стихахъ, поражающихъ то силой, то блескомъ, то простотой, вотъ что ожидаетъ всякаго въ переводѣ г. Губера. Кто при этомъ чтеніи остался бы равнодушенъ къ такимъ разнообразнымъ красотамъ, тому напрасно было бы читать и самый подлинникъ.

Но тѣмъ занимательнѣе становится вопросъ: вѣренъ ли Русскій переводъ Фауста? Вотъ-что говоритъ въ концѣ своихъ примѣчаній самъ переводчикъ: «Я не умѣлъ передать высокихъ красотъ оригинала; я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже отступалъ отъ него. Буквальный переводъ не всегда бываетъ и точнымъ переводомъ; по моему мнѣнію главное достоинство хорошаго перевода состоитъ въ томъ, что онъ по-возможности производитъ тѣже впечатлѣнія, какъ и подлинникъ.» Совершенно справедливо: особенно важно впечатлѣніе, производимое цѣлымъ; частностями можно иногда жертвовать; самъ Гёте въ одномъ мѣстѣ

своей автобіографіи: Dichtung und Wahrheit, порицаетъ щепетильную строгость (Aegnstlichkeit) переводчиковъ въ сохраненіи всѣхъ частностей подлинника. Особенно переводъ въ стихахъ отнюдь не долженъ, да и не можетъ быть буквальнымъ. Нельзя однако не согласиться, что чѣмъ болѣе онъ соединяетъ въ себѣ непринужденности и изящества выраженія съ вѣрностію мыслей, тѣмъ онъ совершеннѣе. Во всякомъ случаѣ, несоблюденіе близости позволительно только въ выраженіи, а не въ идеяхъ и не въ тонѣ. Признавая вполнѣ все достоинство труда г. Губера, должно тѣмъ не менѣе замѣтить, что онъ не вездѣ передаетъ тонъ и цвѣтъ Фауста, что онъ мѣстами ослабляетъ, иногда измѣняетъ смыслъ его стиховъ. Сверхъ того, есть два или три мѣста неясныхъ. Переводчикъ, кажется, по-временамъ терялъ изъ виду необычайную простоту разговорнаго языка въ этомъ произведеніи: тамъ дѣйствующія лица говорятъ хотя и стихами, но такъ непринужденно и неизысканно, что трудно было бы выразиться безыскуственнѣе даже и въ прозѣ ежедневнаго разговора. У г. Губера, напротивъ того, языкъ иногда принимаетъ несовсѣмъ умѣстную торжественность, иногда кудреватость и пестрѣетъ эпитетами по большой части лишними. Мы желали бы видѣть его стихи очищенными отъ частаго повторенія прилагательныхъ: *живой, святой, златой, роковой, нѣмой* и пр. и отъ нѣкоторыхъ рѣченій (напр. *безъ дальнихъ словъ)*, служащихъ явно только къ дополненію стиха. Изрѣдка встрѣчаются также обмолвки

противъ языка, наприм. *вынимать пламя изъ пепла, открыть черви* (вмѣсто червей, стр. 28) и н. др. Впрочемъ всѣ эти недостатки исчезаютъ во множествѣ превосходныхъ страницъ, такъ-что мы даже затрудняемся въ выборѣ которой нибудь изъ нихъ, и желающимъ удостовѣриться въ томъ не можемъ дать лучшаго совѣта, какъ прочесть весь переводъ г. Губера. Собственное эстетическое чувство легко укажетъ имъ такія страницы. Выписки же изъ сочиненія, гдѣ все такъ тѣсно связано одно съ другимъ, считаемъ безполезными: прекрасное мѣсто, вырванное изъ цѣлаго, можетъ остаться безъ эффекта; а извлеченіе однихъ мѣстъ, наименѣе удовлетворительныхъ, есть величайшая несправедливость къ таланту, и только заставило бы подозрѣвать, что мы или не умѣемъ, или не хотимъ видѣть красоты тамъ, гдѣ есть и слабости.

Что касается до послѣдняго достоинства въ какомъ бы то ни было поэтическомъ трудѣ, до формы его или до самыхъ стиховъ, въ этомъ отношеніи и самый взыскательный критикъ рѣдко найдетъ случай упрекнуть г. Губера съ основательностію. Нѣкоторыхъ поразило, что онъ, сохраняя по большей части метры подлинника, позволилъ себѣ употреблять иногда, *по примѣру Гёте*, стихи безъ мѣры. Такое обвиненіе кажется намъ ребяческимъ. Ужели стихи безъ мѣры позволительнѣе и менѣе непріятны на одномъ языкѣ, нежели на другомъ? И если справедливо, что у истиннаго поэта между формой и духомъ стиховъ

олжна быть необходимая связь, то ужели перевод-
икъ обязанъ вводить гармонію тамъ, гдѣ ея нѣтъ
ь подлинникѣ, потому только, что на его языкѣ
ще не было писано стиховъ безъ метра? Такимъ ме-
очнымъ устраненіемъ новизны можно убить всякую
мѣлость въ талантѣ. Не нужно знаменитаго имени,
тобъ позволить себѣ новость, не противорѣчащую
равому смыслу.

Намъ остается взглянуть на переводъ Фауста въ
тношеніи къ его трудности, или къ степени вѣрно-
ти, которой вообще можно достигнуть въ этомъ пред-
ріятіи. Не забудемъ, что передать со всею точностію,
аже и въ прозѣ, обширное созданіе генія есть под-
игъ не маловажный; исполненіе же его въ границахъ
ормы подлинника требуетъ силъ необыкновенныхъ.
ъ этомъ смыслѣ г. Губеръ сдѣлалъ безъ сомнѣнія
ще не все, но сдѣлалъ уже много: опытность и
азмышленіе помогутъ ему довершить трудъ и дой-
и до возможной въ немъ точки совершенства. Гёте-
 твореніе основано конечно на мысли истинной во
сѣхъ странахъ и народахъ, но на немъ глубоко оз-
ачена печать мѣстности и времени—и перелить духъ
о во всей чистотѣ въ переводъ есть уже по этой
ричинѣ дѣло неисполнимое. Прибавьте къ тому чрез-
ычайную точность и утонченность Нѣмецкаго языка,
оторый способенъ выражать съ удивительною мѣтко-
ію малѣйшіе оттѣнки мысли, который въ рукахъ та-
го исполина, какъ Гёте, становится всесильнымъ ору-

діемъ духа — тогда вы согласитесь, что требоват от переводчика Фауста тождества его труда съ под линникомъ было бы слишкомъ взыскательно. При знаемъ же безпристрастно искуство и терпѣніе, ко торыми г. Губеръ успѣлъ преодолѣть на пути своем безчисленныя трудности, и поздравимъ всѣхъ люби телей Русской литературы съ такимъ драгоцѣнным пріобрѣтеніемъ.

*

2. **Путевыя впечатлѣнія.** *Сочиненіе Александр Дюма. Переводъ съ Французскаго Дмитрія Ж равскаго. Двѣ части. Въ 12, стран.* 368 *и* 36

Прочитавъ эту книгу, многіе пожелаютъ, ч бы автору почаще приводилось уѣзжать изъ Париж Дюма, какъ путешественникъ, очень занимателенъ *человѣченъ.* На его счастье и переводчикъ свое дѣ исполнилъ какъ нельзя лучше.

3. **Донъ Кихотъ Ламанчскій.** *Сочиненіе М геля Сервантеса Саведры, переведенное съ Испа скаго Константиномъ Масальскимъ. Томъ I.* 8, *стран.* LXXII *и* 365.

Наше изданіе Донъ Кихота доставляетъ пубя кѣ дешевый и вѣрный случай полюбоваться, как прелестныя картинки изобрѣтены въ Парижѣ д безсмертнаго произведенія Сервантеса. Картинки реложены листами Русскаго перевода, о которомъ кой-то весельчакъ говоритъ: «Что вамъ до него за- «ло? Вообразите себя въ богатой картинной галлер

я скажите, станете ли вы разсматривать рамы кар-
тинъ, когда васъ увлекаютъ самыя картины? Пере-
водъ Донъ Кихота—рама, въ которую игривое, фан-
тастическое воображеніе художника вставило свои
прихотливые очерки.»

*

4. Историческіе Очерки, *или методическій курсъ исторіи, составленный по новому плану. Сочиненіе* Леви, *профессора словесности и исторіи. Переводъ съ Французскаго Я. Флоренсова. Въ* 8, *стран.* 380 *и VI.*

Въ оригиналѣ очень много недосмотровъ и даже
ажныхъ ошибокъ противу исторической вѣрности.
транно, что выборъ переводчика остановился на
томъ сочиненіи.

5. Исторія музыки, *соч. г. Штаффорда, съ примѣчаніями, поправками и прибавленіями г. Фетиса. Переводъ съ Французскаго, Е. Воронова. Въ* 8, *стран.* 399

Въ этой замѣчательной на Русскомъ языкѣ книгѣ
оединено сокращеннымъ образомъ все, что хотя нѣ-
колько касается до состоянія музыки у народовъ древ-
ихъ, среднихъ и новыхъ временъ. Штаффордъ пользо-
ался твореніями Бурнея и Гевкинса. Его недосмотры
ли пропуски строго исправлены Фетисомъ, особен-
о въ исторіи музыки у Французовъ и Англичанъ.
Іереводчикъ на концѣ книги помѣстилъ собственную
чень удовлетворительную на первый разъ статью:

Краткій взглядъ на состояніе музыки въ Россіи. Пр
составленіи этой статьи онъ пользовался указаніями
замѣчаніями князя В. Ѳ. Одоевскаго.

6. *Взглядъ на* Исторію и литературу Грузі
Соч. Академика Броссе. Переводъ съ Французскаго
Въ 8, *стран.* 67.

Замѣтки любопытныя по своей новости. Он
войдутъ нѣкогда въ систематической трудъ, который
долженъ явиться въ многосторонних выводахъ ка
сательно земли, такъ еще мало изслѣдованной.

*

7. Студентъ, *артистъ, хористъ и афферистъ. Шу*
точная оперетка въ двухъ дѣйствіяхъ. Передѣла
на съ Нѣмецкаго Ѳ. Кони. Въ 12, *стран.* 94.

Кто не смѣется отъ души, когда представляют
на Нѣмецкомъ театрѣ: Frölich? Г. Кони захотѣлъ до
ставить это удовольствіе тѣмъ особамъ, которыя даж
изъ водевилей составляютъ для себя чтеніе—и пер
дѣлавъ для нихъ эту пьесу, напечаталъ ее. Онѣ ко
нечно поблагодарятъ его за вниманіе.

*

8. Благовоспитанное дитя, *или какъ долж*
жить на свѣтѣ. Соч. Жозефины Ле-Бассю,
Франц. Въ 12, *стран.* 188 *и IV*.

9. Волшебныя сказки для дѣтей, *передѣла*
ныя съ Французскаго. Четыре части. Въ 18, *ст*
202, 192, 204 *и* 220.

Хорошенькія книжки, но для чтенія первоначальнаго едва ли полезныя. Онѣ вводятъ дѣтей въ ошибочныя умозаключенія. Во всякомъ оригинальномъ сочиненіи отражается много сторонъ жизни народа. Въ переводѣ это обстоятельство странно дѣйствуетъ на неопытныхъ читателей. У нихъ съ-дѣтства портится умственной взглядъ. Эти же самыя книги лучше читать съ дѣтьми въ оригиналѣ, а для Русскаго дѣтскаго чтенія непремѣнно избирать то, что образовалось подъ вліяніемъ и чувства и ума Русскаго и даже природы Русской.

*

10. *Начальныя основанія* **физіологіи** *для занимающихся зоологіею и медициною, съ гравюрами, служащими для поясненія содержащихся въ ней предметовъ. Соч. Мильнъ-Эдвардса. Съ Франц. Въ* 8, *стран.* 457.

11. *Руководство къ* **анатоміи человѣческаго тѣла**, *составленное для употребленія при лекціяхъ I. X. Розенмюллеромъ. Перев. съ Нѣм. подъ надзоромъ профессора П. Эйнбродта. Ч. I. Въ* 8, *ст. IX и* 457.

II.

12. *Исторія для юношества, соч. Ламе-Флёри. Перев. съ Фран. Полнаго курса часть X. Она содержитъ* **Миѳологію**.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. **Памятникъ вѣры**, *представляющій благочести-вому взору Христіанина празднества, православ-ною Церковію установленныя святымъ угодникамъ Божіимъ, съ краткимъ описаніемъ ихъ житія, и проч. Изданіе второе. Въ 8, стран.* 508.
2. *Краткое* **толкованіе на литургію**, *изъ цер-ковныхъ писателей извлеченное протоіереемъ Іако-вомъ Воскресенскимъ. Из. пятое. Въ 8, стр.* 79.

*

3. **Сочиненія Александра Пушкина.** *Т. IV, V, VI, VII и VIII. Въ 8, стр.* 328, 247, 310, 257 *и* 324.

. Стихотворенія Н. Тепловой. *Изданіе второе, умноженное. Въ* 12, *стран.* 78.

*

. *Учебная книга Всеобщей Исторіи. Соч. профессора И. Кайданова. Часть I.* Древняя Исторія. *Изданіе второе. Въ* 8.

*

. Алгебра *Бурдона. Переводъ Ѳ. Меца, принятый въ руководство въ Институтѣ корпуса путей сообщенія и Горномъ институтѣ. Изданіе* 4-е, *свѣренное съ* 8-*мъ Французскимъ изданіемъ. Въ* 8, *стран.* 298.

Переводчикъ этой книги, при новомъ ея изда-
і, въ предисловіе свое включилъ *фактъ* (говоря мод-
імъ нарѣчіемъ), свидѣтельствующій, «*до чего дохо-
пъ литература,*» когда *меценаты-книгопродавцы* при-
рутъ къ своимъ рукамъ писателей, жаждущихъ де-
жной славы. Вотъ этотъ любопытнѣйшій фактъ:
нигопродавецъ И. Глазуновъ издалъ въ Маіѣ ны-
ѣшняго года Алгебру Бурдона (см. т. XI Совре-
ен., стран. 73, *перв. нумерац.*); на этомъ изданіи
е было выставлено имени переводчика, какъ на
оихъ послѣднихъ изданіяхъ, и также было напе-
атано, что она принята въ Институтѣ корпуса пу-
ей сообщенія; поэтому многіе (разумѣется съ вида)
очли его за новое изданіе моего перевода. Въ С.
. бургскихъ Вѣдомостяхъ (№ 153, 1838 г.), въ

«*предостерегательныхъ* извѣстіяхъ, Институтъ объя-
«вилъ, что этотъ переводъ по невѣрности своей не
«могъ быть принятъ въ Институтѣ, и Главный Цен-
«сурный Комитетъ обязалъ И. Глазунова перепеча-
«тать заглавный листъ и уничтожить слова: *принято*
«*для преподаванія въ Институтѣ путей сообщенія.*»

*

7. Новый Сонникъ, *или толкованіе сновъ по ал-фавиту, и проч. Изд. второе. Въ* 16, *стр.* 237.

II.

8. Дѣянія Петра-Великаго, *соч. Голикова. Из-даніе 2-е. Томъ VII. Въ*, 8 *стран*, 538 *и XI.*

НОВАЯ ИСТОРІЯ.

...РЫВКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПАРТИЗАНОВЪ ...ПИРЕНЕЙСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

I.

Въ вашемъ дѣтствѣ, въ тѣхъ книгахъ, которыя ...итаются на колѣнахъ матери, васъ удивляли золотыя ...блоки Гесперидскаго сада, человѣкъ со львиной ко...жею за плечами, вливающій море въ океанъ—и вы ...аучились вылепетывать *Испанія.* Въ училищахъ, не...отя часто затверживая сказки объ Ассиріанахъ, ...ерсахъ, о началѣ Рима, вы украдкой отъ важнаго ...едагога читали Донъ-Кихота и Жилблаза—и имена ...спанскихъ королевствъ и городовъ врѣзались въ вашу ...амять какъ имена Нила и Тибра, Вавилона и Тер...опилъ. Въ ранней молодости, тревожимые жаждой ...ознаній, вы переносились въ Испанію, чтобы видѣть

цвѣтъ двухъ сильнѣйшихъ народовъ древняго міра, поливавшихъ ее своею кровію; вы искали въ Испаніи первыхъ слѣдовъ Ганнибала; радовались, что поняли слезы Цезаря передъ статуей Александра-великаго; вамъ казалось, что Римляне изъ остатковъ благоговѣнія къ своей Капитоліи уходили въ Испанію губить другъ друга въ междоусобной войнѣ. Провожая за Пиренеи тѣхъ дикарей-путешественниковъ, которые знали только дорогу съ сѣвера на югъ, вы погружались въ думу надъ вопросомъ: не полезнѣе ли было бы для человѣчества медленное разрушеніе старой имперіи, нежели внезапное паденіе подъ ударами дикарей-путешественниковъ?... Востокомъ и рыцарствомъ обдала васъ радужная волна, отдѣлившаяся отъ великаго наводненія Арабовъ и плеснувшая на Испанію народомъ, страстнымъ къ войнѣ, цвѣтамъ и женщинамъ; народомъ, принесшимъ образованность оригинальную какъ его Алгамбра, легкую, блестящую какъ иглы его минаретовъ. Существованіе Мавровъ въ Испаніи вамъ казалось страницами рыцарскаго романа, вплетенными въ исторію, полными великолѣпныхъ дворцовъ, рыцарскихъ игръ и любовныхъ похищеній. Но пальма, перенесенная на Европейскій берегъ Средиземнаго моря, не укореняется съ своей восточной вершиной на землѣ нашего юга. Удивленные ученостію Мавровъ, плѣненные ихъ гостепріимствомъ, вы негодовали на неблагодарность Испанцевъ-побѣдителей, для которыхъ Мавры тоже, что Греки и Римляне для другихъ Европейцевъ—и вы

ъ участіемъ слѣдили за остатками изгнаннаго народа, ока они не потерялись между варварскими племена- и Африки. Вы удержали въ своей памяти нѣсколь- о романсовъ, сложенныхъ Маврами о поединкѣ за евольницу, о тѣхъ мукахъ сердца, когда воспоминанія живы, а надежда мертва — романсовъ, еще по- горяемыхъ влюбленнымъ Испанцемъ передъ золо- енымъ балкономъ въ Мадритѣ, подъ окномъ вен- ы *, заклеенным бумагой, въ Сіерра-Моренѣ.

Новое поколѣніе охладѣло къ судьбамъ Греціи. авнодушіе сильнѣе времени дѣйствуетъ надъ ея раз- алинами. И чѣмъ новая Греція привлечетъ путеше- твенника, когда нестанетъ этихъ каменныхъ томовъ я древней исторіи? Только по преданіямъ еще вѣ- уемъ, что Италія хранитъ творческую тайну худо- жествъ—Италія, ставшая Тассовой октавой, изуродо- анной вставками и пропусками поющихъ гондолье- овъ. Но чудное сліяніе романтизма съ исторіей, вѣ- ованія, давно забытыя по-сю-сторону Пиренеевъ, ародный бытъ, въ которомъ больше поэзіи, нежели ъ книгахъ, увлекаютъ воображеніе въ Испанію, этотъ Европейскій Востокъ, классическую землю католициз- а и камариллы, инквизиціи и этикета, разбоя и парти- ановъ; землю, занимательную какъ замки ея Мавровъ, ъ которыхъ путешественника удивляетъ новость Араб- каго вкуса, окружаютъ образы изъ другой части міра, станавливаютъ надписи на стѣнахъ, какъ будто кто-

* Вента—постоялый дворъ.

нибудь придетъ съ Востока объяснить путешествен-нику: во славу Аллы, или невольницы начерчены эти надписи? Испанія пугаетъ воображеніе своими мело-драматическими нравами; но воображеніе любитъ пу-гаться. Она не привлечетъ путешественника своею общественною жизнію; за то, какъ послѣднія страни-цы романа, увеличитъ любопытство монастырями и со-борами, сіяющими золотомъ и драгоцѣнными каменья-ми какъ фантастическій дворецъ въ волшебной сказкѣ; очаруетъ городами, неизмѣнившими того вида, в которомъ ихъ оставили средніе вѣка, еще готовыми принять рыцарей или Мавровъ на свои зубчатыя стѣны—городами, освѣщенными по ночамъ одними лампадами, которыя теплятся передъ Мадонами и закапываютъ масломъ неосторожнаго прохожаго. Ис-панія поразитъ путешественника неожиданными форма-ми и странностію красокъ своей живописи, посвящен-ной то Мадонамъ съ лицами пламенныхъ Андалузянокъ, то свѣтлорусымъ серафимамъ, смотрящимъ на землю съ глазами, влажными отъ небесной любви, то блѣд-нымъ монахамъ, смотрящимъ на небо съ молитвою и пріютѣ въ небѣ. Въ одной Испаніи былъ Филиппъ II, въ теченіе полувѣка напрягавшій всѣ силы необъят-наго государства, чтобъ спасти свою душу. Въ одной Испаніи есть дворецъ-монастырь Ниневійской архи-тектуры, съ куполами, свѣтящимися какъ города въ Тысячѣ-одной-ночи, съ мраморными лѣстницами, ве-дущими въ подземельныя кладбища монаховъ и ко-

олей: это Эскуріалъ—Капитолія инквизиціи, съ за-
ами Балтазарова пира!

Будучи учениками, еще не понимая, какъ много
твратительнаго въ словѣ *инквизиція*, печальнаго въ
ловѣ *невѣжество*, мы затверживали причины упадка
Испанской монархіи. Въ лѣтахъ зрѣлыхъ мы радо-
ались, что наше отечество не Испанія—и, съ ду-
ою о томъ, что стало бы съ Европой, если бъ госу-
арства не падали отъ тѣхъ причинъ, отъ которыхъ
пала Испанія, мы неразъ спрашивали исторію, отъ
его Испанія, широкими шагами Гомеровыхъ боговъ
риближаясь ко всемірной монархіи, внезапно склони-
а на берега Манзанареза свою молодую главу, какъ
вою тысячелѣтнюю склонила Римская имперія на
ерега Босфора? Цѣлый міръ работалъ на Испанію,
жидая, какую плату она положитъ за труды. У солн-
а не было запада для Испанской монархіи. А она,
езпрерывно впадая въ политическія ошибки и госу-
арственные грѣхи, срамила, даже губила себя
ѣми средствами, которыми силилась поправить ошиб-
и, или загладить грѣхи. При Американскихъ галіо-
ахъ осрамилась банкрутствомъ; то довольствовалась
ятью-шестью фрегатами, гнившими въ Кадиксѣ, то
троила флоты для непріятельскихъ гаваней. Поте-
явши въ одно сраженіе свои грозные regimentos, въ
олтора вѣка не могла образовать другихъ; мстила за
биды не сраженіями, а убійствами курьеровъ; уни-
алась до мирныхъ договоровъ, похожихъ на отдыхъ

въ болотѣ; до политики, торжествовавшей пріобрѣте-ніе кардинальской шапки какъ совершеніе завоеванія. Произведя первоклассныхъ писателей, Испанія пере-стала понимать ихъ. Устраня цѣлый міръ отъ своей Аме-рики, и пяди земли не сохранила на ея твердой землѣ. Будучи любима солнцемъ больше остальнаго юга Ев-ропы, она широкія полосы земли оставила змѣямъ и скорпіонамъ, чтобы нетаясь копили свой ядъ, и тѣмъ дикимъ растеніямъ, которыми природа на поляхъ Ливадіи, въ долинахъ Ѳивскихъ, прикрываетъ свою наготу. Если бы до Баіонскихъ договоровъ длилось царствованіе помѣшанной Іоганны, не хотѣвшей для Испанскаго престола отвести своихъ глазъ отъ муж-нина трупа въ открытомъ гробѣ, и тогда бы такъ глубоко не упала Испанія; если бы ея поля, вмѣсто дождей и росъ, орошались кипяткомъ, и тогда бы такъ не обѣднѣла Испанія: столько бѣдствій нанесли ей и собственныя завоеванія (отъ которыхъ не ставало Испанцевъ для земледѣлія, мастерскихъ, даже для гарнизоновъ въ самой Испаніи), и стада мериносовъ, стоящія Египетской саранчи для Эстремадуры и Ка-стиліи, и эта живая гильотина умовъ—инквизиція, слишкомъ три столѣтія губившая умственныя силы народа такъ тщательно, неумолимо, какъ повѣрен-ные Голландской Остъ-Индской компаніи на остро-вахъ Тернатѣ и Тудорѣ губятъ желѣзомъ отпрыс-ки пряныхъ кореньевъ, производимыхъ природой вопреки выгодамъ Голландскихъ купцовъ.

Въ военномъ отношеніи, особеннаго изученія заслуживаетъ Испанскій народъ, образовавшійся въ ожесточенной борьбѣ столькихъ народовъ. Испанцы были Римлянами среднихъ вѣковъ, знали одно искуство военное, предоставляя промышленность другимъ народамъ. Подъ всѣми земными поясами набросаны могильные холмы надъ Испанскими воинами—передъ воротами Парижа и въ горахъ Араканскихъ, по берегамъ Эльбы и кругомъ Туниса. Испанцы въ войнахъ завоевательныхъ умѣли только разрушать, какъ будто духъ Испанскаго народа неспособенъ ни создать, ни улучшить системы управленія. Въ войнахъ отечественныхъ и междоусобныхъ—по преданіямъ, по склонности, по образу жизни—они оказали удивительную способность къ партизанской войнѣ. Эта способность, неуменшившаяся со временъ Донъ-Пелагіо до Веллингтонова перехода черезъ Бидасоа, до схватокъ Зумала-Кареги, ставитъ Испанцевъ наряду съ воинственнѣйшими народами древними и новыми. Такъ, въ отношеніи архитектуры, созданіе готическихъ храмовъ ставитъ наряду съ Перикловымъ вѣкомъ тѣ варварскіе вѣка, которые слѣдовали за крестовыми походами.

II.

Отъ уничтоженія замысловъ Филиппа II до 2-го Мая 1808 года, однообразная ничтожность состав-

ляетъ отличительную черту Испанской исторіи: ни одинъ человѣкъ не напечатлѣваетъ своего имени на свою эпоху; ни одно событіе не останавливаетъ вниманія, если только исключить поэтическую осаду Гибралтара, когда Бурбоны изъ Версали, принцы и вельможи изъ глубины Европы и Африканцы изъ-за Атласа, толпясь на берегахъ пролива, дивились Гибралтарской горѣ, походившей на огненный столбъ, извергаемый Везувіемъ.

Думали ли Испанки, своими воплями и стонами начавшія 2-е Мая 1808 года, что онѣ оплакиваютъ не отъѣздъ малолѣтняго инфанта, но почти все живое поколѣніе Испаніи, которое, завязавши въ этотъ день борьбу между минувшимъ и будущимъ своего отечества, растерялось на войнѣ отечественной и на войнѣ междоусобной, подъ руками палачей и подъ ножами убійцъ, отъ нищеты изгнанія и отъ солнца Африканскихъ президій*? Думали ли Испанскіе монахи, что они погибнутъ, заклиная того враждебнаго духа, котораго вызвали 2-го Мая 1808 года? Думалъ ли Мюратъ, приказывая въ этотъ день разстрѣливать схваченныхъ Испанцевъ, что онъ король-кавалеристъ, великолѣпный денди, также будетъ схваченъ, связанъ и также безъ суда разстрѣлянъ? 2-е Мая 1808 года принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ днямъ, которые означаютъ переходъ народа отъ однаго возраста въ другой; ибо жизнь народовъ

* Мѣсто ссылки.

измѣряется не простымъ временемъ, но подобными переходами, иногда совершающимися въ нѣсколько столѣтій, иногда въ самое короткое время. Этотъ роковой день, сквозь мглу многихъ лѣтъ, погребальнымъ факеломъ свѣтится надъ Испаніею—кораблемъ, на которомъ, при ударахъ бури, ломающихъ корабль, матросы рѣжутъ другъ друга.

При первомъ извѣстіи объ отреченіи Фердинанда VII, Испанія вспыхнула какъ страсти на Востокѣ, чуждыя постепенности и границъ—и совершила возстаніе такъ единодушно и одновременно, какъ при звукѣ тревоги Европейскія войска вскакиваютъ съ бивака. Это сравненіе тѣмъ вѣрнѣе, что Испанцы взялись за оружіе, не спрашивая, достанетъ ли у нихъ силы для нападенія или для обороны? Какъ въ Европейскомъ войскѣ напрасно искать того, кто первый по звуку тревоги сталъ на свое мѣсто, такъ въ Испанскихъ деревняхъ и городахъ напрасно искать того, кто первый вскричалъ: «да здравствуетъ Фердинандъ VII! смерть Французамъ!» Выраженіе: *Испанія возстала какъ одинъ человѣкъ*, останется классическимъ въ исторіи—но будетъ не полно: ибо Испанія возстала какъ одинъ человѣкъ, мучимый тѣмъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, при которомъ время стоитъ, а думы жгутъ. Положеніе народа спокойное, но грозное, не терпящее ни отлагательства, ни противорѣчія, уняло съ первыхъ дней возстанія происки людей, хотѣвшихъ остановить возстаніе изъ страха, изъ личныхъ выгодъ,

или въ надеждѣ лучшаго управленія при новой ди-настіи. «Мы осрамимъ себя, если признаемъ коро-лемъ Іосифа,» твердили Испанцы, полные народной гордости. Вскормленные матерями, не допускавшими ихъ къ груди безъ крестнаго знаменія, кропившими ихъ пеленки святою водою, Испанцы говорили: «еще «при Донъ-Пелагіо Мадона приняла Испанію подъ «свое покровительство: и мы оставимъ безъ защиты «Ея образа, блестящіе Испанскимъ золотомъ, Ея ста-«туи въ одеждахъ, сшитыхъ Испанками, оставимъ «въ то время, когда Мадона въ Кавадонгской пещерѣ «проливаетъ крупныя слезы; когда въ Мон-серратѣ «вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ на головѣ Мадоны «превратился въ черный!... Мученики вознеслись на «небо изъ-подъ рукъ палачей, изъ зубовъ звѣрей Рим-«скаго цирка; святые съ помоста монастырскихъ ке-«лій; дѣти Испанцевъ возносятся на небо съ матерін-«скихъ колѣнъ—мы вознесемся съ поля сраженія «покрытые кровію Французовъ какъ мученики пылью «Римскаго цирка, какъ наши дѣти слезами мате-«рей!...»

Люди, холодные какъ политика, утверждаютъ что лучше бы поступила Испанія, если бы признала королемъ Іосифа, и съ нимъ, безъ политическихъ потрясеній, совершила бы путь преобразованія. Но признавши Іосифа королемъ, Испанія, послѣ нѣсколь-кихъ частныхъ возстаній, которыя кончились бы раз-боями какъ возстаніе Калабріи, утратила бы свою

народность, безъ которой государству не совершить пути преобразованія, ибо безъ этой политической добродѣтели можно преобразовать народъ только въ илотовъ или обезьянъ. Испанія, покорная Іосифу, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ существовала бы на Европейской ландкартѣ, подобно какому-нибудь королевству Вестфальскому, потомъ, при скрипѣ Наполеонова пера, подъ императорскимъ декретомъ, прибавила бы нѣсколько новыхъ департаментовъ къ великой имперіи; потомъ, въ одно утро, отъ торжественныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, жители Мадрита проснулись бы Французами какъ жители Рима въ 1809 году. А какаго удивительнаго подвига не было бы въ исторіи! а какая чудная эпопея была бы потеряна для человѣчества—эпопея народа, забытаго въ углу Европы, казавшагося и посланникамъ и путешественникамъ толпой бродягъ, шайкой разбойниковъ, легкой добычей каждаго сильнаго государя, вздумавшаго удостоить Испанію завоеванія; народа, котораго существованіе ставилось ни-во-что на вѣсахъ Европейской политики, оставленнаго поколѣніемъ своихъ государей, съ крѣпостями и столицей проданнаго первымъ министромъ завоевателю, но народа, который почувствовалъ обиду, нанесенную его государю, какъ добрый сынъ чувствуетъ обиду, нанесенную его матери, возненавидѣлъ три цвѣта непріятельскихъ знаменъ, какъ мученики ненавидѣли вѣру своихъ палачей—и, какъ будто вдохновенный свыше, однимъ взглядомъ измѣрилъ глубину пропасти, готовой поглотить отече-

ство, и въ одно мгновеніе понялъ, что только отъ однаго себя долженъ ожидать спасенія! Безъ сборныхъ мѣстъ, безъ людей, способныхъ начальствовать, съ домашнимъ оружіемъ, при непріятельскихъ штыкахъ въ углахъ своихъ домовъ, при непріятельскихъ пушкахъ на улицахъ городовъ и деревень, возсталъ онъ противъ силы, тяготившей всю Европу, противъ государя-полководца, котораго геній можно сравнить только съ этой силой, тяготившей всю Европу. Съ духовенствомъ и съ женщинами бросался онъ подъ ноги завоевателю, чтобъ трупами остановить завоеваніе. Кто смѣетъ хулить поэта, что онъ, въ думѣ о небѣ, забылъ о землѣ? Кто смѣетъ хулить Испанцевъ, что они въ отечественную войну не заботились о собственности, о семействахъ, какъ начальникъ корабля, настигая непріятеля, не заботится о матросѣ, упавшемъ въ море; что они думали о бѣдствіяхъ Испаніи какъ Тель о лодкѣ, оттолкнутой имъ отъ земли въ жертву бурѣ, о лодкѣ, не имѣвшей ничего общаго съ его Швейцаріей: ибо лодка несла въ жертву бурѣ только враговъ его Швейцаріи?

Въ этой чудной эпопеѣ сколько эпизодовъ изъ романтическихъ поэмъ и разбойничьихъ романовъ!... Наполеонъ, принимающій извѣстіе о войнѣ, объявленной ему Испанской юнтой, съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ генералы Болье и Колли приняли извѣстіе о томъ, что какой-то Корсиканецъ, молодой какъ ихъ адъютанты, извѣстный нѣсколькими удач-

ными выстрѣлами въ Парижскую чернь, назначенъ, посредствомъ женскихъ связей, главнокомандующимъ Итальянской арміи! . . . Монахъ въ исповѣдной отпускаетъ разбойнику его прежнія убійства за обѣтъ совершитъ новыя надъ врагами Испаніи, благословляетъ веревку съ мертвой петлей!... При лунѣ, звуки мандалины вызвали на балконъ молодую Испанку съ гордымъ взоромъ, прерывчатой рѣчью: *онъ* цалуетъ ея длинные волосы, переброшенные вѣтеркомъ за перилы балкона; *она* клянется, что только трупами Французовъ можно купить ея сердце!... Преступникъ, выпущенный изъ тюрьмы на войну, не отъ радости, но отъ злобы забылъ сбросить цѣпь съ ноги; цѣпь звенитъ по мостовой; онъ повторяетъ: смерть Французамъ—и кровію воина облагородилась цѣпь преступника; въ походахъ сошли съ его тѣла красныя пятна, натертыя цѣпями! То не была обыкновенная война: половицы обагрились потаенными убійствами; ядъ былъ въ бокалахъ, поднятыхъ Французами за здоровье хозяина; ножи скрещивались съ приткнутыми штыками; Французскимъ пушкамъ, бросающимъ картечь, отвѣчали пушки съ зажженными сигарами, у затравокъ замѣнявшими фитили, заряженныя чугунными перилами балконовъ. Осады Сарагоссы, Жироны были битвами мучениковъ: грѣшникъ и грѣшница, праведникъ и праведница всходили на городскую стѣну за муками, достающимися имъ на часть!... Наполеону, ступившему на Испанскій берегъ Бидасои, углубленному въ думу, какъ смирить Испанію, не привидѣлись ли созвѣздія, чуж-

дыя неба его Франціи, несвѣтившія ему передъ восходомъ Аустерлицкаго солнца! и при свѣтѣ этихъ созвѣздій, не привидѣлся ли ему утесъ, непринадлежащій Пиренеямъ, на утесѣ старый воинъ въ красномъ мундирѣ, съ ненавистной кокардой? Онъ, новый Камоэнсовъ Адамасторъ у Мыса Бурь, не поднималъ руки, чтобъ заслонить Наполеону роковой путь въ Испанію; но блескъ Французскихъ штыковъ не показался ли Наполеону блескомъ океановыхъ валовъ? Громкое восклицаніе: vive l'empereur! прервало его думу объ Испаніи; но ему не показалось ли, что его дума прервана тихимъ шопотомъ о какомъ-то заточеніи?... Не-для-чего было Наполеону-плѣннику смотрѣть на созвѣздія другой половины неба: онѣ не всходили надъ Французской имперіей, онѣ не свѣтили Римскому королю; но не сдавалось ли плѣннику, что онъ гдѣ-то на твердой землѣ, во дни своихъ побѣдъ, видѣлъ своего тюремщика сира Гудзона Лова?...

Есть люди, для которыхъ куполъ св. Петра — только громада камней, обитая блестящимъ металломъ; Рафаэлева Мадона — полотно, пестрѣющее отъ красокъ: эти люди не понимаютъ святаго подвига Испанцевъ, какъ ночныя птицы не понимаютъ любви орла къ солнцу! Но возстаніе Испанцевъ уподобилось бы тропической бурѣ, вдругъ являющейся въ полной силѣ и стихающей вдругъ, если бы чувство народности на замѣнило Испанцамъ другихъ полити-

ческихъ добродѣтелей. Безъ чувства народности, слисаго съ преданіями предковъ, съ любовью къ царствующему Дому, огромное государство походитъ на кучу огромныхъ камней, несоставляющихъ никакаго зданія. Государство одряхлѣвшее, но сохранившее свою народность, въ годину опасности, чувствуетъ тотъ первый жаръ молодости, съ которымъ неразлучны смѣлость и рѣшительность. Филиппъ II наложилъ свою окровавленную руку на Испанію, спеленутую Карломъ V; остальные Габсбурги въ грязь уронили Испанію; Бурбоны навели на нее лоскъ Версальскаго Двора; чувство народности, недоступное и гнету, и сраму, и нововведеніямъ, пламенѣло въ Испанцахъ какъ огонекъ передъ алтаремъ: онъ, недоступный перемѣнамъ воздушнымъ, свидѣтельствуетъ о вѣрованіи народа; при бурѣ, заслонившей небо, освѣщаетъ символъ спасенія; въ ночной тишинѣ, горя между землей и Богомъ, какъ будто сторожитъ Его храмъ и Его спящихъ людей. Такъ велики были пожертвованія Испаніи въ войну за независимость. Такъ велики бѣдствія, выносимыя Испаніей послѣ этой войны, что невольно ищешь въ небѣ воздаянія государству-страдальцу! Лучшимъ воздаяніемъ будетъ для Испаніи, если она, изъ демократическаго моря, живыми волнами обхватившаго ее, вынесетъ свою народность, столько же чистою, недоступною всему не-Испанскому, какъ чисты, недоступны всему земному возвращались на небо тѣ Ангелы, которые, по разсказамъ Испанскихъ легендъ, любили посѣщать

Испанскую землю, не захватывали дыханіемъ земного воздуха, ни одной пылинки не уносили на ногахъ — и святые иноки тщетно при молитвѣ бродили глазами по землѣ, думая, не уронилъ ли небесный посѣтитель волоса съ молодой головы, пера изъ лазореваго крыла?

III.

Въ смуты каждаго переворота является толпа людей, которыхъ во дни общественнаго порядка не видно ни въ кругахъ высшихъ сословій, ни въ толпахъ черни; не этихъ людей путешественникъ встрѣчалъ объятыхъ думой въ Апенинскихъ лѣсахъ, въ пещерахъ Адріатическаго поморья; видалъ за журналами на бульварахъ Парижскихъ предмѣстій и заставалъ въ тайной бесѣдѣ за покосившейся стѣной однаго изъ при-Реинскихъ замковъ. Историкъ переворота, описывая этихъ людей, чувствуетъ то содраганіе, съ которымъ Мотецуминъ живописецъ списывалъ Испанца на лошади. Не доищется историкъ, откуда взялись эти люди, продающіе такъ дешево и совѣсть и руки; готовые все позволить себѣ на площади и во храмѣ, и ничего непрощающіе лучшимъ себя. Какой палачь такъ скоро и такъ хорошо выучилъ ихъ своему ремеслу? Какой нечистой духъ сложилъ для нихъ пѣсни съ припѣвами, зовущими цѣлый народъ на разбой? Но эта толпа не являлась въ Испаніи 1808 го

да, чтобы Испанію въ ея святое возстаніе запятнать окровавленною грязью съ того пути, на которомъ валяется красный колпакъ, торчитъ пика съ человѣческою головою; Испанія 1808 года вышла на святой поединокъ съ завоевателемъ Испаніей, еще недоступной тому духу преобразованій, который съ XV вѣка ходитъ по земному шару, Испаніей принадлежащей Европѣ по одной религіи, съ лѣнью—слѣдствіемъ климата, съ кровожадностію — слѣдствіемъ Африканскаго происхожденія, и съ кипяткомъ страстей, не умѣренныхъ ни общежитіемъ, ни уваженіемъ къ законамъ.

Англійское правительство, угрожаемое Наполеоновою высадкой, готово было прибѣгнуть къ партизанской войнѣ; и если бы Французская армія вторглась въ Англію, Англійскіе аристократы стали бы начальниками народныхъ партизановъ по своему вліянію на народъ, вліянію, еще неуменшенному стремленіемъ къ реформѣ, по своему образу жизни, познакомившему ихъ съ конемъ, ружьемъ и мѣстностію, и даже по своимъ физическимъ силамъ, еще обличающимъ Норманское происхожденіе Англійской аристократіи. Рѣзкую противоположность съ нею даже и въ физическомъ отношеніи составляетъ Испанская аристократія. Призванная въ Мадритъ Филиппомъ II съ той же цѣлію, съ которой послѣ Людовикъ XIV призвалъ въ Парижъ свое дворянство, она раздѣляла жалкую дѣятельность камариллы; занятіемъ высшихъ мѣстъ въ Америкѣ поправляла состояніе, разстроенное въ Мад-

ритѣ; еще при Филиппѣ II потеряла вліяніе на народъ, а при Бурбонахъ чувство народности—и, не замѣня этаго чувства новыми идеями, соединила восточную лѣнь съ пороками Европейской образованности. По смерти гранда наслѣдникъ его маіоратства, на короткое время, часто въ первый и послѣдній разъ, посѣщалъ зàмокъ своихъ предковъ, чтобы принять знаки феодальной покорности отъ своихъ вазалловъ и предать ихъ благосостояніе на произволъ своего повѣреннаго. Въ монастыряхъ, основанныхъ или обогащенныхъ предками гранда, звонили во всѣ колокола при радостномъ событіи въ его семействѣ; молились соборомъ о выздоровленіи гранда въ случаѣ его болѣзни, о счастливомъ возвращеніи въ случаѣ отбытія за Пиренеи или за Океанъ; печально звучали монастырскіе колокола при извѣстіи о смерти однаго изъ потомковъ гранда, основавшаго или обогатившаго монастырь. Подъ балдахинами, блещущими золотомъ, смотрѣла грандеца на бой съ быками; съ шляпами на головахъ благоговѣла передъ своимъ королемъ—и въ звонѣ монастырскихъ колоколовъ, въ балдахинѣ, въ шляпѣ заключались всѣ не-феодальныя права грандецы! Она, чуждая политической жизни своего отечества, не умѣла придать занимательности своему однообразному существованію ни любовью Итальянской аристократіи къ изящнымъ искуствамъ, ни учеными и хозяйственными занятіями Германской аристократіи. Одно богатство, такъ сказать безсмертное по закону первородства, служило грандецѣ жалкимъ утѣ-

ленiемъ въ холодности правительства и въ презрѣнiи нисшихъ сословiй. Замѣчателенъ упадокъ Испанской аристократiи въ физическомъ отношенiи: она, гордящаяся происхожденiемъ отъ Готѳовъ, необновленная арабскою кровью, несроднившаяся съ нисшими сословiями, такъ переродилась, что ей, по обычаю дворянства среднихъ-вѣковъ, надобно бы было вышить на груди гербы своихъ предковъ для того, чтобы сподвижники Пелагiя и Сида узнали своихъ потомковъ въ дедушныхъ, малорослыхъ герцогахъ, маркизахъ, съ именами, принадлежащими тѣмъ вѣкамъ, въ которые физическая сила почиталась достоинствомъ. Испанская аристократiя въ войну за независимость засѣдала въ юнтахъ, не принося большой пользы; начальствовала армiями, чтобъ терять армiи—но не являлась въ рядахъ народныхъ партизановъ. Для этаго годились бы дворяне-Яковиты, еще видимые на Ван-Диковомъ полотнѣ, въ шляпахъ съ строусовыми перьями, въ платьяхъ изъ разноцвѣтнаго штофа, съ пышными кружевами вокругъ шеи; встрѣтившiе на дворѣ Сенъ-Жерменскаго дворца слезами и колѣнопреклоненiемъ своего короля-изгнанника; завѣщавшiе дѣтямъ свою преданность къ законнымъ государямъ — и дѣти, для которыхъ страна изгнанiя уже стала отечествомъ, пришли, по завѣту отцевъ, умереть подъ Куллоденомъ! Но годилась ли для народныхъ партизановъ Испанская аристократiя, упавшая на колѣна въ Баiонскомъ дворцѣ, чтобы поцаловать руку незаконнаго короля? Испанская аристократiя походитъ на остатки рыцар-

скаго зàмка: еще цѣла хроника объ осадахъ, выдерживанныхъ этимъ замкомъ, о турнирахъ, бывшихъ передъ его башнями, о баронахъ, выходившихъ изъ его воротъ для поиска на большой дорогѣ, или для похода въ Палестину; но остатки зàмка сохранились не отъ благоговѣнія къ его древности, къ разсказамъ о немъ хроники, но только отъ того, что никому не нужно мѣсто, занимаемое ими. Ненависть Испанцевъ ко всему не-христіанскому, до того глубокая, что Испанцы XIX столѣтія не могутъ равнодушно видѣть мусульманской одежды, препятствовала ихъ предкамъ перенимать полезное у Мавровъ, бывшихъ гораздо просвѣщеннѣе и трудолюбивѣе своихъ побѣдителей. Но не смотря на это, Магометанское равенство передъ законами и право каждаго Магометанина пріобрѣтать недвижимость, занимать всѣ мѣста по службѣ — стали еще въ среднихъ-вѣкахъ политическою собственностію Испанцевъ. Каждый Испанецъ могъ достигнуть дворянства на войнѣ. Но въ то же время безпрерывныя войны препятствовали размноженію дворянскихъ родовъ; ибо только люди здоровые, сильные могли выносить военные труды среднихъ-вѣковъ: слабосильныя дѣти рыцарей обыкновенно шли въ монахи. Испанское нисшее дворянство только въ продолженіи войнъ съ Маврами занимало высшую степень передъ прочими сословіями; по окончаніи же этихъ войнъ въ правахъ и въ образѣ жизни сблизилось съ народомъ, составя тотъ классъ гидальгосовъ, полу-земледѣльцевъ, полу-дворянъ, изъ котораго Сервантесъ выбралъ сво

го героя. По открытіи Америки люди изъ низшихъ сословій, предпріимчивые, трудолюбивые, образовали денежную аристократію, занявшую мѣсто между высшимъ дворянствомъ и народомъ, мѣсто, до того принадлежавшее гидалгосамъ. Неотличенные отъ низшихъ сословій ни преимуществами, ни богатствомъ, они въ XVII столѣтіи совершенно смѣшались съ народомъ. Гидалгосъ, возвращаясь съ полевыхъ работъ, останавливается передъ воротами своего дома, чтобы поклониться гербу предковъ, пестрѣющему на воротахъ; любитъ разсказывать, что стѣна съ зубцами въ его гербѣ означаетъ за̀мокъ, отнятый у Мавровъ его предковъ; два-три ворона съ цѣпями на ногахъ въ окнѣ башни означаютъ Мавританскихъ *грандовъ*, если не королей, взятыхъ въ плѣнъ его предкомъ; что эта птица—дикій гусь—внесена въ гербъ предками-крестоносцами, или конкистадорами, бывшими за моремъ, какъ эта птица - путешественница. Но гербъ предка служитъ только пестрымъ украшеніемъ бѣдности потомка. До гидалгоса не дошли тѣ хартіи, въ которыхъ его предки читали о своей обязанности ходить на войну по призывамъ королей; не сохранились на голой стѣнѣ гидалгосова дома тѣ оружія, которыя, между рогами оленей и клыками кабановъ, висѣли въ обѣденной залѣ предковъ гидалгоса, означая, что дворянство должно знать только охоту и войну. Уже многимъ гидалгосамъ нечѣмъ было снарядиться въ походъ, когда Оливарецъ призывалъ ихъ на войну противъ возмутившихся Португальцевъ Но

съ царствованія Филиппа III войны отечественныя и междоусобныя постоянно находили гидалгосовъ въ рядахъ народныхъ партизановъ.

Наполеонъ во время Баіонскихъ договоровъ, говоря объ Испаніи, сказалъ; «то государство, въ которомъ много монаховъ, легко покорить.» И для самаго Наполеона Испанія была закрытой книгой. Передъ каждой битвой съ Маврами, среди Испанскихъ полковъ, раздавались торжественные голоса священниковъ и монаховъ, безостановочно пѣвшихъ псалмы; но при началѣ битвы священники и монахи мѣняли варварскую латынь на боевыя восклицанія того времени, оставляли кадило и распятіе для пики и ножа, не отставали отъ Сида въ его набѣгахъ; при торжественномъ молебнѣ святой водой кропили стѣны взятаго города, уже окропленныя кровью духовенства, падшаго на приступѣ. Епископъ въ стальной митрѣ, съ латами сверхъ своей фіолетовой одежды, поднималъ руку въ желѣзной перчаткѣ, чтобы концемъ распятія указать сражающимся Магометово знамя. Въ войнахъ, слѣдовавшихъ за покореніемъ Мавровъ, священники и монахи продолжали свято выполнять свою двойную обязанность пастырей и воиновъ: благословляли и убивали. При междоусобныхъ смутахъ обращали свои церкви и монастыри то въ арсеналы, то въ казармы, произносили передъ олтарями обѣты крови. Въ войну за Испанское наслѣдство, по увѣщаніямъ монаховъ, Ксантива сталь

вторымъ Сагунтомъ; монахи сражались за права Каталонцевъ какъ за вѣру и поощряли Каталонцевъ на подданство Турецкому султану. Въ революціонную войну монахи сѣверной Испаніи такъ спѣшили на войну, какъ будто одинъ изъ монашескихъ обѣтовъ, подобно обѣту паладина, клятвѣ епископа-вазалла, обязывалъ Испанскихъ монаховъ воевать. Испанское духовенство участвовало въ Земскомъ Управленіи, было почти единственнымъ богатымъ сословіемъ, жившимъ среди народа, единственнымъ изъ государственныхъ сословій, занимавшимся его судьбою, знавшимъ его нужды. По этимъ причинамъ вліяніе духовенства на народъ казалось неограниченнымъ, тѣмъ больше, что духовенство распоряжало въ одно время огромными богатствами — и надеждами на блага другаго міра. При всемъ этомъ оно подчинялось желаніямъ народа, ибо, вышедши изъ среди народа, вполнѣ раздѣляло его невѣжество, пороки и страсти, даже его любовь къ бродяжнической жизни; вмѣстѣ съ народомъ любило и ненавидѣло, наслаждалось и страдало. Это было то католическое духовенство среднихъ-вѣковъ, надъ которымъ любили посмѣяться трубадуры и труверы, которое проигрывало въ кости церковную утварь, и закладывало монастырскія земли, чтобъ купить галебарду съ латами и коня съ боевымъ уборомъ. Испанское духовенство не образовало, не ускорило возстанія противъ Французовъ, но только усилило его. На перекресткѣ останавливался монахъ, возвышалъ голосъ, чтобы привлечь вниманіе;

его руки, въ быстрыхъ движеніяхъ, то протягивались, то описывали круги въ воздухѣ; его глаза устремлялись на небо при имени Фердинанда VII; его ноги били землю при имени Наполеона; негодованіе прерывало слова, обѣщавшія любовь Христа за кровь человѣка!... На перекладинѣ однаго изъ Сарагосскихъ домовъ сидѣлъ монахъ; огонь пробирался къ нему по перекладинѣ; картечь сшибла шляпу съ него; вѣтеръ посыпалъ горячимъ пепломъ обнаженную голову. Она служила цѣлью Французскимъ стрѣлкамъ. Монахъ шепталъ ave Maria, стряхивалъ пыжи и искры съ рясы, начинавшей дымиться, и наводилъ карабинъ. Перекладина рухнула; Французы ворвались въ домъ; въ углу первой комнаты видѣнъ былъ монахъ; пламя на полу лизало дымящуюся кровь; монахъ шепталъ ave Maria и наводилъ карабинъ—и думалъ о близкомъ спасеніи своей души.

Были монастыри, изъ которыхъ монахи всѣ присоединились къ герильясамъ. Многимъ изъ монаховъ, пріученныхъ годами къ покою и довольству монастырской жизни, были невыносимы тревоги и лишенія герильясовъ; пика скоро натирала мозоли на ладонь изнѣженной руки; шомполъ и курокъ плохо повиновались пальцамъ, привыкшимъ перебирать четки; монахъ ронялъ пику и карабинъ—и съ однимъ ножемъ шелъ на Французовъ: умирая на походѣ отъ изнуренія, вѣрилъ, что патрону его ордена смерть монаха отъ трудовъ на войнѣ за Испанію также будетъ

одна, какъ смерть монаха отъ поста и бичеванія. За то угіе монахи, не отставая отъ герильясовъ, совершен- забыли монастырскія привычки и стали отличными ѣздниками. Страсти, бросившія ихъ въ монастыри, оснулись отъ запаха крови и своеволія биваковъ—всѣ оснулись: и честолюбіе зрѣлыхъ лѣтъ, осмѣянное ро- мъ; и любовь, отринутая дѣвой первой любви; и злоба людей, утомившихъ холодными встрѣчами пламен- ю душу юноши! Лоіола, выходя изъ Монсерратскаго настыря, оставилъ свой Толедскій клинокъ въ залогъ оего возврата къ монастырской жизни; но монахи- ртизаны ничего не оставили въ монастыряхъ въ логъ своего возврата. Лоіола, спустившись съ Мон- ррата, шелъ по дорогѣ міра, пока не совершилъ сво- подвига; совершивъ его, уклонился на покой подъ ирокую тѣнь Ватикана. Монахи-партизаны также вершили свой подвигъ; но страсти и междоусобная йна удержали ихъ на дорогѣ міра; утомленные и изнію и сраженіями, не подъ тѣнь монастырской ркви, даже не въ землю благословенную вѣрой укло- лись на вѣчный покой. Въ наше время, когда Испан- ı разстрѣливаютъ монаховъ, бьющихся съ своими ховными дѣтьми за свое существованіе, какъ нѣко- а съ Маврами и Наполеономъ, еще продолжаются явле- я монаховъ-партизановъ—послѣднія явленія, изъ дру- го времени, уже невозвратимаго и для самой Испаніи.

Контробандисты составляютъ особыя многочи- енныя поколѣнія. Они, оставя полевыя работы жен-

щинамъ, съ чуднымъ инстинктомъ Американскихъ ди-
карей отправляютъ свое опасное ремесло, переданно
имъ отцами. Мѣняясь привѣтами съ разбойниками
пулями съ таможенной стражей, часто выдержива
сраженія противъ регулярныхъ войскъ, контробанди-
сты Пиренейскими тѣснинами пробираются къ Фран-
цузской границѣ; по вѣчнымъ Алпухарахскимъ снѣ-
гамъ прокладываютъ тропинки къ мѣстамъ свиданія
съ тайными гостями изъ Гибралтара; иногда, разби-
вая таможни, чаще потаенными путями проникают
въ Португалію; на лихихъ бѣгунахъ, съ кипами за-
прещенныхъ товаровъ, носятся по Кастиліямъ и Ан-
далузіи. На контробандистѣ платье изъ лучшаго су-
на; его оружіе въ дорогой оправѣ; онъ отличается
рѣшительнымъ видомъ, какъ человѣкъ, гордящійся
своимъ ремесломъ: безпечный, въ слѣдствіе безпре-
рывныхъ переходовъ отъ успѣховъ къ лишеніямъ,
дерзко понтируетъ противъ законовъ; карты—его му-
лы, ставка—его жизнь. Эта жизнь походитъ на жизнь
морскаго рыбака, у котораго на землѣ только мѣсто
ночлега; остальное все на морѣ, то грозящемъ ему,
то покоящемъ его. И грандъ перваго класса не пода-
ритъ свою невѣсту такими блондами, матеріями, ка-
кими даритъ свою молодой контробандистъ. Правда,
на подаркахъ бываютъ кровавыя пятна; но невѣстѣ
ли контробандиста пугаться кровавыхъ пятенъ? Меж-
ду вьюками мула контробандистъ усаживаетъ сына,
еще отрока, чтобъ познакомить его съ тайными пу-
тями таможенной стражи. Сынъ жалуется на уста-

ость; отецъ показываетъ ему на вьюки: «вотъ изголовье маленькаго контробандиста; оно не мягко; за го у самаго архіепископа Толедскаго нѣтъ такаго дорогаго изголовья.» Сынъ жалуется на холодъ; тецъ указываетъ на солнце; «вотъ brasero * маленькаго контробандиста; помолись Мадонѣ, чтобъ оно согрѣло маленькаго контробандиста!» Въ воскресный-день колокола призываютъ въ церковь: надо бы было зайти въ исповѣдную, потому-что на ногѣ есть свѣжая кровь; но дорога контробандиста мио отворенной церкви и ея исповѣдной. Вѣтерокъ риноситъ звуки мандолины, напѣвы романса, восклицанія пляшущихъ фонданго: взыграло Испанское серде контробандиста; онъ отсталъ отъ своихъ муловъ, слушивается, повторяетъ знакомые напѣвы, подерживаетъ плечами... Вдругъ блѣдность—при взглядѣ, случайно упавшемъ на одинъ изъ придорожныхъ холовъ; измѣнившимся голосомъ торопитъ своихъ муовъ; чего же испугался контробандистъ? ничего нѣтъ живаго на томъ холмѣ, кромѣ вороновъ!... Вдругъ ь судорожнымъ движеніемъ схватываетъ карабинъ и скрикиваетъ отъ радости, поваля пулею ворона, не спѣвшаго слетѣть съ дороги. Чему обрадовался конробандистъ? Никогда воронъ своимъ крикомъ не предавалъ его таможенной стражѣ. На томъ придорожномъ холмѣ висѣлица; кондробандистъ на висѣлицѣ; оронъ, объѣвшись его мяса, не успѣлъ слетѣть съ ороги. Когда отъ старости не станетъ силы навью-

* Жаровня, замѣняющая въ Испаніи каминъ.

чить мула, совладѣть съ карабиномъ—контробандистъ между женщинами и дѣтьми, ѣстъ хлѣбъ, добываемый его сыновьями, пока они не попались подъ пули таможенной стражи. Тогда съ нищенской сумой обхаживаетъ онъ селенія, долго стоитъ подъ окнами монастыря, прося не подаянія, но молитвъ о душахъ его сыновей. Въ одинъ вечеръ пастухи, возвращаясь со стадомъ въ селеніе, сказываютъ жителямъ: «там «у дороги лежитъ тѣло стараго контробандиста: вы «курили его сигары; ваши жены носили его ленты: «подите похороните стараго контробандиста!» Въ войну революціонную и въ войну за независимость контробандисты были первыми Испанцами, составившими партизанскія партіи. Молодой, еще неопытный контробандистъ учился своему ремеслу въ партизанской войнѣ. Контробандистъ зрѣлыхъ лѣтъ находилъ въ партизанской жизни все, чѣмъ въ молодости ему нравилась жизнь контробандиста—ночи съ нечаянными нападеніями и скрытными переходами, дни съ гитарой, сіестой и сигарами въ потаенномъ убѣжищѣ, долгое бдѣніе на берегу потока, у опушки лѣса, биваки и опасности, добыча и женщины.

Кто не читалъ о студенческой жизни среднихъ вѣковъ, такъ подробно, такъ грамматически описанной хрониками, не позабывшими ни важности профессоровъ, разъѣзжавшихъ на мулахъ, ни кривизны улицъ Латинскаго квартала, усланныхъ соломой? Въ одной Испаніи студенты остались при одеждѣ и об

изъ жизни студентовъ XV столѣтія. Большею частію ѣти ремесленниковъ и земледѣльцсвъ, не отъ склонрсти къ наукамъ, но отъ лѣни дѣлить отцовскіе труы, босоногіе, въ черныхъ оборванныхъ плащахъ, но акинутыхъ по образцу древнихъ, въ высокихъ безъ олей шляпахъ, похожихъ на Арлекинскія, они наполяли двадцать четыре Испанскіе университета. Не бролили изъ города въ городъ, какъ Нѣмецкіе студенты редннхъ-вѣковъ, извѣстные подъ именемъ Die fahenden Schühler, которые для бродяжничества сбирались по нѣскольку сотъ въ одну толпу; но, по обыаю этихъ студентовъ, ходили по улицамъ, прося миостынп, на что имъ было дано право особымъ заономъ Карла V; тѣснились передъ воротами монатырей въ ожиданіи супа, которой въ извѣстные чаы монахи раздавали нищимъ — сцена, изображенная Iуриллой въ одной изъ лучшихъ его картинъ. Система преподаванія наукъ въ двадцати четырехъ Испанскихъ университетахъ только стѣсняла независиость студентовъ, не просвѣщая ума, не проникая до ердца. Сынъ ремесленника, выучившій нѣсколько Лаинскихъ цитатъ, почиталъ себя въ правѣ презирать емесло своего отца. Многіе изъ студентовъ хорошо нали, гдѣ, за городскимъ полемъ, легче остановить рохожаго, и въ какомъ мѣстѣ кустарника лучше хоронить мертвое тѣло. Въ началѣ войны за независимость, студенты нашили знаменъ съ надписями, гроившими Наполеону по-Латыни, составили особенные аталіоны подъ названіемъ Катонова, Брутова, бата-

ліона ученыхъ императора Карла V, въ благодарность за его законъ, позволившій студентамъ просить милостыни. Но въ первыя сраженія растерялись знамена съ Латинскими надписями, и разсыпались баталіоны Катона, Брута. Слѣдующіе годы войны нашли студентовъ въ партизанскихъ отрядахъ, гдѣ отличались они буйствомъ на бивакахъ, дерзостію въ сраженіяхъ. Имя студента осталось при имени однаго изъ замѣчательныхъ Испанскихъ партизановъ *.

Путешественникъ, на широкихъ, такъ называемыхъ королевскихъ дорогахъ, охотникъ, на извилистыхъ тропинкахъ пустынной Сіерры, всего чаще слышитъ колокольчики навьюченныхъ муловъ и крики погонщиковъ, сильныхъ, здоровыхъ, составляющихъ, подобно контробандистамъ, особенное поколѣніе, образовавшееся отъ недостатка сообщеній между Испанскими городами и областями. Въ мулахъ заключается все наслѣдство погонщика; но это наслѣдство, въ Испаніи, для ея постояннато странника не имѣло бы никакой цѣны, если бы отецъ не научилъ его владѣть ножемъ и карабиномъ. Мать, жена, при отправленіи погонщика въ дорогу, скорѣе забудутъ позаботиться объ его рубашкѣ, нежели о добротѣ его пороха. Не забываютъ потвердить въ-проводы, какую молитву должно прочесть ему, вступая въ горное ущелье, приближаясь къ глубинѣ лѣса; какаго свята-

* Мина-студентъ, кончившій военное поприще 18 лѣтъ, племянникъ извѣстнаго Мины.

го, какую Мадону лучше призвать ему на помощь, хватаяся за свой ножъ или за свой карабинъ. За исключеніемъ отцовскаго промысла погонщикъ муловъ не знаетъ другаго средства прокормить себя и дѣтей. Вся жизнь его, однообразная какъ звуки колокольчиковъ на его мулахъ, проходитъ на пустынныхъ дорогахъ и горныхъ тропинкахъ. Опираясь на длинную палку съ заостреннымъ концемъ, рѣдко отстаетъ онъ отъ своего лучшаго мула, потому-что по бокамъ этаго мула висятъ два карабина. Нерѣдко, среди полей, среди горъ, онъ проходитъ мимо деревянныхъ крестовъ, старыхъ и новыхъ, отличающихъ могилы убитыхъ на пути, и думаетъ: кому скорѣе погонщика муловъ придется лечь подъ такой крестъ! Отдыхая передъ очагомъ венты, онъ не разсказываетъ о своей недавней перестрѣлкѣ, ручной схваткѣ съ разбойниками; это такъ обыкновенно для погонщика муловъ, какъ простуда, мозоль на ногѣ, потому-что добро, хранящееся въ его вьюкахъ, всегда стòитъ того, чтобъ разбойники не пожалѣли крови и пороха для обладанія его вьюками. Часто правительство нанимаетъ погонщика муловъ — и тогда онъ рѣдко забываетъ прикрѣпить между ушами своего лучшаго мула палку съ лоскуткомъ холста, на которомъ пестрѣется что-то похожее на Кастильскія башни. Но чаще Гаванская сигара въ зубахъ погонщика, его камзолъ изъ Французскаго бархата, лоскутки Англійскихъ матерій, украшающіе головы муловъ, показываютъ, что погонщикъ съ своими мулами сослужилъ тайную службу контробандистамъ.

Проходя Испанію по всѣмъ направленіямъ, иногда онъ такъ долго не бываетъ дома, что, по его возвращеніи, собака лаетъ на него какъ на чужаго, дѣти не называютъ его по-имени; переступая черезъ свой порогъ, смотритъ, что Богъ послалъ въ его домъ—колыбель или гробъ? Война прекратила ремесло погонщика. Ни оружіемъ, ни теплою вѣрою въ своихъ святыхъ не оборонилъ онъ своихъ муловъ отъ встрѣтившагося войска... ненадолго съ горя склонилъ голову; не садился при дорогѣ съ думой, чѣмъ будетъ кормиться: ножъ и карабинъ остались при немъ — а Герильясы бродятъ по окрестности! На ихъ бивакахъ погонщикъ муловъ примирился съ разбойниками и возобновилъ старую дружбу съ контробандистами.

IV.

Спросите Байрона объ Испанкахъ. Онъ видѣлъ женщинъ Венеціи, изъ любви къ которымъ нобиліи переплатили столько денегъ гондольерамъ за тайныя свиданія, бандитамъ за избавленіе отъ соперниковъ. И не объ одной ли изъ Венеціанокъ мечталъ великій поэтъ въ свои уединенныя прогулки по берегу Лидо? Онъ видѣлъ на Турецкихъ базарахъ тѣхъ черноглазыхъ невольницъ, которыхъ воображеніе Мусульманина смѣшиваетъ съ неземными дѣвами, обѣщанными ему Магомедомъ. И не эти ли невольницы чудились великому поэту, когда его воображеніе созидало дѣву романтической поэмы! Байронъ скажетъ вамъ,

что одежда Испанокъ полна кокетства и таинственности; что онъ не въ-силахъ выразить прелести ихъ походки, найти для нея поэтическое сравненіе, хотя воображеніе искало этаго сравненія между видѣніями Востока; что вы и поблѣднѣете и запылаете, когда Испанка приподниметъ покрывало и окинетъ васъ полнымъ взглядомъ. Спросите объ Испанкахъ Наполеоновыхъ воиновъ. Они барабаннымъ боемъ призывали красавицъ почти всѣхъ Европейскихъ столицъ посмотрѣть на себя; они видѣли Швейцарскихъ пастушекъ, подобныхъ тѣмъ цвѣткамъ, которые распускаются на Альпахъ во всей своей первобытной красотѣ; они видѣли женщинъ Юга съ гребнями и ожерельями изъ камеи и мозаика, женщинъ, въ которыхъ всматривался Канова, высѣкая красавицъ Олимпа. Наполеоновы воины скажутъ вамъ, что поцалуи Испанки выжгутъ изъ вашего сердца его лучшія воспоминанія—и оно, въ любви къ ней, забудетъ все, что любило прежде; что, не понимая по-Испански, они чувствовали, когда слова любви мѣшались въ рѣчь Испанки; что, по обратномъ переходѣ черезъ Пиренеи, долго чудились имъ большіе, сладострастные глаза Испанки, выражавшіе все, что было угодно ея сердцу, и украсившіе для воина какую-нибудь бѣдную венту пустынной Сіерры. Но въ разсказахъ Наполеоновыхъ воиновъ объ Испанкахъ больше боевыхъ восклицаній, нежели любовныхъ словъ, больше ружейныхъ выстрѣловъ, кинжальныхъ ударовъ, нежели восторговъ свиданій и слезъ разлуки.

Въ большихъ городахъ, гдѣ балконы служатъ театромъ романтическаго существованія Испанокъ; на Испанскомъ югѣ, гдѣ онѣ, при звукѣ кастаньетовъ, соединяютъ свои голоса съ музыкой фонтановъ; въ горахъ Испанскаго сѣвера, гдѣ высокія деревья не даютъ солнцу помрачить бѣлизну дѣвы горъ, у которой волосы, ея единственная роскошь, падая съ головы, вьются до пятъ, какъ будто въ замѣну праздничныхъ лентъ—Испанки всѣхъ состояній одинаково вырастаютъ безъ помощи искуства, какъ на востокѣ розы, незнающія руки садовника; одинаково отличаются оригинальностію красоты, подобно Еврейкамъ, еще напоминающимъ, подъ всѣми земными поясами, торжество Эсѳири, любовь Казимира-великаго. Испанки съ-малолѣтства наслышались о разбояхъ и убійствахъ; неразъ подъ ихъ окнами, при лунномъ блескѣ, скрещивались Толедскіе клинки—и на-утро онѣ, шедши въ церковь, сторонились отъ кровавыхъ пятенъ на мостовой. Бой съ быками хорошо познакомилъ Испанокъ съ хрипѣніемъ и судорогами умирающихъ, когда онѣ наклоняли головы, чтобъ лучше разсмотрѣть трупы, разбросанные по мѣсту побоища, не бояся вдыхать въ себя паръ изъ свѣжихъ ранъ. Испанки сбѣгаются смотрѣть на казнь какъ на народное увеселеніе, и нерѣдко, предупреждая мщеніе законовъ, бросаютъ грязью въ осужденныхъ на смерть. Только одно нѣжное чувство доступно Испанкѣ—и это чувство не любовь Европейская, слѣдствіе или чувствительности, или минутнаго влеченія, чаще холодныхъ ра-

счетовъ; но это чувство—страсть, постоянная какъ дружба, и которой силу можетъ выразить одна Испанка, сжимающая предметъ своей страсти. Испанки никогда ничего не читаютъ; за то въ ихъ любовномъ шопотѣ нѣтъ думы, украденной у моднаго поэта, нѣтъ обѣтовъ, принадлежащихъ героинѣ новѣйшаго романа. Но Испанки научаются владѣть кинжаломъ, не читавъ любовныхъ писемъ, и каждый изъ бывшихъ въ Испаніи знаетъ по нѣскольку разсказовъ о томъ, какъ быстро на лицѣ влюбленной Испанки краска наслажденія смѣнялась блѣдностію ненависти, какъ ея рука, трепетавшая отъ огня сжимавшей руки, не трепетала, опуская кинжалъ въ грудь вѣроломнаго.

Въ войнахъ отечественныхъ и междоусобныхъ Испанки являлись, не Француженками временъ Фронды, когда Анна Австрійская, бродя съ своей маленькой арміей, садилась съ придворными дамами въ палаткѣ солдата, но женщинами Сагунта и Нуманціи. Женщины Вандеи только молились, Испанки молились и убивали! При осадѣ Барцелоны Бервикомъ, когда пожарное пламя уже обхватило осажденныхъ сзади, непріятель, ворвавшись въ городъ, тѣснилъ и валилъ ихъ спереди; не одна мать, падая отъ смертельной раны, призывала сына, чтобъ вмѣсто послѣдняго благословенія указать ему на непріятеля и завѣщать не братьевъ, не сестеръ, еще малолѣтныхъ, но кровавое мщеніе! При осадахъ Сарагоссы женщи-

ны съ ружьями высовывались изъ оконъ домовъ: Французскія пули раскалывали гребенки; обломки кирпичей, выбитыхъ ядрами изъ верха стѣны, падали на головы; кровь капала съ волосъ, показывалась сквозь косынку—но женщины стрѣляли! Крикъ проголодавшагося младенца отозвалъ мать отъ окна; она прислонила ружье къ колыбели—и, кормивши младенца, запятнала кровью пеленки; усыпивъ его, снова съ ружьемъ высунулась въ окно... Ея кровь еще не застыла на пеленкахъ, какъ звуки сраженія разбудили младенца... Мать перестала стрѣлять, но не пришла на его крикъ!... Женщины замѣняли убитыхъ канонеровъ; къ имени одной изъ нихъ, отличившейся стойкостію и хладнокровіемъ, присоединено названіе *Сарагосской;* ея любимая пушка названа Августиной—именемъ этой женщины-артиллериста. Англичане отдавали ей военныя почести, какъ подполковнику Испанской службы. При осадѣ Жироны—въ живой стѣнѣ, ставшей на городскія стѣны и безпрерывно возобновлявшей вырванное изъ нихъ батареями Французовъ—женщины, утомленныя жаромъ дня и сраженія, открывали свои груди, опускали на-время ружья, горячія отъ выстрѣловъ, чтобъ прохладить себя опахалами—и въ пороховомъ дыму свѣтились штыки и блестки опахала, бѣлѣлись бороды престарѣлыхъ монаховъ и открытыя груди женщинъ. Французамъ, шедшимъ на приступъ Жироны, слышны были увѣщанія монаховъ, обѣщавшихъ рай храбрымъ, адъ малодушнымъ; слышны были и голоса женщинъ, наградой самой обольсти-

тельной манившихъ за собою юношей на Французскіе штыки—и юноши сражались въ одно время за блаженство рая и за награды земной любви. Но часто пуля поражала монаха, прежде-нежели онъ успѣлъ отпустить грѣхи смертельно-раненому, приползшему къ его ногамъ за благословеніемъ на жизнь въ раю... Нога Француза скользила въ крови, ступая на грудь мертвой женщины, а молодой Испанецъ, бившись на-смерть, еще мечталъ, какъ сладко будетъ ему, послѣ боя, отдохнуть на этой груди.

Женщины, превосходя мущинъ душевными ощущеніями, гораздо раздражительнѣе мущинъ, и потому ужасы и бѣдствія войнъ отечественныхъ и междоусобныхъ производятъ на женщинъ сильнѣйшее впечатлѣніе, тѣмъ больше, что эти войны угрожаютъ всему, что въ настоящемъ женское сердце почитаетъ своею собственностію, всему, что въ будущемъ женское воображеніе находитъ привлекательнаго. Напрасно Французскіе военные суды разстрѣливали Испанокъ, взятыхъ въ плѣнъ съ гверильясами. Напрасно министры короля Іосифа, въ придворной Мадритской газетѣ и въ прокламаціяхъ, разсыпаемыхъ по областямъ, увѣщевали Испанокъ оставить толпы гверильясовъ и обратиться къ семейнымъ занятіямъ. Напрасно увѣряли въ несправедливости слуха, будто бы императоръ Наполеонъ намѣренъ всѣхъ молодыхъ Испанцевъ побрать въ конскрипты и угнать за Пиренеи, даже послать въ Остъ-Индію противъ Англичанъ. Напрасно

доказывали, что съ уничтоженіемъ монастырей прибавится число холостыхъ людей, и слѣдственно для Испанокъ будетъ больше случаевъ пристроить себя замужествомъ, или выдать за-мужъ своихъ дочерей. Никогда бы партизанская война Испанцевъ противъ Французовъ не была такъ упорна и продолжительна, если бы Испанки не поддерживали герильясовъ тою неодолимой силой, которую даютъ женщинамъ права матерей, женъ, любовницъ. Однѣ изъ Испанокъ приставали къ герильясамъ только потому, что предпочитали ихъ бродяжническую жизнь домашнимъ заботамъ: другія, которыхъ, въ отсутствіи мужей, отцевъ, пошедшихъ воевать, война лишила пріюта и пропитанія, слѣдовали за герильясами въ надеждѣ, что поисками противъ Французовъ вѣрнѣе прокормятъ себя, нежели милостыней или своими трудами. Жены контробандистовъ, привыкшія раздѣлять опасное ремесло своихъ мужей, не отставали отъ нихъ, ставшихъ герильясами: владѣя карабинами не хуже таможенной стражи, контробандистки перерѣзывали горла Французамъ такъ проворно, равнодушно, какъ веревки и кипы запрещенныхъ товаровъ. Французскіе пули и штыки не отогнали отъ мужей и любовниковъ Испанокъ, мучимыхъ той ревностію, къ которой способна одна кровь, вскипѣвшая отъ Африканскаго солнца. Почти у каждаго начальника герильясовъ, какъ во времена рыцарства, была своя *дона*. При нападеніи на непріятеля ему ненужно было, подобно Французскимъ рыцарямъ, призывать на помощь свою да-

му: его дама не отставала отъ него. Испанецъ, пріѣхавшій къ герильясамъ воевать на одной лошади съ женою или любовницей, былъ обыкновеннымъ явленіемъ. Женщины - партизаны несли службу наравнѣ съ мущинами, ходили на часы, пускались въ разъѣзды, даже молодцевали на лошадяхъ противъ Французскихъ фланкеровъ. По одинаковому свидѣтельству Англичанъ и Французовъ, онѣ такъ свыклись съ войною, что нерѣдко, при нападеніи на непріятеля, опережали герильясовъ и ни мало не уступали имъ въ кровожадности: такъ, при Виторіи, Казильда, дѣвушка-эскадронный-командиръ, взявши батарею, начала убивать канонеровъ, искавшихъ спасенія позади своихъ пушекъ; одинъ изъ нихъ было-схоронился за открытымъ пороховымъ ящикомъ, но, видя, что Казильда готовится нанести ему смертельный ударъ, бросилъ горящій фитиль въ пороховой ящикъ и вмѣстѣ съ Казильдой взлетѣлъ на воздухъ.

Отъ жизни на конѣ, женщины-партизаны утратили прелесть своей походки, соединявшей легкость серны съ плавностью лебедя; звуки ихъ голоса огрубѣли отъ восклицаній въ сраженіяхъ и откликовъ на часахъ; перестали онѣ смывать съ своихъ мантилій, стирать съ своихъ ожерельевъ кровавыя пятна; лишась на бивакахъ скромности своего пола, онѣ походили на тѣхъ Спартанскихъ дѣвъ, которыхъ заставляли плясать нагими, чтобъ охолодить къ нимъ молодыхъ Спартанцевъ. Съ лицами, загорѣвшими отъ солнца, запят-

нанными огнемъ биваковъ, съ волосами, обожженными Французскими пыжами и вспышками пороха на затравкахъ собственныхъ карабиновъ, съ губами, замаранными отъ скусыванія патроновъ, въ мантильяхъ съ заплатами изъ Французскихъ мундировъ, женщины-партизаны, въ промежутки грабежей и убійствъ, примѣшивали слова о человѣческой крови къ припѣвамъ колыбельныхъ пѣсень, качая маленькихъ дѣтей въ сѣдлахъ, низомъ вверхъ обернутыхъ на землѣ, и къ любовному шопоту, на груди, запыленной боевыми конями, нѣжа герильяса, разгоряченнаго сраженіемъ. За-то сколько поэзіи въ партизанской жизни двухъ молодыхъ существъ—въ ихъ ночномъ бдѣніи на часахъ, когда протяжными откликами часовымъ они на мгновеніе прерываютъ свое блаженство мечтать вдвоемъ, подкладываютъ дровъ въ бивачный костеръ, чтобъ имъ легче было понимать нѣмое краснорѣчіе опущенныхъ глазъ, или чтобъ имъ виднѣе было смотрѣться въ глазахъ другъ друга при шопотѣ, выражающемъ мысли сердца; когда они поперемѣнно жмутъ другъ другу то одну, то другую руку, которая похолодѣла, держа стволъ опущеннаго карабина; или послыша близкій шорохъ, они спѣшатъ сблизить уста для прощальнаго поцалуя, думая, не шорохъ ли это приближающагося непріятеля, и поднимая карабины, хотятъ каждой мгновенной ласкѣ передать весь огонь молодости, въ каждое торопливое слово вмѣстить всю силу страстнаго обѣта, опасаясь, что пуля подкрадывающагося непріятеля не дастъ окончить ласки, досказать обѣта! Можно ли срав-

нить столичную красавицу, въ ея лучшемъ уборѣ, при огняхъ бала, съ молодой Испанкой на-часахъ, когда капли ночной росы блещутъ отъ луны на черныхъ волосахъ ея, карабинъ въ рукѣ, на стволѣ котораго играетъ красноватый лучь бивачнаго огня, и грудь полуоткрыта перелетнымъ вѣтеркомъ—и когда только по смѣнѣ съ часовъ можно узнать, кому угодилъ, перелетный вѣтерокъ, любимцу ли Испанки, или непріятельскому стрѣлку, для котораго ея полуоткрытая грудь, бѣлѣясь въ ночномъ мракѣ, послужила цѣлью удачнаго выстрѣла?

Сколько поэзіи въ ночахъ, за пологомъ изъ бивачнаго дыма, подъ плащемъ, пахнущимъ порохомъ! въ этихъ ночахъ съ шопотомъ о любви, со сновидѣніями о войнѣ, съ пробужденіемъ, на обнявшей рукѣ, отъ грома барабановъ! Сколько поэзіи въ замѣнѣ военнымъ жаромъ блѣдныхъ слѣдовъ наслажденія! въ боевыхъ восклицаніяхъ, повторяемыхъ устами, еще влажными отъ поцалуевъ! въ прощальномъ взорѣ, въ прощальной ласкѣ передъ нападеніемъ на непріятеля! Но это прощаніе безъ разлуки: они крѣпко сжали руку другъ другу, чтобы въ ручной схваткѣ сражающіеся не разлучили ихъ; они разжимаютъ руки, чтобы въ одно время нанести два удара, или двумя ударами отразить одинъ непріятельскій. И послѣ какой разлуки свиданіе можетъ быть слаще той радости, съ которою, послѣ сраженія, они видятъ, что оба остались невредимы! Она не думаетъ о томъ, что отъ

лишеній и тревогъ партизанской жизни ея красота поблекнетъ, какъ этотъ цвѣтокъ, до котораго долетаютъ искры бивачнаго огня, разведеннаго ею; она вѣритъ, что если бы не пошла на войну за своимъ герильясомъ, то отъ горестей разлуки не сохранила бы красоты до радостей свиданія.

Н. Невѣдомскій.

КРИТИКА.

ШЕКСПИРЪ.

Въ 1838 году вышло въ Лондонѣ третіе изданіе книги: Characters of Shakspeare's plays *(Характеры пьесъ Шекспира)*. Авторъ ея, *Вилліамъ Газлиттъ* (William Hazlitt), называемый издателями *патріотомъ*, *метафизикомъ* и *критикомъ*, уже окончилъ земное свое поприще.

Но вотъ, что сказано о немъ въ началѣ примѣчательной книги его. «Многіе изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ дѣйствователей на обширномъ поприщѣ и на поприщѣ тѣсномъ, на станкахъ типографій и въ кабинетахъ чтенія, въ литературныхъ обществахъ и въ механическихъ заведеніяхъ, обязаны непосредственнымъ возбужденіемъ и счастливыми успѣхами

способностей своихъ силѣ и жизни сочиненій Газлитта. Ни одинъ изъ Англійскихъ писателей не превзошелъ его въ великомъ искуствѣ—заставлять читателей своихъ мыслить. Собственныя же мысли его, даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ, по небрежности или прихоти автора, не вполнѣ достигаютъ той степени истины, которая всегда бываетъ ихъ цѣлію, могутъ служить для читателя руководствомъ и образцемъ критики. Это особенно чувствуешь въ сочиненіи, теперь предлагаемомъ публикѣ. Можетъ быть, сужденія Газлитта несовершенны и ошибочны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ другихъ сомнительны и несовсѣмъ примѣняются къ практикѣ, за-то удивительно полны мыслей и всегда блестятъ живымъ выраженіемъ. Справедливы онѣ, или нѣтъ, вы никогда не прочтете равнодушно этой книги, потому-что, какъ бы ни замѣтны были ошибки Газлитта, никогда вы не встрѣтите у него ничтожнаго замѣчанія.»

Сочиненіе Газлитта начинается довольно большимъ предисловіемъ, которое такъ любопытно, что мы надѣемся угодить нашимъ читателямъ, выписывая его здѣсь почти слово-въ-слово.

*

Попъ сказалъ: «Никто изъ писателей не заслу-«жилъ такъ названія «*оригинальный*», какъ Шекспиръ. «Самъ Гомеръ не обязанъ природѣ искуствомъ своимъ «такъ непосредственно: у него оно проходило чрезъ

«Египетскіе водопроводы и каналы, и являлось къ не-«му уже съ проблескомъ ученія, уже съ легкими чер-«тами образцовъ, видѣнныхъ имъ. Поэзія Шекспира «была истинное вдохновеніе: онъ не столько подража-«тель природѣ, сколько ея орудіе — и справедливѣе «сказать: *природа говоритъ посредствомъ его*, нежели: «*онъ говоритъ по ея внушенію.*»

«Въ характерахъ его такъ много самой приро-«ды, что несправедливо было бы назвать ихъ столь «оскорбительнымъ для нихъ именемъ копій съ нея. «Въ характерахъ другихъ поэтовъ есть постоянное об-«щее сходство, доказывающее, что поэты заимствова-«ли ихъ одинъ отъ другаго и были только распростра-«нителями однаго и того же образа: каждая картина, «какъ обманчивая радуга, есть только отраженіе отра-«женія. Но у Шекспира каждый характеръ, взятый «по-одиначкѣ, есть отдѣльное, живое лице; невозмо-«жно найти двухъ совершенно сходныхъ—и даже тѣ, «которые, по сродству или связи въ какомъ-нибудь от-«ношеніи, кажутся наиболѣе сходствующими, когда «внимательнѣе сравнишь ихъ, то увидишь, что они очень «различны. Къ этой жизни и разнообразію характеровъ «мы должны прибавить еще, съ какою точностію они «выдерживаются: еслп бы всѣ рѣчи пьесъ напечата-«ны были безъ именъ дѣйствующихъ лицъ—можно бе-«зошибочно угадать каждое.»

Предметомъ предлагаемой здѣсь книги будетъ раз-витіе этихъ замѣчаній Попа съ примѣненіемъ ихъ къ

каждой пьесѣ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Мезонъ (Mason), авторъ книги: Treatise on Ornamental Gardening, началъ сочиненіе въ такомъ же родѣ, но смерть воспрепятствовала ему окончить—и онъ успѣлъ написать только сравненіе характеровъ Макбета и Ричарда III-го, сравненіе, представляющее чрезвычайно остроумный образецъ аналитической критики. Ричардсонъ, въ своихъ *Опытахъ*, говоритъ только о нѣкоторыхъ изъ главныхъ характеровъ Шекспира. Единственное сочиненіе, послѣ котораго, казалось, не-зачѣмъ было намъ издавать своего, написано Шлегелемъ, подъ названіемъ: *Драматическія Чтенія*. Эта прекрасная книга конечно лучшій до-сихъ-поръ отчетъ о пьесахъ Шекспира. Германской критикъ исполнилъ свое дѣло съ большимъ искуствомъ — развѣ только можно сказать что-нибудь противъ его мистицизма въ слогѣ и прибавить нѣсколько объясненій на нѣкоторыя мѣста Шекспира по собственнымъ же его пьесамъ, чего Шлегель не могъ допустить въ своемъ сочиненіи по обширности плана его. Мы сознаемся въ тоже время, что къ исполненію настоящаго предпріятія содѣйствовала нѣсколько и оскорбленная національность: *намъ досадно было*, что чужеземному критику предоставлено *объяснить причины, почему мы-Англичане такъ высоко цѣнимъ Шекспира*. Конечно, ни одинъ изъ писателей нашихъ не показалъ ни такаго энтузіазма къ его генію, ни такой философической проницательности, изображая его характеристическое предъ всѣми

поэтами превосходство. Сказавши здѣсь все, что нужно было сказать объ этомъ предметѣ, мы представляемъ теперь общій отчетъ Шлегеля о Шекспирѣ: вотъ въ чемъ онъ заключается.

«Никогда, можетъ быть, не было таланта, одарен-«наго столь великою проницательностію, въ изображе-«ніи характеровъ, какъ былъ талантъ Шекспира. Онъ «не только схватываетъ всѣ особенности званій, пола «и возраста, начиная отъ зари младенчества; не толь-«ко заставляетъ короля и нищаго, героя и обманщи-«ка, мудреца и глупца говорить и дѣйствовать съ рав-«ною истиною; не только переносится въ вѣка давно-«минувшіе и къ народамъ чуждымъ, и описываетъ, съ «величайшею точностію и небольшими только отступле-«ніями въ костюмахъ, и древнихъ Римлянъ, и Фран-«цузовъ во время войнъ ихъ съ Англичанами, и самихъ «Англичанъ въ продолженіе большей части ихъ исто-«ріи, и южныхъ Европейцевъ (во многихъ комедіяхъ), «и образованное общество того времени, и прежнее гру-«бое и варварское состояніе сѣвера; человѣческіе ха-«рактеры его имѣютъ не только такую глубину и точ-«ность, что не могутъ раздѣлиться на классы и уже «неистощимы при самомъ зарожденіи своемъ—нѣтъ, «этотъ Прометей не только творитъ людей—онъ отво-«ряетъ входъ въ волшебный міръ духовъ, вызываетъ «полуночныя тѣни, представляетъ намъ вѣдьмъ по-«среди ихъ нечестивыхъ таинствъ, населяетъ воздухъ «веселыми нимфами и сильфидами—и эти существа,

«живущія только въ воображеніи, такъ полны истины «и вещественности, что даже въ видѣ безобразныхъ «чудовищъ, подобныхъ Келибану, они исторгаютъ у «насъ сознаніе, что если бы могли быть такія суще-«ства, они поступали бы такимъ образомъ. Однимъ «словомъ, принося съ собою самое плодовитое и смѣ-«лое воображеніе въ царство природы, онъ, съ дру-«гой стороны, вноситъ природу въ міръ фантазіи, да-«леко за предѣлы существенности. Мы теряемся въ «изумленіи, видя чрезвычайное, чудесное, доселѣ не-«слыханное—въ такомъ близкомъ отъ себя разстояніи!»

«Если характеры Шекспира достойны удивле-«нія нашего, точно тоже надобно сказать и о его вы-«раженіи страсти, принимая это слово въ самомъ об-«ширномъ значеніи, т. е. включая сюда каждое дви-«женіе души, каждый оживленный звукъ ея отъ лег-«кой веселости до изступленія и отчаянія. Онъ раз-«сказываетъ намъ исторію ума и чувствъ, открываетъ «предъ нами въ одномъ словѣ цѣлый рядъ предше-«ствовавшихъ явленій. Страсти его не изображаются «съ перваго разу на всей высотѣ своей, какъ это бы-«ваетъ у многихъ трагическихъ поэтовъ, называемыхъ «Лессигомъ *совершенными мастерами законнаго слога* «*любви*. Онъ самымъ неподражаемымъ образомъ опи-«сываетъ постепенные успѣхи душевныхъ движеній. «Онъ представляетъ, по словамъ Лессинга, живую «картину всѣхъ малѣйшихъ и тайныхъ обольщеній, «посредствомъ которыхъ чувство закрадывается въ ду-

«шу нашу; всѣхъ незамѣтныхъ пріобрѣтеній, которы-«ми оно усиливается тамъ; всѣхъ хитростей, которы-«ми покоряетъ власти своей каждую другую страсть, «до-тѣхъ-поръ, пока не сдѣлается единственнымъ ти-«раномъ желаній и отвращеній нашихъ. Изъ всѣхъ «поэтовъ, можетъ быть, онъ одинъ живо описалъ ум-«ственныя болѣзни—меланхолію, безуміе, лунатизмъ—«съ такою невыразимою и такою положительною во «всѣхъ отношеніяхъ истиною, что врачъ могъ бы обо-«гатить познанія свои его описаніями точно также, «какъ наблюденіемъ надъ дѣйствительными случаями.

«Джонсонъ говоритъ, что въ патетическихъ мѣ-«стахъ Шекспиръ не всегда выдерживаетъ естествен-«ность и свободу. Правда, у него есть нѣсколько мѣстъ, «гдѣ поэзія его выходитъ за предѣлы настоящаго раз-«говора, гдѣ слишкомъ выспренній полетъ воображе-«нія, слишкомъ утонченное остроуміе разочаровываютъ «полное, драматическое обольщеніе. За исключеніемъ «этихъ немногихъ мѣстъ, возраженіе Джонсона остает-«ся несправедливымъ. Оно происходитъ отъ положи-«тельнаго, т. е. прозаическаго образа мыслей, для ко-«тораго все, несогласное съ холодною безжизненностію, «кажется неестественнымъ. Отсюда составилось поня-«тіе, что простое и натуральное выраженіе страсти «должно заключаться въ восклицаніяхъ совершенно «безцвѣтныхъ и нисколько не выходящихъ изъ еже-«дневнаго тона. Но сильныя страсти электризуютъ весь «составъ умственныхъ способностей и слѣдовательно

«при движеніяхъ души необыкновенной выражаются «и остроумно и иносказательно. Часто замѣчали, «что негодованіе дѣлаетъ людей краснорѣчивыми; «и если бываетъ, что отчаяніе изливается смѣ-«хомъ, отъ чего жъ не обнаружиться ему иногда и «антитезами?

«Гораздо важнѣе другое возраженіе. Говорятъ, «что Шекспиръ оскорбляетъ наши чувствованія разви-«тіемъ самыхъ безнравственныхъ качествъ, что онъ «безжалостно терзаетъ сердце представленіемъ самыхъ «ненавистныхъ зрѣлищъ. Конечно, онъ никогда не «украшалъ дикихъ и кровожадныхъ страстей пріят-«ною наружностію; никогда не прикрывалъ преступ-«ленія и безнравственности ложнымъ видомъ величія «души—и въ этомъ случаѣ онъ достоинъ похвалы. На-«счастье драматическому искуству Шекспиръ жилъ въ «такомъ вѣкѣ, который чрезвычайно живо принималъ «благородныя и нѣжныя впечатлѣнія, но который въ «тоже время столько наслѣдовалъ твердости отъ бод-«рой старины, что не трепеталъ отъ ужаса при ка-«ждой разительной и жестоко-сильной картинѣ. Въ «наше время, мы видимъ трагедіи, которыхъ печаль-«ная развязка заключается въ обморокѣ влюбленной «принцессы. У Шекспира встрѣчается иногда проти-«воположная крайность. Но его благородное заблу-«жденіе получило начало свое въ полнотѣ гигантской «силы: и этотъ трагическій Титанъ, потрясающій не-«бесами и грозящій поколебать основанія земли, этотъ

«второй и еще ужаснѣйшій Эсхилъ, отъ котораго под-
«нимаются дыбомъ волоса и стынетъ кровь въ жилахъ, «обладаетъ въ тоже время непреодолимою прелестію «сладчайшей поэзіи. Онъ играетъ любовью, какъ ди-«тя—и пѣсни его нѣжны какъ тихо-исчезающіе вздо-«хи. Геній его соединяетъ въ себѣ и удивительную «возвышенность и еще болѣе удивительную глубину: «въ немъ мирно живутъ вмѣстѣ самыя чуждыя другъ «другу и по наружности самыя несогласимыя между «собою способности. Міръ духовъ и природа повергли «къ ногамъ его всѣ сокровища свои. Исполинъ по си-«лѣ, предсказатель по дальновидности, благодѣтельный «духъ высшаго рода по всеобъемлющей мудрости, онъ «нисходитъ до смертныхъ какъ будто въ невѣдѣніи «своего превосходства и бесѣдуетъ съ ними со всѣмъ «простодушіемъ и незлобіемъ младенца.

«Комическій талантъ Шекспира удивителенъ «столько же, какъ удивительно все то, что показалъ «онъ въ родѣ страстномъ и трагическомъ: возвышен-«ность, обширность и глубина равно изумительны и «здѣсь. Онъ чрезвычайно изобрѣтателенъ въ комиче-«скихъ положеніяхъ и мотивахъ. Почти невозможно «показать, откуда взяты многіе изъ нихъ, между-тѣмъ-«какъ для важнѣйшей части драмы своей онъ обыкно-«венно бралъ что-нибудь уже извѣстное. Комическіе «характеры его также истинны, разнообразны и глубо-«ки, какъ и важные. Онъ очень мало склоненъ былъ «къ карикатурѣ. Напротивъ, многія черты его слиш-

«комъ тонки и нѣжны для театра. Судя по ихъ не«обыкновенной граціи, и того почти нельзя сказать «о нихъ, что онѣ могли быть съ точностію схвачены «только великимъ актеромъ и вполнѣ постигнуты толь«ко самыми остроумными слушателями. Онъ не толь«ко вѣрно описалъ намъ нѣсколько родовъ безумія, но «умѣлъ вывести на сцену и пошлую глупость самымъ «веселымъ и занимательнымъ образомъ.»

Мы тѣмъ-охотнѣе пользуемся свидѣтельствомъ симъ чужестраннаго критика въ похвалу Шекспира, что соотечественникъ нашъ Д. Джонсонъ не такъ благосклоненъ къ нему. О Шекспирѣ можно сказать: *кто не за него, тотъ противъ него* — потому-что равнодушіе къ нему есть высочайшая несправедливость. Позволено иногда *для большой правды сказать маленькую неправду*. Въ отношеніи къ Шекспиру излишній энтузіазмъ извинительнѣе, нежели холодность, потому-что восторгъ и удивленіе наше едва ли могутъ превзойти его геній. Мы глубоко уважаемъ душевныя качества и умъ Д. Джонсона, даже чувствуемъ къ нему что-то похожее на личную привязанность: но онъ никогда не былъ ни поэтомъ, ни надлежащимъ судьей въ поэзіи. Онъ могъ быть судьей въ такой только поэзіи, которая не выходила изъ предѣловъ и правилъ прозы, но не такой, которая была настоящею поэзіей. Менѣе всего онъ могъ быть судьею Шекспира, котораго однаго назвать должно поэтомъ *въ высочайшей степени фантастическимъ*. Мы не го-

воримъ, что человѣкъ, желающій сдѣлаться критикомъ, долженъ непремѣнно быть поэтомъ; но чтобъ быть хорошимъ критикомъ, онъ не долженъ быть дурнымъ поэтомъ. Предисловіе Д. Джонсона къ его изданію Шекспира есть тяжелая диссертація, въ которой онъ старается скучною фразеологіею помрачить отличительныя достоинства автора и взвѣсить совершенства и недостатки его на одинаковыхъ вѣсахъ, унизанныхъ *высокопарными фигурами и звонкими эпитетами.* Это и не могло быть иначе. Привыкнувъ обо всемъ судить по извѣстнымъ формамъ, Джонсонъ притупилъ въ себѣ критическую воспріемлемость. Всѣ идеи его приняли одностороннее направленіе; онѣ жили только правилами и системою. Шекспиръ представлялъ въ себѣ совершенно противное. Умственныя способности Джонсона обращались только съ круглыми числами: дроби для него не существовали. Онъ приводилъ все въ указную мѣру — и самое изящное превосходство дѣйствовало на него только тогда, когда могло быть переложено на языкъ мѣрной прозы. У него излишество красоты называлось ошибкою, оно казалось ему чѣмъ-то похожимъ на наростъ, и воображеніе его слѣпнуло отъ яркаго свѣта. Сочиненія его не сіяли лучами природнаго генія и не отражали ихъ. Перемѣнчивые виды фантазіи, радужные цвѣта предметовъ не дѣлали на него никакаго впечатлѣнія: онъ брался только за прочное и осязаемое. Онъ имѣлъ истинное понятіе только о тѣхъ произведеніяхъ природы, кото-

рыя могъ *измѣрить двухъ-футовою линѣйкою, или сосчитать на десяти пальцахъ.* Такимъ же образомъ судилъ онъ и о природѣ человѣка—по расположенію и виду. Онъ зналъ одно только опредѣленное, положительное и практическое; онъ зналъ круглыя формы вещей, а не разительныя различія; классы ихъ, а не степени. Скорѣе можно сказать, что онъ былъ человѣкъ, одаренный большимъ количествомъ здраваго смысла и практической мудрости, нежели человѣкъ геніальный и чувствительный. Онъ удерживалъ въ памяти правильныя, обыкновенныя впечатлѣнія существенныхъ предметовъ, но не могъ слѣдовать за быстрымъ полетомъ фантазіи или за сильными движеніями страсти. То есть, его отношеніе къ поэту было тоже, что отношеніе описывающаго мирную жизнь къ изображающему исторію. Здравый смыслъ сочувствуетъ со всѣми впечатлѣніями вещей на обыкновенные умы въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ; геній схватываетъ мгновенныя соображенія, мелькающія предъ мысленными взорами нашими подъ вліяніемъ страсти. Ближайшая обязанность дидактическаго писателя состоитъ въ томъ, чтобы онъ собиралъ свѣдѣнія о такихъ нравственныхъ явленіяхъ, которыя постоянно повторяются и всегда остаются тѣже, которыя совершаются одно за другимъ въ правильной послѣдовательности, которыя обнаруживаются въ многочисленныхъ классахъ людей, и отражаются въ принятыхъ обычаяхъ, законахъ, языкѣ и учрежденіяхъ. Джонсонъ обязанъ своею славою наблюденіямъ, сравненію и разсужденіямъ, ко-

торыя касались этихъ нравственныхъ явленій. Но онъ не могъ примѣнять общихъ правилъ къ особеннымъ случаямъ; не могъ показать, какъ измѣняется человѣческая природа отъ сильнаго вліянія страсти, или какъ безконечны переливы мысли и ощущенія— слѣдовательно онъ не могъ судить ни о высотѣ, ни о глубокости поэзіи. Это еще не все. Сознавая великія способности свои и чувствуя, что онѣ имѣли направленіе противное, нежели способности разбираемаго имъ автора, онъ хотѣлъ судить поэзію по чуждымъ ей законамъ и сдѣлать изъ критики родъ эшафота для генія, гдѣ бы онъ могъ съ воображенія срѣзать все до дѣйствительности, подчинить страсти разсудку, и преобразить все цѣлое въ логическія доказательства и риторическую декламацію. Такимъ образомъ, противорѣча замѣчаніямъ Попа и чувствамъ всѣхъ другихъ читателей, онъ сказалъ, что каждый характеръ Шекспира есть родовой, а не индивидуальный, Конечно, онъ находилъ въ Шекспировыхъ характерахъ родовыя понятія или дидактическую форму, единственную вещь, которой онъ искалъ и о которой заботился; но не находилъ индивидуальности или *драматическихъ* отличій, привитыхъ Шекспиромъ къ этой общей природѣ; не находилъ ихъ—потому что не занимался ими. Смѣлый и счастливый полетъ воображенія Шекспира былъ равно потерянъ для нашего критика. Онъ не имѣлъ не только никакой особенно тонкой органической чувствительности, живо постигающей каждое *могучее слово для слуха и глазъ*,

чувствительности, необходимой живописцу или музыканту, но даже не имѣлъ той напряженности страсти, которая, стараясь увеличить все, что возбуждаетъ чувство удовольствія, и образуя впечатлѣнія натуральныхъ предметовъ согласно съ желаніемъ воображенія, производитъ стремленіе къ поэзіи. Слѣдуя понятіямъ Джонсона—гора высока, а роза прекрасна, потому-что такъ говоритъ опредѣленіе ихъ. Но онъ столь же мало можетъ дать понятіе о Дуврской скалѣ въ *Королѣ Лирѣ*, или о цвѣтахъ въ *Зимней-Сказкѣ* (The Winter's Tale), какъ описать предметы шестаго чувства; и даже мы не думаемъ, чтобы онъ могъ глубоко постичь красоту тѣхъ мѣстъ, на которыя мы ссылаемся здѣсь. Какая-нибудь обыкновенная величавость, какъ напримѣръ, описаніе развалинъ въ The Mourning Bride Конгрева, столько же, или даже болѣе согласовалась бы съ требованіями Джонсона, нежели первое описаніе. Обильный наборъ благоухающихъ цвѣтовъ не такъ противорѣчилъ бы всегдашнему требованію его воображенія, какъ эти прелестныя, сладкія строки Пердиты въ *Зимней-Сказкѣ*.

«Нарцизы, появляющіеся прежде - нежели смѣетъ прилетѣть ласточка, и въ красотѣ колеблющіеся подъ вѣяніемъ вѣтерка въ мартѣ; фіалки тусклыя, но болѣе плѣнительныя, нежели вѣки, покрывающія глаза Юноны, нежели дыханіе Цитереи.»

Не чувствуя очарованія, внушаемаго этими предметами, нельзя итти рядомъ съ воображеніемъ, которое старается выразить ощущеніе равносильно, а иногда еще и живѣе; нельзя постигнуть этой страстной любви къ природѣ безъ живѣйшей природной чувствительности. Для простаго, буквальнаго понятія, неподражаемо-отличительный эпитетъ фіалки *тусклыя* долженъ скорѣе показывать недостатокъ, нежели красоту. Всякому, непостигающему всей силы этаго сравненія, представляющаго что-то похожее на *сонные взоры любви*, намѣкъ на *вѣки глазъ Юноны* долженъ казаться страннымъ и безсмысленнымъ. Шекспиръ находилъ слова и образы для самой утонченной чувствительности, для природы, борющейся съ выраженіемъ: описанія его были тожественны съ самыми вещами, представляемыми прекраснымъ посредничествомъ страсти. Отнимите отъ нихъ это соотношеніе и попытайтесь подвергнуть ихъ обыкновеннымъ понятіямъ и обыкновеннымъ правиламъ—и они сдѣлаются такъ странны и грубы, какъ вамъ угодно. Низводя такимъ образомъ геній Шекспира до указной мѣры изобрѣтенія по общимъ мѣстамъ, легко было показать, что ошибки его также велики, какъ и красоты. Превосходство, заключающееся только въ соблюденіи правилъ, не значительнѣе техническаго нарушенія ихъ. Другое обстоятельство, подавшее Джонсону поводъ къ его безотчетной похвалѣ или порицанію Шекспира, есть самый слогъ его. Джонсонъ писалъ нѣкотораго рода рифмованной прозой, въ

которой онъ столько же принужденъ былъ оканчивать различныя свои рѣченія и уравнивать періоды одинъ противъ другаго, сколько писатель героическихъ стиховъ — держаться строкъ въ десять слоговъ съ одинакими окончаніями. Едва успѣетъ онъ признать достоинство автора въ одной строкѣ, какъ уже новое словотеченіе переноситъ силу мнѣнія его совершенно на сторону возраженій — и такимъ образомъ поддерживается безпрестанная перемѣна совершенствъ и ошибокъ. Чтобы лучше показать это, мы выписываемъ слѣдующія строки. «Въ «трагическихъ сценахъ его всегда не достаетъ чего-«то; но комедія его часто превосходитъ ожиданіе или «желаніе. Комедія его нравится мыслями и языкомъ: «трагедія же по большой части побочными происше-«ствіями и дѣйствіемъ. Трагедія его походитъ на ис-«куство, комедія—на инстинктъ.» Теперь, сказавъ, что трагедія его *походила на искуство*, Джонсонъ утверждаетъ на слѣдующей страницѣ: «декламація его «была обыкновенно холодна и слаба, *потому-что* «*власть его была власть природы:* когда онъ старался, «подобно другимъ трагическимъ писателямъ, ловить »случаи къ распространенію и, не заботясь о томъ, «чего требовали обстоятельства пьесы, показать, какъ «великъ запасъ учености его, онъ рѣдко избѣгалъ «сожалѣнія или негодованія своего читателя.» Бѣдный Шекспиръ! Порицаемый за недостатокъ природы въ первомъ примѣрѣ, и за недостатокъ искуства во второмъ, онъ едва не подвергается совершенному

обвиненію. И опять: «но почитатели сего великаго поэта должны болѣе всего жаловаться тогда, когда онъ, подходя на ближайшее разстояніе къ своему высочайшему превосходству, кажется совершенно готовымъ погрузить ихъ въ печаль или растрогать всѣми нѣжными движеніями души, угрожая паденіемъ величію, опасностью невинности, страданіями—любви. Онъ скоро оставляетъ то, что дѣлаетъ лучше всего. Лишь только начнетъ онъ трогать, какъ уже и протоводѣйствуетъ самому себѣ: и ужасъ и жалость, при первомъ возбужденіи своемъ въ душѣ, останавливаются и разрушаются внезапною холодностію.» Во всемъ этомъ, критикъ нашъ, кажется, думаетъ болѣе о сохраненіи равновѣсія въ слогѣ своемъ, нежели о существѣ или истинѣ своихъ сужденій.

*

Въ книгѣ *Газлитта*, за этимъ предисловіемъ, которое заключаетъ общую характеристику Шекспира, слѣдуютъ разборы тридцати двухъ его драматическихъ сочиненій, потомъ отдѣльно разсмотрѣны пьесы, приписываемыя Шекспиру, и наконецъ его поэмы и сонеты. Желая познакомить читателей нашихъ съ книгою, столь поучительною и любопытною, мы конечно не ограничимся предисловіемъ, хотя оно и само по себѣ представляетъ полную и занимательную критику Шекспира какъ автора вообще. Но прежде-нежели представимъ что-нибудь изъ част-

ныхъ разборовъ *Газлитта*, мы находимъ здѣсь очень удобный случай, пока мнѣнія великихъ критиковъ Англіи и Германіи передъ глазами, привести ихъ, сколько можно, къ общему заключенію.

Попъ въ немногихъ словахъ болѣе всѣхъ сказалъ о Шекспирѣ и ближе всѣхъ подошелъ къ его истинной характеристикѣ. Безъ энтузіазма, всегда наводящаго на какое-то сомнѣніе, онъ опредѣлилъ, какое мѣсто занимаетъ Шекспиръ во всемірной исторіи поэзіи, и что въ его созданіяхъ составляетъ существенную отличительность. Удивительнѣе всего, что Попъ, самъ нѣсколько холодный поэтъ и очень пристрастный къ правильности искуства, такъ ясно видѣлъ совершенства Шекспира. Понятно, отъ чего онъ выразился такъ точно и опредѣлительно. Съ его умомъ зоркимъ и вѣрнымъ нельзя говорить иначе. Одаренный поэтическимъ чувствомъ, хотя преобладаніе разсудка и современное ему общее стремленіе къ излишней формальности охладили это чувство, онъ гармонически сошелся съ великимъ драматикомъ и въ благоговѣніи передъ нимъ самъ явился истиннымъ поэтомъ. Хотя его взглядъ подобенъ только зерну, изъ котораго не развилось растеніе, но для опытнаго глаза въ этомъ зернѣ ощутительно полное будущее явленіе. Шекспиръ изъ всѣхъ поэтовъ самый независимый геній, не столько поэтъ-подражатель природѣ, сколько поэтъ, *паралельный* ей (если можно такъ выразиться для точности идеи), и образователь

существъ, принадлежащихъ міру дѣйствительному, а не героевъ метафизическихъ. Въ этихъ трехъ отличіяхъ Шекспира все его достоинство какъ поэта, и въ нихъ же вся піитика, если только позволено говорить о ней безъ вреда искуству.

Шлегель разбираетъ какъ метафизикъ. Пріучивши умъ свой анализировать каждое явленіе, онъ не довольствуется простымъ изложеніемъ своего мнѣнія, одобряющаго или несогласнаго, но доказываетъ его раздробленіемъ каждой части. Эта система обнаруживаетъ только его Германское умонаправленіе. Мы впрочемъ не думаемъ, чтобы она приводила всякаго къ принятію истины, чтобы она замѣняла убѣжденіе, которое часто зависитъ отъ однаго вдохновеннаго слова, отъ одной неотразимой мысли. Шлегель болѣе обнимаетъ сторонъ въ созданіяхъ Шекспира, нежели Попъ. Онъ указываетъ на всеобъятность его таланта при изображеніи человѣка въ неисчислимыхъ его положеніяхъ, эпохахъ и въ самой даже мѣстности; на могущество его фантазіи, расширяющей предѣлы созерцаемаго нами міра, безъ нарушенія общихъ законовъ природы; на глубокую проницательность ума, когда онъ разоблачаетъ передъ нами всѣ тайны страстей—и наконецъ Шлегель говоритъ едва ли не о важнѣйшемъ въ Шекспирѣ, т. е. о его равносильномъ чувствѣ красоты прямой и комической. Эта болѣе систематическая и полнѣе изложенная характеристика ни однимъ положеніемъ своимъ не проти-

ворѣчитъ первой. Она только дополняетъ нѣкоторыя въ ней мѣста.

Джонсонъ, какъ и большая часть ученыхъ людей безъ вдохновенія или безъ художническаго таланта, расходится съ приводимыми критиками въ одномъ только своемъ воззрѣніи. Его пугаетъ безграничный разливъ высокихъ страстей Шекспира. То, что въ обыкновенной жизни бываетъ такъ рѣдко, до чего не домыслишься спокойнымъ наблюденіемъ, Джонсону кажется ошибкою. На красотѣ комической онъ мирится съ Шекспиромъ и даже восхищается имъ, потому-что ея идеальная сторона немного выше сценъ, по частямъ знакомыхъ каждому. Но страсти сильныя, особенно тайна ихъ послѣдовательнаго разоблаченія, не могутъ быть постигнуты безъ геніальнаго ума или безъ собственныхъ опытовъ. Даже и въ этихъ случаяхъ еще потребно особенное сознаніе того, что въ насъ или въ другихъ происходитъ. Здѣсь много условій для человѣка, природою не поставленнаго на высотѣ избранныхъ, а наукою увлеченнаго въ изслѣдованія. Но и Джонсонъ незамѣтно для себя высказываетъ могущественное вліяніе Шекспира на душу. Ему нечуждо дѣйствіе общее; только въ частностяхъ онъ теряется. Упоминая *о власти природы*, *объ инстинктѣ*, *объ искуствѣ*, онъ приближается къ главной идеѣ Попа и Шлегеля. Онъ и безъ сознанія чувствуетъ, что Шекспиръ обладалъ какою-то неизъяснимою силою. Что касается до его разбора

Шекспировскаго слога, здѣсь онъ явно входитъ въ толпу мелочныхъ критиковъ, не понимающихъ, что великое созданіе (если мы уже чувствуемъ его) своимъ явленіемъ доказываетъ присутствіе истиннаго своего слога. Геніальный писатель можетъ сдѣлать ошибку противъ правилъ грамматики, но не противъ слога, т. е. не противъ себя.

Такимъ образомъ всѣ они согласны, что Шекспиръ идетъ не за природою, но рядомъ съ нею. Въ этомъ заключается тайна созданій его, дѣйствующихъ на каждаго читателя. Подобно природѣ, съ которою такъ счастливо соперничествуетъ онъ, его произведенія образуютъ міръ прекрасный, разнообразный и необъятный для изученія самаго долговременнаго. На всѣхъ существахъ, имъ созданныхъ, самобытность остается въ гармоніи съ общими законами природы. Отвлеченной какой-нибудь одной идеи, получающей у другихъ сочинителей безцвѣтный образъ для осуществленія частной истины, Шекспиръ не вывелъ на сцену. Онъ съ каждымъ лицемъ соединилъ полноту души, неисчерпаемой въ мысляхъ и чувствованіяхъ. Это вознесло его надъ всѣми поэтами и въ тоже время преобратило въ загадку, надъ которою одни глумятся, и предъ которою другіе благоговѣютъ. Но самъ онъ, обогатившій міръ искуства такимъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, не обозначилъ себя ни на одномъ. Какъ Протей, принявъ разъ на себя каждый изъ этихъ об-

разовъ, ни съ однимъ не слился—и остался для насъ невидимымъ.

Читать Шекспира, поучаться въ немъ человѣковѣдѣнію — можетъ всякой, безъ различія возраста и пола, образованности и націи. Литератору онъ руководитель самый вѣрный и самый безопасный. Непричастный господству какой-нибудь школы, безъ привязанности къ одному какому-нибудь тону или взгляду, онъ вноситъ въ душу вашу только истины вѣчныя. Что вѣкъ и нація сообщили ему, того никто не возметъ; но что вы займете у него, то принадлежитъ человѣчеству: слѣдственно это ваша собственность.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

КАРТИНА БРАЗИЛІИ.

Ежели, довѣряя судьбѣ и морю, вы сядете на корабль въ одной изъ пристаней западной Европы, положимъ въ Гибралтарской, то не позже-какъ черезъ шесть недѣль онъ принесетъ васъ къ берегамъ Бразиліи. Богатая жатва впечатлѣній ожидаетъ васъ на пути: ихъ величіе, ихъ нечаянная новость замѣнятъ собою разнообразіе, которое никогда не можетъ быть удѣломъ странствующаго по морямъ. Но это море—океанъ, опоясывающій землю, въ той чертѣ, гдѣ сама она—полный шаръ, гдѣ округлость ея, больше и совершеннѣе, имѣетъ свой особый, единственный на землѣ характеръ. Сначала направленіе ваше будетъ

къ югу, почти вдоль западныхъ береговъ Африки: справа минуете вы цвѣтущій ост. Мадеру, мелькающіе въ туманѣ острова Канарійскіе; влѣвѣ останется группа острововъ Зеленаго-Мыса; потомъ рѣшительная минута: за поворотнымъ кругомъ начнется новая эпоха вашего плаванія. Вѣтръ, который до сихъ поръ дулъ то съ В. то съ С., становится постоянно сѣверовосточнымъ: день и ночь пристально упираясь въ поднятыя вѣтрила, онъ гонитъ ихъ отъ Стараго-Свѣта къ Новому, чрезъ широкое полотно равноденственныхъ водъ, наискось подъ экваторъ. Тутъ онъ смѣняется другимъ, также постояннымъ, юговосточнымъ вѣтромъ. Слѣдовательно въ главномъ и тотъ и другой споспѣшествуютъ мореходцу: онъ пробѣгаетъ 150 миль въ сутки. Но за нѣсколько градусовъ до экватора, прежде-нежели смѣна, о которой сказано, совершится, дыханіе вѣтра постепенно слабѣетъ, останавливается, и въ этотъ промежутокъ величественная тишь ложится гладью по водамъ: корабль подвигается медленно, плавно, слишкомъ плавно; матросы сидятъ сложа руки, или играютъ какъ дома во что-нибудь; обыкновенныя предосторожности на кораблѣ ненужны: бутылки, рюмки и проч. стоятъ крѣпко на столѣ, не качаясь и не падая. Неизмѣняемость атмосферы прерывается внезапно, но мгновенно, грозою. Иначе духота была бы нестерпима: вечеромъ и въ тѣни почти такъ же жарко, какъ на солнцѣ и въ полдень. Блистательно всходитъ солнце надъ этимъ краемъ, позлащая на горизонтѣ облака, раскиданныя

въ видѣ горъ и долинъ, вулкановъ и морей, въ видѣ очерковъ миѳологическихъ и причудливыхъ. Тихо возносится оно по эѳиру синяго неба: влажные, сѣрые туманы исчезли, море спокойно; оно подымается и опадаетъ, какъ зыбкое зеркало, какъ правильное біеніе пульса. Въ полдень явится блѣдная, матовая тучка, предвѣстница грозы: вдругъ вся сцена перемѣняется. Громъ и молнія хотятъ, кажется, расколоть планету; тяжелый, соленоватый ливень стремительно низвергается, при воющемъ вихрѣ, въ кипящую борьбу элементовъ... Но радужныя ленты раскинутся надъ океаномъ, отразятся въ безчисленныхъ извитіяхъ водъ, во знаменіе мира и конца тревогъ. Все возвращается къ прежнему равновѣсію: свѣтлѣетъ лазурное небо, мирятся воздухъ и море, стада летающихъ рыбъ игриво скачутъ надъ поверхностію зыбей; разноцвѣтные жители океана, между ними акула съ неразлучными своими спутниками (Gasterosteus ductor и Echeneis remora), выходятъ изъ глубины столь прозрачной, что ихъ видно въ ней на 100 футовъ подъ водою. Страннаго вида медузы, пузырчатые фрегаты (Physalis) съ голубыми щупальцами и много другихъ тварей несется тихо водою мимо неподвижнаго корабля. Когда же солнце покидаетъ облачный горизонтъ, тогда море и небеса являютъ новую, неописанную прелесть. Пунцовые, желтые, фіолетовые цвѣта въ безконечныхъ оттѣнкахъ и контрастахъ роскошно сѣются по темному своду неба, отражаются въ неизмѣримости водъ. Частая зарница

провожаетъ удаляющійся день. Луна всплываетъ величаво надъ успокоеннымъ міромъ. Множество падающихъ звѣздъ разсѣкаютъ мракъ ночи; самое море отъ сильной фосфорности кажется пламеннымъ океаномъ. Другое небо, другія звѣзды. Полярная звѣзда сѣвера перестаетъ быть видима: странникъ съ благоговѣніемъ привѣтствуетъ новое для него созвѣздіе южнаго полушарія—созвѣздіе Креста *.

Экваторъ мимо. Свѣжій юговосточный вѣтръ домчитъ васъ скоро къ предназначенной цѣли, и эта цѣль прекрасна. Сперва берегъ, какъ необъятный призракъ, поразитъ вниманіе, утомленное влажною степью: явственнѣе откроется потомъ передовой мысъ Америки, Cabo Frio; еще далѣе—Сахарная-Голова, высокая остроконечная скала, безплодная, суроваго вида. Она стоитъ тутъ какъ-бы на стражѣ супротивъ другихъ скалъ, образуя врата, ведущія въ заливъ Ріо-де-Жанейро. Въ заливѣ—чаща корабельныхъ мачтъ, множество островов, покрытыхъ душистыми, пальмовыми рощами; на берегу—городъ, громада домовъ, часовень, церквей и башень бѣлокаменныхъ, утопающихъ въ зелени, расположенныхъ у подошвы горъ, которыя высятся амфитеатромъ, обхватывая заливъ отвсюду, осѣняя его густымъ своимъ, тропическимъ лѣсомъ... Здѣсь, предъ дворцемъ, остановитесь, бросьте якорь—и при радостныхъ звукахъ корабельной музыки, въ упое-

* См. Spix und Martius Reise in Brasilien, 3 Theile mit Karten und Abbildungen, München, 1823.

нія всѣхъ чувствъ, по гранитнымъ ступенямъ пристани сойдете на твердую землю. Вотъ столица Бразиліи.

Въ подобныя минуты каждый непремѣнно испытываетъ на себѣ часть того, что должны были чувствовать великіе мореплаватели, открывая новыя, неизвѣстныя земли. Что прекраснѣе такаго открытія, счастливо сбывшейся мечты человѣка?...

Въ Новомъ-Свѣтѣ, странника прежде всего поражаетъ—свѣтъ. Сіяніе дня такъ ярко, такъ ослѣпительно, что невольно вспоминаешь стихъ Горація: «Unde debacchentur ignes.» Lib. III. Carm. III. Среди этаго бѣлаго дня, всѣ предметы являются краше, чище, выразительнѣе; воздухъ ласковѣе и такъ прозраченъ, что съ непривычки глазъ безпрестанно обманывается, судя о разстояніяхъ. Здѣсь, кажется, мало имѣть пять чувствъ: прошедшее съ своими воспоминаніями блѣднѣетъ предъ настоящимъ. Но что за звуки, странные, получеловѣческіе, на водѣ и на сушѣ? Это говоръ и клики несмѣтной толпы Негровъ трудящихся, выгружающихъ, перевозящихъ, рѣющихъ въ легкихъ челнокахъ своихъ: это Негры-невольники, чернь. Они, чтобы ни дѣлали, привыкли провожать себя всюду пѣснями, которыхъ дикость и унылость подъ-часъ очень непріятны и даже страшны на сушѣ; но вода, музыкальная стихія, умѣряетъ нестройность, располагая къ чувствительности и сожа-

лѣнію: это здѣсь кстати. Сначала трудно повѣрить, чтобы это были пѣсни, а не бунтъ: однако же адскій концертъ помогаетъ этимъ полунагимъ Сизифамъ и Данаидамъ Африки выносить труды и тяжкое бремя золъ. Они сильны: Торвальдсенъ поглядѣлъ бы на нихъ, Моцартъ закрылъ бы себѣ уши. Эта физическая мощь, ими несознаваемая, есть какъ-бы документъ на всѣ священнѣйшія права человѣчества, которыхъ лишены они, безмолвный намекъ, который Европейцы иногда понимаютъ и не безъ содраганія.

«Нравственное мое чувство, пишетъ одинъ Русскій путешественникъ, у котораго мы заимствуемъ большую часть этой картины, было сильно возмущено въ домѣ однаго Европейца обращеніемъ его съ рабами. Я не въ состояніи выразить, какъ мало было въ немъ человѣческаго: голосъ палача могъ бы казаться ласковымъ въ сравненіи съ его голосомъ. И однако же онъ еще не гнѣвался: онъ только приказывалъ.»

Архитектура города имѣетъ свой особый характеръ. Невысокіе, крытые черепицею дома большею частію изъ гранита; стѣны толсты; дверей почти также много, какъ оконъ. Послѣднія въ нижнемъ этажѣ закрыты ставнями, сквозь которыя жильцы дома наблюдаютъ то, что происходитъ на улицѣ. Эти окна даютъ городу видъ какой-то скрытности, даже мни-

тельности. Словно маски на лицѣ цѣлыхъ семействъ— вовсе не поевропейски. Улицы вымощены также гранитомъ; мѣстами тротуары. Ночью только и свѣта, что отъ лампадъ, горящихъ предъ иконами Богоматери въ разныхъ мѣстахъ города. По-крайней-мѣрѣ такъ было въ 1820 году. Имя города собственно San Sebastiao, но обыкновенно называютъ его Rio de Janeiro, а чаще просто Rio. Пріѣзжіе Европейцы живутъ преимущественно въ предмѣстіяхъ: Catète и Botafogo. Это тоже, что Пера въ Константинополѣ. Кабріолетъ съ чернымъ возницею, запряженный двумя лошаками, доставитъ васъ въ Катетъ, который раскинутъ южнѣе, вдоль бухты, верстахъ въ двухъ отъ Rio.

Дорога идетъ мимо Сахарной-Головы, ущелистой скалы, израненной стрѣлами грома: это родъ маяка въ Ріо-де-Жанейро, это тоже, что соборъ Богоматери въ Парижѣ, св. Павла въ Лондонѣ, св. Стефана въ Вѣнѣ; далѣе—мимо церкви da Gloria, воздвигнутой на горѣ, которой скатъ усѣянъ рощицами, садами, домиками, и служитъ гульбищемъ для публики, впрочемъ мало гуляющей. Недалеко отъ Катета—Ботафого, также при небольшемъ заливѣ. Но оставимъ подробности. Здѣсь лучшія впечатлѣнія не тѣ, которыя напоминаютъ Европу. Природа чародѣйствуетъ особливо ночью: она дышитъ въ ропотѣ безчисленныхъ насѣкомыхъ, она сіяетъ въ глубоко-сѣянныхъ по лазури звѣздахъ. «Луна всходитъ словно разгоряченная изъ нѣдръ волкана: здѣсь она являет-

ся владычицей зари. Ея лучи, мягче (plus liquide) нежели въ нашихъ краяхъ, изливаются съ неизъяснимою сладостію на горы, на рощи и на поляны. Это тотъ свѣтъ, о которомъ Шекспиръ говоритъ, что онъ *почиваетъ*. Пѣвецъ Дидоны и Энея пѣлъ Бразилію восклицая: siletur in noctem! Какая глубокая, священная тишина! Это не то утомленіе, которое бываетъ послѣ тревогъ и стукотни дневной въ Парижѣ и Лондонѣ; это также и не оцѣпенѣніе скуки, какъ въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ. Настоящая тишина, истинное уединеніе стали очень рѣдки въ Европѣ: ихъ можно найти только на кладбищѣ, среди руинъ. Ночи Америки торжественно-томны, но не унылы. Онѣ ждутъ пѣсней, но только не Юнга и не Байрона. Это въ полномъ смыслѣ амврозіанскія ночи Гомера, который вѣрно прозрѣлъ бы подъ солнцемъ Бразиліи вмѣстѣ съ Мильтономъ и Оссіаномъ.

«Увядшій листокъ, образъ смерти въ другихъ мѣстахъ, здѣсь не имѣетъ въ себѣ ничего печальнаго: онъ навѣрное уже замѣнился другимъ. За то, по странной волѣ судебъ, нигдѣ такъ не смертенъ человѣкъ, какъ въ этихъ странахъ, исполненныхъ жизни. Старики попадаются больше между черными. Но сѣдины невольника не доказательство, что онъ старъ. Бразильская природа какъ-бы спѣшитъ, ускоряя годы, свершить неутомимый кругъ воспроизводительности: болѣе она ничего не хочетъ.

«На другой день послѣ моего пріѣзда, въ шесть часовъ утра, вышелъ я изъ Катета, гдѣ основался, и отправился въ Ботафого. Я не зналъ еще, что значитъ Бразильское солнце. Оно калило уже песчаную тропинку, по которой мнѣ слѣдовало итти. Деревья, растущія по берегу моря, негостепріимны: они худо защищаютъ отъ острія лучей, они чахнутъ отъ зноя. Даже на берегахъ рѣчки или ручья мало прохлады. Величественныя прозябенія, дивные монументы растительности, не уцѣлѣли отъ сѣкиры, если не образованнаго, то образующагося общества. Рѣдко встрѣчается птичка на вѣтвяхъ дерева, за исключеніемъ небольшой ласточки, и то, кажется, заблудшей, а не красотою мѣстъ привлеченной. Отъ того, безъ этихъ маленькихъ пѣвцовъ, денница въ странахъ тропическихъ не такъ весела, какъ у насъ. Въ послѣдствіи времени мнѣ случалось слышать въ непочатыхъ, безмолвныхъ лѣсахъ голосъ птички (Araponga), похожій на звукъ серебрянаго молоточка, или на дальній звонъ колокольчика. Возвращаясь домой, я встрѣтилъ множество Европейцевъ верхомъ на коняхъ или на лошакахъ. Они спѣшили въ городъ: это большею частію негоціанты, имѣющіе или нанимающіе дачи въ окрестностяхъ Ріо-де-Ж. Они проводятъ ночь въ объятіяхъ прекрасной природы, а день въ душныхъ своихъ конторахъ. Въ 9 часовъ утра ходъ дня ихъ заводится механически. Пѣшеходы большею частію Негры, навьюченные корзинами, ящиками, или идущіе при возахъ, которые запряжены огромными волами и ужа-

сно скрипятъ осями. Издали эта музыка похожа на звуки Эоловой арфы.

«Негры самые отчаянные монологисты въ свѣтѣ. Дорогою они вопятъ наединѣ съ непостижимымъ быстрорѣчіемъ. Они не боятся повтореній (опасеніе человѣка образованнаго); они хотятъ, кажется, выучить наизустъ свое горе. Знаменитый монологъ: *быть или не быть*, былъ бы очень кстати на толстыхъ губахъ ихъ. Чувство негодованія пробуждается въ нихъ довольно туго, не вдругъ, иногда въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ они были обижены...

«Пріѣзжій, еще незнакомый съ мѣстностію, принужденъ держаться большихъ дорогъ, гдѣ такія сцены неблагозвучія и бѣдствія столь же часты, сколько и непріятны. Въ послѣдствіи времени онъ узнаетъ уединенныя тропинки, до того уединенныя, что каждая изъ нихъ кажется ведущею ко вратамъ Обители.

«Кометъ, гдѣ я живу, тихое предмѣстіе, особливо въ сравненіи съ шумными улицами города. Низенькіе домики выходятъ на улицу, худо вымощенную и въ дожди препорядочно грязную. Кое-какъ можно пройти сухо по тропинкѣ, протоптанной вдоль домовъ: и тутъ иногда какой-нибудь оселъ, привязанный у крыльца, заграждаетъ единственный проходимый путь. Какъ быть! И въ жизни бываютъ такія

встрѣчи, не менѣе досадныя! Одинъ мой знакомый носилъ здѣсь всегда при себѣ ножъ, чтобъ пролагать себѣ путь вооруженною рукою, обрѣзывая привязь этихъ лѣнивыхъ животныхъ, ожидавшихъ своихъ господъ.

«Иногда въ дождливую погоду любопытно видѣть поѣздъ какаго-нибудь щеголя, большею частію изъ иностранцевъ, отправляющагося на балъ или на вечеръ. Верхомъ на конѣ или на лошакѣ, закутанный въ клеенчатый плащъ, онъ трепещетъ за свой нарядъ Англійскаго или Парижскаго рукодѣлія. Ноги спрятаны поколѣно въ огромные сапоги, которые придѣланы къ сѣдлу и имѣютъ разрѣзъ спереди. Эти сапоги защищаютъ его отъ хлябей потока, по которому ему приходится ѣхать. Впереди идетъ маленькій Негръ съ фонаремъ. Такимъ образомъ приближается онъ къ дому, гдѣ гремитъ оркестръ. И чрезъ минуту потомъ этотъ рыцарь *полночнаго образа* летаетъ во Франц. кадрили, среди залы, убранной по-Европейски.

«Впрочемъ и здѣсь есть нѣсколько прекрасныхъ зданій, хотя они и не вдругъ поражаютъ прихотливый глазъ Европейца. Здѣсь, равно какъ и въ городѣ, приняты всѣ мѣры, чтобы дать воздуху непрерывно-свободное теченіе. Лѣтомъ для дыханія мало воздуха, надобны струи воздуха: малѣйшій застой этой животворной влаги нестерпимъ. Здѣсь, болѣе-неже-

ли гдѣ-либо жизнь—движеніе; неподвижность ведетъ за собою страданіе, немощь, смерть. Сонъ, столько соблазнительный въ здѣшнемъ климатѣ, особливо въ союзѣ со скукою, есть чародѣй опасный, которому ввѣряться недолжно. Рѣдко бываетъ онъ освѣжителенъ: онъ есть самозабвеніе, а не покой. Проспавъ нѣсколько часовъ, вы оставляете постель, чтобы отдохнуть на софѣ отъ такаго сна. И потому, спите какъ можно меньше, соблюдайте ходячую праздность, безъ страстей: не думайте, не углубляйтесь; будьте колибри, если можете.

Здѣшній человѣкъ не созданъ для размышленія. Подъ безоблачнымъ небомъ душа, какъ Сахарная-Голова, подернута воздушною дымкою, которая не позволяетъ мыслямъ обозначиться явственно. Тщетно желаете остановиться на какой-нибудь идеѣ: она пропадаетъ—и васъ клонитъ къ сну. Заниматься математикою здѣсь было бы невозможно; да и изящныя художества не лучше успѣваютъ. Хорошее произведеніе музыки, живописи или поэзіи требуетъ столько же сосредоточенности и свѣтлости въ умѣ, какъ и занятіе медициною или юриспруденціею. Надо, чтобы ни одна сила души не была подавлена. Едва ли бываютъ хорошіе стихи, созданные воображеніемъ небодрымъ. И доказательство: какъ мало стиховъ, сочиненныхъ во снѣ! Скажутъ, что эти невольныя созданія забываются послѣ; но то, что забывается такъ легко, есть навѣрное не иное что, какъ галиматья.

«За то отсутствіе мысли влечетъ здѣсь *къ игрѣ*. Если бы я не боялся проиграться, то предпочелъ бы всему другому это упражненіе ума. *Экарте* создана для Бразиліи: эта игра требуетъ нѣкоторой дѣятельности и никакаго напряженія духа. Бразильцы любятъ это увеселеніе, а иностранцы рано или поздно подражаютъ имъ.

«Чтеніе, которое вездѣ земѣняетъ столь многое, здѣсь безплодно. Оно дѣлается машинальнымъ, особенно въ жары, когда и память и мозгъ готовы испариться. Тутъ чтеніе становится не занятіемъ, а тѣлоположеніемъ. Еще психологическое правило: не ждите слишкомъ нетерпѣливо новостей изъ Европы. Не считайте дней, не мѣрьте разстояній, не копите вѣроятностей. Океанъ не свой братъ: и съ своею проницательностію, съ своими надеждами, вы рискуете перессориться со всѣми отсутствующими друзьями. Умѣйте ждать безъ сердечнаго трепета прибытія пакетбота.

«Въ первое время моего пребыванія въ Р.-де-Ж. я испыталъ нѣсколько жестокихъ обмановъ. Недалеко отъ меня ломаютъ камень посредствомъ пороха. Эти взрывы такъ похожи на пушечные выстрѣлы, что я вскакивалъ неразъ съ мѣста, надѣясь услышать отрадную вѣсть изъ Европы; и эта мнимая вѣсть была катящійся съ горы камень.

«Эхо Іюльскихъ событій отозвалось и въ ю. Америкѣ. Въ одно прекрасное утро мы увидѣли Французскій фрегатъ съ трехцвѣтнымъ флагомъ, входящій въ пристань и бросающій якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бывшаго тутъ фрегата подъ флагомъ старшей линіи Бурбоновъ. Въ этомъ положеніи они простояли цѣлый день. На слѣдующій—бѣлый флагъ спустился при пушечной пальбѣ, а знамя Франціи и Наполеона взвилось какъ на Вандомской колоннѣ. Съ этихъ поръ извѣстія о перемѣнахъ и о бѣдствіяхъ общественныхъ (о холерѣ) стали учащать въ Новый-Свѣтъ. Старый былъ уже не тотъ, какимъ мы его оставили . . .

«Безпредѣльная тишина этаго полушарія, гдѣ человѣкъ производитъ такъ мало шуму, сильно противорѣчитъ треволненной душѣ Европейца. У насъ не проходитъ дня безъ новостей; въ Бразиліи цѣлые мѣсяцы сыты однимъ какимъ-нибудь слухомъ. Въ Р-де-Ж., среди колоссальныхъ явленій, каждый шагъ гуляющаго, кажется, сочтепъ и замѣченъ. Верстахъ въ семи отъ города уже не ходятъ пѣшкомъ, а странствуютъ караваномъ, вооруженно, ведя путевой журналъ. За цвѣтной полосою, которую географія и образованность проводятъ по Бразильскому берегу, начинается дичь, чаща, начинается Бразилія. По эту грань живешь въ какой-то средней чертѣ между Европой и Америкой.

«Бразильскія лошади мелки, слабы, пугливы; но ружейный выстрѣлъ имъ нестрашенъ: это дѣйствіе привычки. Нѣтъ народа, который бы любилъ до такой степени, какъ Бразильцы, фейерверки и канонаду среди глубокаго мира. Они почти не знаютъ войны. Для нихъ порохъ выдуманъ только ради торжественныхъ праздниковъ, и они не жалѣютъ его. Въ Р.-де-Ж. въ пламенные, декабрскіе дни, около Рождества, спускаютъ фейерверки среди дня, при выходѣ изъ церквей, гдѣ православные чуть не задыхаются.

«Для непривыкшаго ѣздока ѣзда по большой дорогѣ очень затруднительна. То Негръ съ огромною ношею, мѣшающею ему васъ видѣть, идетъ прямо на васъ не слыша вашего *поди*! то повозки, ѣдущія вразбродъ, то всадники навеселѣ, большею частію иностранцы. Иногда встрѣчаются носилки, крытыя синимъ или краснымъ сукномъ; верхъ украшенъ золотомъ и рѣзьбою. Но все вмѣстѣ такъ погребально, что не только лошади, и человѣку можно испугаться. Въ нихъ носятъ мертвыхъ, больныхъ или просто лѣнивыхъ. Я видѣлъ разъ, какъ одинъ всадникъ остановилъ двухъ Негровъ съ носилками, чтобъ пріучить къ нимъ лошадь свою, которая испугалась. Негры стояли съ раболѣпною неподвижностію; не знаю, что думала ихъ ноша.

Р.-де-Ж. имѣетъ въ окрестностяхъ своихъ ботаническій садъ, гдѣ бываетъ гулянье. Тутъ величественная

Остъ-Индская пальма и множество растеній Азіи пріучаются къ Американскому небу. Есть и *чайныя* плантаціи: это растеніе дѣлаетъ быстрые успѣхи въ нѣкоторыхъ областяхъ Бразиліи. Возрастъ пальмы хорошенько неизвѣстенъ. Бразильцы еще такъ мало освоились съ вѣками, что счетъ ихъ всегда сбивчивъ. Говорятъ, что внутри имперіи многіе ведутъ счисленіе отъ пріѣзда короля въ 1808 году. Но лучшая прогулка—въ горахъ, къ верховью какой-нибудь рѣки, по ея долинѣ, которая становится все уже и уже, жилища рѣже. Деревья опутаны длинными нитями побѣговъ и чужеядныхъ растеній; гдѣ-нибудь на высотѣ вѣтвей цвѣтетъ алоэ; вдали дымятся лѣса, зажженныя рукою человѣка: это первые пріемы Бразильскаго земледѣлія. Кругомъ васъ пальмы, бананы, поодаль отъ дороги апельсинныя деревья. При лунномъ сіяніи, бѣлый песокъ, на которомъ растутъ они, превращается въ бѣлоснѣжный коверъ, а цвѣты, листья и плоды зыблются надъ вами въ пространствахъ безоблачныхъ. Хижины, которыя попадаются на пути, имѣютъ видъ бѣдности, но не запустѣнія: и въ нихъ движенія мало. Даже игры дѣтей рѣдко бываютъ шумны. Человѣкъ подражаетъ природѣ... Съ высоты горъ видъ на заливъ неописанный. Чтобъ возвратиться въ городъ, спуститесь вдоль потока, порожисто низвергающагося долу: отъ него идетъ тотъ благодѣтельный водопроводъ, который поитъ Ріо-де-Жанейро. Этотъ водопроводъ есть твореніе двухъ вице-королей: кирпичъ для возведенія его возили изъ Пор-

тугаліи. Въ 1828-мъ году ужасная засуха чуть не уничтожила его. Въ 1831-мъ носился нелѣпый слухъ, будто бы Португальцы отравили его. Легко объяснить себѣ легковѣріе толпы въ этомъ случаѣ. Вода—такое сокровище въ большомъ, многолюдномъ городѣ и въ жаркомъ климатѣ, такое важное условіе въ жизни богатаго и бѣднаго: для послѣдняго—одно изъ тѣхъ немногихъ благъ, въ которыхъ онъ можетъ никогда себѣ не отказывать. Какъ же не трепетать за такую драгоцѣнность! Но этотъ водопроводъ и въ архитектурномъ отношеніи есть достопримѣчательность, одна изъ первыхъ въ Ріо-де-Жанейро.

Чтобы довершить характеристику города, скажемъ что-нибудь о *нищихъ.* Въ картинѣ общества они недолжны быть забыты: безъ нихъ она не полна и даже мертва. Видъ ихъ придаетъ ей интересъ особаго рода. Да, въ поэзіи, прежде всего требуется *жизнь,* а потомъ *красота:* отъ того-то убогая хижина кажется люднѣе дворца; отъ того, гдѣ-нибудь на распутіи, появленіе нищаго родитъ живѣйшее впечатлѣніе, нежели отрядъ королевской гвардіи и т. п. Въ храмѣ, у дверей храма—нищіе очень кстати: они тутъ живописно-разительнѣе всякой мраморной колонады. Видя ихъ, невольно участвуешь въ судьбѣ ихъ, стараешься угадать исторію того или другаго: можетъ быть, какой-нибудь Мильтонъ, или Велисарій... Въ Ріо-де-Жанейро, съ тѣхъ поръ, какъ прокаженнымъ (elephantiasis) дано пристанище въ госпиталяхъ, нищіе,

которые встрѣчаются на улицѣ, большею частію изъ слѣпыхъ: это самые жалкіе. Обыкновенно скромные и смиренные, они пробираются тихо вдоль домовъ, останавливаясь у дверей тѣхъ, отъ которыхъ надѣются получить милостыню. Они кажутся болѣе умоляющими стѣны, а не людей. Между Неграми много слѣпыхъ: два раза видѣлъ я чернаго невольника, ведомаго за конецъ палки другимъ чернымъ. Нищіе изъ бѣлыхъ ходятъ иногда опираясь на чернаго *своего невольника,* или служащаго имъ за извѣстную долю поденнаго сбора. Мнѣ случалось слышать споръ ихъ о раздѣлѣ этаго дивиденда. Нищіе совершаютъ обходъ свой почти всегда поутру. Вечеромъ рѣдко слышится печальный звукъ, производимый посохомъ слѣпаго по тротуару. Вотъ замѣчательная черта публичной нравственности: здѣсь никогда невидно *дѣтей*, просящихъ милостыни по наущенію родителей.

Какое зрѣлище для кисти Фламандскаго живописца! Посмотрите: тамъ слѣпой остановился предъ окномъ, которое недавно замуровали... Впрочемъ рѣдко бываетъ, чтобы просьбы нищихъ падали здѣсь на безплодные камни.

Наконецъ, внѣ общества, хотя посреди его—классъ *рабовъ*, многочисленный, какъ и во всѣхъ почти государствахъ Америки. Ежели всѣхъ жителей въ Бразиліи 4 милліона, то черныхъ невольниковъ 2 милліона, почти столько же, сколько въ С. Американскомъ

Союзѣ; но тамъ они составляютъ 6-ю часть населенія. Всего болѣе въ Мексикѣ—гдѣ ихъ считается 17 на однаго бѣлаго. Въ Колумбіи, благодаря Боливару, законъ признаетъ впредь свободнымъ каждаго, родящагося въ рабствѣ. Въ день изданія этаго закона самъ законодатель отпустилъ на-волю 300 человѣкъ, принадлежавшихъ ему собственно. Впрочемъ нигдѣ нѣтъ, на-оборотъ, писаннаго закона, которымъ бы рабство укрѣплялось навѣки. Церковь католическая допускаетъ его только какъ уговоръ между силою и безсиліемъ, впредь до возможнаго выкупа. Отъ того рабы долго именовались выкупными, les rachetables (resgatados). Однако же любостяжаніе угнетающихъ и несостоятельность угнетаемыхъ сдѣлали эту возможность невозможною, увѣковѣчили это состояніе.

Въ предыдущемъ описаніи вы уже видѣли, читатель, представителей этаго класса, этой моральной тѣни Бразиліи, гдѣ отвѣсное солнце дѣлаетъ всѣ предметы безтѣнными: вы видѣли эту черную, чуждую вамъ фигуру Негра въ разныхъ положеніяхъ, безпрестанно мелькающаго предъ вами, съ ношею въ пристани и на большей дорогѣ, съ кувшиномъ у водоема въ палящій полдень, ночью выносящаго нечистоту изъ домовъ, словомъ, получившаго здѣсь въ удѣлъ свой все подножіе жизни, одну тщету ея и суровость. Въ себѣ самомъ, въ своей особѣ, онъ менѣе нежели ничто: его имѣютъ и тѣ, которые ничего не имѣютъ... Такова судьба его! Случайныя обстоятель-

ства дѣлаютъ ее болѣе или менѣе сносною. Въ законахъ мало рѣчи о Неграхъ. Въ большей части случаевъ, касательно ихъ, руководствуются Римскимъ Правомъ и самыми обыкновенными правилами справедливости. Имъ хорошо или худо, смотря по характеру ихъ властителей: рѣдко бываетъ, чтобы они желали возвратиться на родину; по этому можно судить, каково имъ тамъ. Впрочемъ вообще въ Бразиліи имъ лучше, нежели, напримѣръ, въ колоніяхъ Англійскихъ или въ с. Америкѣ. Мягкій нравъ Бразильцевъ позволяетъ имъ пользоваться нѣкоторою льготою, такъ что иностранецъ, проживши нѣкоторое время въ Ріо-де-Жанейро и нѣсколько свыкнувшись съ позорищемъ неволи, самъ начинаетъ удивляться патріархальному такъ сказать обращенію въ домашнемъ быту. Хотя въ городѣ рабы могутъ быть во всякое время наказываемы по сущему произволу, однако же надо сказать, къ чести обѣихъ сторонъ, во многихъ домахъ есть рабы, преданные совершенно господамъ своимъ. Въ деревнѣ, удаленные отъ хозяйскаго глаза, они подчинены третьему лицу, обыкновенно изъ ихъ же среды поставленному. По закону наказаніе ихъ должно происходить публично рукою палача, но почти всегда наказываютъ дома, боясь ихъ утратить. Недавно начальство стало внимательнѣе наблюдать, чтобы не было смертоубійствъ отъ безчеловѣчія господъ: теперь нельзя хоронить Негра безъ свидѣтельства отъ врача или мироваго (juge de paix) о родѣ смерти. Когда ихъ худо кормятъ или слишкомъ худо съ ними обращают-

ся—они бѣгаютъ въ лѣса и дѣлаются опасными разбойниками. Лѣтъ десять тому назадъ цѣлая шайка такихъ бѣглыхъ бродила около водопровода, угрожая столицѣ... Въ Бразиліи заставляютъ ихъ работать ежедневно, и только въ воскресные дни имъ дается за работу на-водку: эта приманка губитъ многихъ, особливо въ рудникахъ. Въ самый разгаръ дня, утомленные отъ труда, они какъ тѣни ложатся по отлогостямъ раскаленныхъ горъ. Большая часть Бразильцевъ живетъ въ праздности наймомъ своихъ Негровъ. Каждый изъ сихъ послѣднихъ обязанъ заработывать не менѣе 3 р. въ день, на своихъ харчахъ. Въ противномъ случаѣ онъ наказанъ. Носильщики, работающіе на набережной, съ 7 часовъ утра до заката на ногахъ, переносятъ на головѣ мѣшки съ кофе, вѣсомъ въ 4 пуда: платится имъ за каждый ходъ особо—и отъ того они иногда надрываются. Такое любостяжаніе съ ихъ стороны питается страстію къ вину, которое для нихъ очень пагубно. Люди этаго разряда въ 32 года отъ-роду уже дряхлы. Когда они неспособны болѣе къ работѣ или наживутъ себѣ болѣзнь, ихъ продаютъ съ публичнаго торга за дешевую цѣну, или даютъ имъ вольную: такіе живутъ подаяніемъ и умираютъ въ больницѣ или гдѣ-нибудь на паперти, въ закоулкѣ и т. п. Иногда рабочимъ дается суббота и воскресенье, чтобы они могли выработать себѣ что-нибудь на одежду; иногда получаютъ участокъ земли, которую и обработываютъ для себя. За то въ опредѣленное время и по очереди обязаны они работать на

господина. Тѣ, которые знаютъ ремесло, живутъ независимѣе, отдавая каждый день часть своего заработка; но всѣ ихъ сдѣлки только терпимы, а не обязательны и не крѣпки. Впрочемъ бывали случаи чрезвычайнаго набогащенія Негровъ-вольноотпущенниковъ. Во время владычества Португальцевъ, правительство и церковь многократно предписывали владѣльцамъ черныхъ учить ихъ вѣрѣ и обходиться съ ними почеловѣкески: много декретовъ издано по этому поводу. Теперь эта часть въ запущеніи, и однако же прежде, только подъ сказанными выше условіями, рабство признавалось терпимымъ. Надобно сознаться, что Негры мало способны къ ученію. Креолы, какъ и вездѣ, превосходятъ ихъ живостію и проницательностію ума, за то склонны къ пороку. Духовенство очень сѣтуетъ о невѣріи и нечестіи Креоловъ. Наконецъ нигдѣ, какъ въ Бразиліи, превосходство (бѣлыхъ) Европейцевъ не можетъ быть очевиднѣе. Между Неграми нѣтъ ни однаго замѣчательнаго по своимъ дарованіямъ. И то правда, что здѣсь истинная филантропія не занималась еще ихъ воспитаніемъ; къ тому же изъ лучшихъ племенъ Африки здѣсь есть только Минасы; остальные большею частію Кабинды, Мозамбики, со множествомъ подраздѣленій и оттѣнковъ, сохраняющихъ и здѣсь національныя вражды свои. Развитіе такаго упорнаго ума кажется слишкомъ затруднительнымъ для нерадивыхъ господъ. И потому нигдѣ не сдѣлано такъ мало психологическихъ наблюденій надъ этимъ несчастнымъ племенемъ, какъ здѣсь. Нѣскольк-

ко Англичанъ съ изряднымъ успѣхомъ учатъ своихъ невольниковъ протестантской вѣрѣ.

Учрежденіе браковъ между Неграми не улучшило ихъ нравовъ, не смягчило сердца ихъ. Бракъ необходимо основывается на сознаніи человѣческаго достоинства: рабъ знаетъ только упоеніе грубой чувственности.

Впрочемъ и въ этихъ сердцахъ тлится искра чего-то высшаго; но она такъ глубоко затаена въ нихъ! Иногда чувство святыни пробуждается въ нихъ трогательнымъ порывомъ. Въ церквяхъ, куда ходятъ они вмѣстѣ съ господами своими, молитва ихъ усердна и горяча. Я видѣлъ однажды, какъ нѣсколько Негровъ упало на колѣна предъ окномъ дома, откуда слышались звуки инструмента, похожаго на органъ. Одинъ Негръ, бывшій въ услуженіи у пастора и послѣ того поступившій къ другому господину, повергся также предъ его кабріолетомъ, котораго верхъ напомнилъ ему куполъ часовни, гдѣ онъ былъ нѣкогда прислужникомъ. Случается, что господа, вымѣстивши весь гнѣвъ свой надъ своими Неграми, выходятъ чрезъ минуту потомъ изъ дома, оставляя на рукахъ этихъ же самыхъ невольниковъ малолѣтныхъ дѣтей своихъ по цѣлымъ днямъ — и не было еще примѣровъ, чтобы они раскаивались въ такой довѣрчивости или неосторожности. Надо замѣтить вообще, что Негры любятъ дѣтей.

Самоубійство нечуждо Негру: иногда онъ предается ему, увлекаясь отчаяніемъ, силлогистикой своихъ бѣдствій. Вотъ одинъ примѣръ, котораго я былъ свидѣтелемъ. Негръ, котораго очень хорошо содержали въ одномъ Европейскомъ домѣ, провинился, и ему грозили, что отошлютъ его къ прежнему господину, который былъ очень строгъ. Тогда онъ объявилъ съ рѣшительностію, что убьетъ самъ себя. Ему напомнили завѣты религіи, обязанности христіанина. Онъ возразилъ съ усмѣшкою, что, правда, все это говорили ему на исповѣди, у которой онъ былъ недавно; но что, не смотря на то, онъ очень хорошо знаетъ, что душа ложится вмѣстѣ съ тѣломъ въ могилу—и начертивъ крестъ на пескѣ, тутъ же поклялся имъ, что не переживетъ того, чѣмъ ему угрожали.

Впрочемъ и безъ того смертность свирѣпствуетъ между Неграми: она губитъ дѣтей ихъ во множествѣ невѣроятномъ. И потому замѣна ихъ происходитъ только посредствомъ ввоза, контробандою. Особенно вредна имъ сырость Бразильскаго климата. Много болѣзней происходитъ также отъ дурнаго качества, а иногда и отъ недостатка пищи, отъ нечистоты и духоты избъ, куда ихъ запираютъ на ночь. Наконецъ водка, къ которой они очень падки, поражаетъ ихъ водяною.

Переходъ къ лучшему состоянію бываетъ иногда чрезъ отпущеніе на волю, посредствомъ завѣщаній. Если

невольникъ въ состояніи выкупиться, заплативъ за себя изрядную сумму господину, то послѣдній почти всегда соглашается: такъ здѣсь принято. Даже если невольникъ желаетъ отойти отъ своего господина, то онъ можетъ получить отъ него письменное дозволеніе искать себѣ другаго, который бы расположенъ былъ заплатить за него такую сумму, какую первый назначитъ. Такіе договоры имѣютъ мѣсто по добровольному согласію къ общей пользѣ всѣхъ троихъ.

Долго еще нельзя будетъ обойтись безъ черныхъ невольниковъ въ Бразиліи: такъ гласитъ общее мнѣніе. Однако же правда ли это? Развѣ нѣтъ примѣровъ противнаго въ странахъ, гдѣ рабство сперва казалось такъ же необходимостію? Конечно Негры легче выносятъ зной солнца, нежели бѣлые люди; за то сырость для нихъ гибельнѣе, а послѣдніе легче привыкаютъ ко всякому климату и теперь уже живутъ и трудятся въ странахъ, болѣе Бразиліи жаркихъ. Всего лучшаго можно надѣяться отъ переселеній ихъ сюда; но для этаго необходимы поощренія.

Современемъ, когда привлекутъ они изрядное число добровольныхъ колонистовъ въ Бразилію, необходимость имѣть невольниковъ сама собою исчезнетъ... Однако же вотъ новое обстоятельство, дѣлающее такую надежду почти мнимою: каждый колонистъ изъ бѣлыхъ, по прибытіи своемъ сюда, прежде всего хлопочетъ о томъ, чтобы обзавестись Негромъ, и непре-

мѣнно покупаетъ однаго или нѣсколькихъ, смотря по своему состоянію. Легко представить себѣ, сколько участвуютъ въ томъ и самолюбіе казаться богатымъ, и желаніе раздѣлить *по-братски* пріятности и непріятности жизни съ существомъ терпѣливымъ до крайности, и наконецъ самая закоснѣлость обычая, увлекающаго какъ водоворотъ... Такимъ образомъ, рабство, посѣвъ грѣха, пускаетъ новые корни, новые ростки отъ самыхъ тѣхъ причинъ, которыя должны бы искоренить его. Что жъ дѣлать? Остановить приливъ зла въ самомъ источникѣ, запретить срамный торгъ человѣчествомъ.

Запрещеніе ввоза существуетъ; но оно еще борется съ злоупотребленіями. Еще недружно дѣйствуютъ законы осуждающіе; еще слишкомъ шатко ихъ исполненіе, ввѣренное людямъ непросвѣщеннымъ, небезкорыстнымъ. Можно ли было до сихъ поръ ожидать благонамѣренныхъ дѣйствій со стороны судей, когда эти судьи, собственно говоря полицейскіе служители (juges de paix), люди невѣжественные, нуждающіеся, и при маломъ жалованьи (1200—1800 руб.), всегда готовы поблажать спекулаторамъ, сулящимъ тысячи за свою безнаказанность? Еще недавно контробанда ходила бодро съ поднятою головою: Ѳемида оглашала невинными людей, привозившихъ Негровъ сотнями. И въ самыхъ палатахъ законодательныхъ нашлись представители, которые изъ разныхъ побужденій отстаивали существующій порядокъ вещей или

безпорядокъ. Англіи преимущественно принадлежитъ честь великодушнаго противодѣйствія. Какъ первенствующая на моряхъ держава, она облеклась священнымъ саномъ посредничества. Въ 1826 году, силою конвенціи, заключенной въ Бразиліи, торгъ невольниками объявленъ морскимъ разбоемъ. Въ 1833 году она же предложила включить въ эту конвенцію новое условіе, по которому Англійскимъ кораблямъ предоставляется право схватить всякое судно, гдѣ бы оно ни попалось, ежели устройство его и орудія, на немъ найденныя, обличатъ назначеніе его для перевоза невольниковъ *. Въ 1835 году подобное предложеніе Бразильскаго сената поступило на разсмотрѣніе палаты представителей. Въ проектѣ закона назначались четыре пристани: Ріо-де-Жанейро, Багія, Мараньяо и Пернанбуко, куда имѣютъ быть приводимы схваченныя суда. Разбирательство же производить настоящимъ судьямъ (juges de droit), опредѣляемымъ отъ правительства, совокупно съ коммиссарами, назначенными изъ Англичанъ. Въ случаѣ разногласія, жребій опредѣляетъ—кому изъ засѣдающихъ въ такой коммиссіи (commission mixte) принадлежитъ рѣшительный голосъ.

Захваченные у контробандистовъ Негры объявляются тотчасъ свободными, и это родитъ новое за-

* Недавно писали изъ Лиссабона, что Англійскій посланникъ при тамошнемъ дворѣ продолжаетъ сильно настаивать на принятіе подобнаго условія въ отношеніи къ судамъ Португальскимъ.

трудненіе. Сначала ихъ поручали надзору кого-нибудь изъ обывателей; но это неопредѣленное отношеніе мало-по-малу обращалось въ обременительное для Негра, и зло, которое думали искоренить, являлось только въ другомъ видѣ. Англія согласилась принимать ихъ въ свою колонію Тринидатъ за извѣстную сумму на ихъ содержаніе. Въ Либеріи, колоніи вольныхъ Негровъ, основанной въ Африкѣ, за пріемъ ихъ вносится по 300 р. за каждаго. Учрежденіе подобной колоніи въ большемъ видѣ на берегахъ Африки всего лучше соотвѣтствовало бы благодѣтельной цѣли филантроповъ. Тамъ, на родимомъ кряжѣ, должно начаться возрожденіе черныхъ—и это высокое посланіе предлежитъ Европѣ, соединеннымъ ея усиліямъ, согласному дѣйствію всѣхъ державъ. Еще Португальскій флагъ не стыдится покрывать богопротивный грузъ. Говорятъ, что въ 1825 году 124 Португальскія судна занимались перевозомъ невольниковъ изъ Африки. Въ 1836 году ихъ привезено въ Бразилію до 40,000 человѣкъ. Къ счастію, 10 Декабря 1836 года, юною королевою Португаліи подписанъ декретъ, запрещающій подданнымъ Ея Величества ввозъ и вывозъ невольниковъ изъ Африканскихъ ея владѣній моремъ. Суда, отправляющіяся изъ пристаней, подвластныхъ ея скипетру, въ страны, лежащія за 20° сѣверной широты къ югу, подлежатъ строгому осмотру. За малѣйшій признакъ, обличающій назначеніе противозаконное, наприм. подъемный полъ, потаенныя двери, кандалы, цѣпи, лишнее число мѣстъ,

посуды, провизіи, бо́льшій котелъ, нежели нужно для самаго экипажа и т. п., все это подвергается взысканію, какъ контробанда съ наложеніемъ запрещенія (embargo) на весь грузъ. Послѣ осмотра не позволяется уже грузить судно. Оно снабжается паспортомъ, въ которомъ значится непремѣнно, что всякій военный Португальскій корабль имѣетъ право схватить его, если откроетъ на немъ контробанду. Попавшійся въ означенныхъ водахъ шкиперъ безъ надлежащаго паспорта отдается въ каторжную работу на 3 года; хозяева судна платятъ штрафъ, равный полцѣнности судна. Если же кромѣ того на немъ найдены будутъ невольники—то шкиперъ отдается на 5 лѣтъ въ каторгу, да штрафа платитъ до 12,000 р.; экипажъ берется на военный корабль и обязанъ служить 2—4 года безплатно. Грозныя пени ожидаютъ чиновниковъ и сановниковъ, которые дерзнули бы потакать. За умышленное участіе въ торгѣ или вывозѣ намѣстникъ области лишается своего сана, ссылается на 5 лѣтъ во внутренность Африки и платитъ сверхъ того 12,000 р. штрафа. По дѣламъ этаго рода доносъ принимается отъ всякаго...

Этотъ декретъ (а равно и другія мѣры, напр. трактатъ между Франціею и Швеціею, 17 Сентября того же года подписанный; принятое и утвержденное въ прошломъ году Англійскимъ нижнимъ парламентомъ возвышеніе призовъ, даваемыхъ каперамъ, которые ловятъ контробандистовъ на морѣ, и т. д.) бу-

детъ имѣть безспорно вліяніе на положеніе и судьбу Бразиліи. Но знаете ли, что ручается вѣрнѣе за конецъ невольничьяго торга? Возвышеніе цѣнъ въ самой Африкѣ, дѣлающее куплю невыгодною, и отчасти помянутыя препятствія, увеличивающія рискъ вовредъ спекуляціи и спекуляторовъ. Дай Богъ!

Кажется, мы не можемъ наговориться объ этомъ предметѣ, говоря о Бразиліи. И неудивительно: онъ занимаетъ въ ней такое широкое мѣсто; его вліяніе на нее такъ неисчерпаемо, и притомъ вліяніе *обоюдное*. Мы описали положеніе Негра: оно плачевно; но время, навыкъ, собственная выгода и отчасти страхъ Божій въ душѣ господствующихъ—вотъ облегченія этаго состоянія, если не исцѣляющія, то по-крайней-мѣрѣ усыпляющія ядъ его. Теперь можемъ ли умолчать о возвратномъ дѣйствіи низшаго класса на господствующій? Сомнѣваться въ томъ, что такое воздѣйствіе существуетъ, значило бы не знать, что въ мірѣ нравственномъ нѣтъ неутралитета. Да, это прикосновеніе, ежечасное, неизбѣжное, оставляетъ глубокіе слѣды въ понятіяхъ, въ обычаяхъ, въ воспитаніи, а слѣд. въ національномъ характерѣ Бразильскаго народа. Воспитаніе черныхъ равно нулю: въ теченіе вѣковъ, оно неподвижно; природныя ихъ наклонности неразвиты; все сдѣлано, чтобы развратить ихъ. И вотъ этими-то людьми окружено Бразильское семейство! Юные члены его измлада привыкаютъ къ необузданности желаній, къ угожденіямъ раболѣп-

нымъ. Прихоть ихъ—законъ; все исполнено, все угадано: повиновеніе упреждаетъ приказаніе. Въ такомъ могуществѣ есть что-то нечеловѣческое! Отсюда бездѣйствіе воли, ея изнѣженность, которая инымъ можетъ казаться терпимостію, но въ самомъ дѣлѣ есть не иное что, какъ слабость, которая легчитъ ярмо, сближаетъ—и сближаетъ на пагубу всего лучшаго. Дѣйствительно, дѣти обоего цвѣта играютъ вмѣстѣ, дружно, не предчувствуя будущей судьбы своей, которая такъ различна! Многое заимствуется, многое сообщается примѣромъ—и какіе примѣры! Лѣность и нерадѣніе, чувственность, бунтующая изподтишка, страхъ гнѣва несправедливаго, и вслѣдствіе того скрытность, увертливость, лживость... однимъ словомъ, неблагородство! Этой заразѣ Бразильское воспитаніе стремится поставить оплотъ слабый, по мнѣнію нашему, и безнравственный. Оно твердитъ возрастающимъ питомцамъ, что окружающіе ихъ *ниже* ихъ во всемъ, твари, созданныя для прихоти, по-крайней-мѣрѣ *для* нуждъ ихъ, и *потому* подражать имъ недолжно... Въ этомъ правилѣ заключено все возможное *зло*, все *добро*, какое можетъ сдѣлать педагогія при обстоятельствахъ, отъ нея независящихъ. Это правило не позволяетъ сгладиться нравственной чертѣ, раздѣляющей добро и зло—имъ соблюдается внѣшнее благоприличіе, которое въ Бразильцахъ очень замѣчательно. Въ обществѣ, въ церкви, поведеніе ихъ всегда пристойно: тутъ не встрѣтишь ни шутокъ, ни явнаго пренебреженія къ святынѣ; тамъ все дышитъ

утонченною вѣжливостію и скромностію. Молодежь почти никогда не тщеславится своими шалостями, *хотя испорченность нравовъ очень велика.* Съ раннихъ лѣтъ зная много такаго, что у насъ въ Европѣ обыкновенно скрываютъ отъ дѣтей, Бразильцы въ обращеніи своемъ никогда не позволяютъ себѣ никакихъ вольностей. Свидѣтели многихъ слабостей и преткновеній своихъ родителей, они оказываютъ имъ въ публикѣ почтительность почти безпримѣрную въ Европѣ. Вообще есть что-то кокетливо-поддѣльное въ жизни и обычаяхъ этаго народа, гдѣ столько сильныхъ причинъ деморализаціи, а нравственность есть только условная и невольная дань вѣчной правдѣ . . .

Впрочемъ, послѣдняя черта, о которой сказано выше (патріархальность), свойственна вообще народамъ юнымъ, къ каковымъ должно безспорно причислить Бразильцевъ. Съ этимъ они соглашаются сами. Тѣ изъ нихъ, которые поразсудительнѣе, любятъ отечество свое безъ ослѣпленія: они признаются въ его недостаткахъ, ожидаютъ всего отъ грядущаго, и не скрываютъ того, что этотъ край, столь щедро надѣленный всѣми благами отъ природы, теперь-покуда питается хлѣбомъ иноплеменниковъ—и это буквально; муку привозятъ изъ с. Америки. Правда, нѣкоторые журналы говорятъ другимъ тономъ и языкомъ, подражая образцамъ Европейскимъ. Но журналы—это воплощенное *самолюбіе* націй, со всею его раздражитель-

ностію, стоустою похвальбою и безотчетнымъ порывомъ: въ нихъ рѣдко обходится безъ преувеличенія.

Вѣрнѣе этаго слѣдующій признакъ: Бразильцы, которымъ удалось побывать въ Европѣ, признаютъ ея превосходство и охотно желали бы туда возвратиться. Въ женщинахъ это менѣе примѣчается, вѣроятно потому, что воспитаніе ихъ, слишкомъ ограниченное, дѣлаетъ ихъ застѣнчивыми, чуждающимися обычая иноземнаго: онѣ любятъ лучше оставаться во-своясяхъ.

Еще признакъ неразвитой юности находимъ въ природной склонности Бразильцевъ подражать другимъ націямъ, именно Франціи и Англіи. Само собою разумѣется, что эрою политическаго своего существованія они признаютъ эпоху независимости, слѣд. эпоху весьма недавнюю. Это дѣлаетъ ихъ еще моложе. Какъ бы то ни было, времена предковъ представляютъ имъ мало лестнаго, привлекательнаго, и они гордятся тѣмъ, что могутъ подражать *другимъ* образцамъ и примѣрамъ. Много содѣйствуетъ этому удивительная способность ихъ учиться языкамъ, способность, дѣлающая ихъ универсальными. Они говорятъ по-Французски какъ природные Французы, и въ короткое время выучиваются Англійскому и Итальянскому языкамъ. Собственный языкъ ихъ наполненъ уменьшительными, которыя дѣлаютъ его приторнымъ и *ребяческимъ*, по отзыву Португальцевъ. Вліяніе Негровъ вредитъ чи-

стотѣ его; впрочемъ выговоръ ихъ пріятнѣе Португальскаго. Здѣсь мѣсто упомянуть о различіи между этими двумя народами. Особенная мягкость въ физіономіи, въ тѣлодвиженіи и даже въ голосѣ отличаетъ Бразильца отъ Португальца. Въ нравахъ меньше дѣятельности и бодрости; страсти слабѣе у перваго. Разумѣется, все это явственнѣе въ нисшихъ классахъ; высшіе являютъ болѣе сходства. При всемъ томъ, Бразильцы выгодно отличаются отъ Португальцевъ меньшимъ числомъ предразсудковъ, большею воспріимчивостію къ успѣху, отсутствіемъ высокомѣрія и хвастливости. Выше говорено было о страсти ихъ къ игрѣ, о несовершенствѣ ихъ въ наукахъ и искуствахъ, о склонности къ покою. Кинжаломъ мстятъ чаще въ любви, и то нисшіе классы, особливо Креолы. Изъ другихъ побужденій почти никогда. Вообще Бразильцы добродушны, привѣтливы, общежительны и легко принимаютъ лоскъ и пріемы свѣтскости, что нерѣдко переходитъ въ суетность и слѣпое поклонничество модамъ самымъ причудливымъ. Главный ихъ недостатокъ состоитъ въ отсутствіи высокаго честолюбія и благородства, которое господствовало бы надъ всѣми прочими чувствами. Въ этомъ смыслѣ ихъ никакъ нельзя назвать потомками Португальскихъ завоевателей XVI столѣтія. Часто ни долгъ, ни обида не могутъ разбудить въ нихъ струну чести. Личная выгода заставляетъ ихъ подчасъ измѣнять своимъ правиламъ, измѣнять *всему*: причинъ не повторяемъ. Легко объяснить себѣ ихъ корыстолюбіе

и изрядную скупость хозяйственнымъ положеніемъ Бразиліи. Естественно также и то, что они смотрятъ на каждаго пріѣзжающаго къ нимъ иностранца какъ на искателя фортуны, посягающаго на ихъ богатство. И надо признаться, что изъ пріѣзжихъ многіе заслуживаютъ такое мнѣніе. Они большею частію напитаны притязаніями и надеждами преувеличенными, расположены къ сатирѣ и немилостивы въ сравненіяхъ своихъ между Европой и Бразиліею. То, что они печатаютъ о ней по возвращеніи своемъ въ Европу, узнается въ Америкѣ и принимается тамъ вовсе неравнодушно. При учрежденіи иностраннаго легіона вербовщики наводнили Бразилію отребіемъ Европы. Правительство, не исполнивъ данныхъ имъ обѣщаній, довершило отчаянное расположеніе этихъ людей — и все рушилось, оставивъ по себѣ одинъ печальный слѣдъ: нѣкоторые изъ нихъ и теперь ходятъ съ нищенскою сумою по-міру.

Иностранцы, проживающіе въ Бразиліи, суть Англичане, Сѣверо-Американцы, Французы и Нѣмцы. Португальцы составляютъ особый разрядъ, какъ старожилы. Испанцы и Итальянцы немногочисленны.

Съ 1807 года, когда впервые пристани Бразиліи открылись для иностранныхъ кораблей, нѣсколько *Англійскихъ* купцевъ, имѣвшихъ прежде связи съ Португальцами, воспользовались позволеніемъ и основались въ Бразиліи. Теперь нѣкоторые изъ нихъ примерли,

другіе возвратились въ Англію, а дѣла ихъ производятся товарищами, прежними ихъ повѣренными. Многіе купеческіе домы завелись въ самое послѣднее время, когда сношенія съ Англіею значительно распространились. Но все дѣлается больше посредствомъ коммиссіонеровъ, а не самими негоціантами, которые не хотятъ имѣть дѣла съ здѣшними купцами, народомъ невѣжественнымъ, ненадежнымъ и цинически-неопрятнымъ. Англійскихъ торговыхъ домовъ считается до 50. Нѣкоторые имѣютъ свои конторы внѣ столицы, въ пристаняхъ южныхъ и сѣверныхъ.

Главные соперники Англичанъ — *Сѣверо-Американцы.* Ихъ спекуляціи на кофе огромны: они привозятъ сюда муку, изъ которой печется хлѣбъ въ Ріо-де-Жанейро. Съ нѣкотораго времени они доставляютъ сюда ледъ на корабляхъ.

Французы занимаютъ цѣлую улицу въ Ріо-де-Жанейро, родъ Кузнецкаго-Моста: тутъ слышится только Французскій языкъ, магазины чередуются, и эти магазины наполнены разными предметами роскоши, золотыми вещами, модными уборами и т. п. Въ столицѣ Бразиліи Французовъ считается около 4,000 челов., но они имѣютъ не болѣе 4—5 большихъ торговыхъ домовъ.

Нѣмцы купечествуютъ здѣсь не блистательно, въ сравненіи съ Англичанами, однако же имѣютъ нѣ-

сколько торговыхъ домовъ. Они успѣшно занимаются фабрикаціею шляпъ, и здѣсь, если не умы, такъ головы въ ихъ рукахъ. Кромѣ того многіе изъ нихъ хорошіе столяры, плотники, токари, трактирщики, хлѣбники, мясники и т. д. Нѣмецкая колонія въ Ріо-Гранде поднялась-было изрядно; но отдаленность отъ областнаго города, дурныя дороги, наконецъ неточность казны въ выдачѣ обѣщанныхъ пособій уронили ее; то же должно сказать и о колоніи Швейцарцевъ. Итальянцы не имѣютъ здѣсь большаго вѣса: нѣкоторые изъ нихъ основались навсегда въ Ріо-де-Жанейро.

Что же касается до Португальцевъ, то, не смотря на свѣжую вражду между ними и Бразильцами, они удерживаютъ еще сильное вліяніе на страну и жителей. Все еще они составляютъ здѣсь родъ аристократіи: фамильныя связи съ ними считаются почетными и доставляютъ знатность. Кромѣ того они принимаютъ большое участіе въ Бразильской торговлѣ, болѣе, нежели сами Бразильцы, которые жалуются на ихъ преимущества, не видя того, что виновата собственная ихъ недѣятельность и легкомысліе. Даже мелочной внутренній торгъ и береговое судоходство почти исключительно производятся Португальцами или другими, но подъ ихъ именемъ. Впрочемъ большихъ купеческихъ домовъ они имѣютъ не болѣе 5 въ Ріо-де-Ж. Сами же Бразильцы едва имѣютъ *одинъ*, исключительно имъ принадлежащій...

Взаимныя отношенія сихъ двухъ народовъ составляютъ почти всю исторію Бразиліи. Со времени открытія ее Португальцами, она принадлежала имъ какъ колонія и управлялась по общимъ правиламъ колоніальной политики: пользы ея были подчинены пользамъ метрополіи; иностранцамъ запрещенъ былъ всякій доступъ.

Все это должно было уступить времени, то есть необходимому развитію сокровенныхъ силъ колоніи: событія чрезвычайныя ускорили развязку. Наполеонъ, измѣняя многоразлично карту Европы, остановилъ взоръ свой на Пиренейскомъ Полуостровѣ; онъ коснулся его перстомъ своимъ. Въ Байоннѣ Испанія была обезглавлена, Португалія раздѣлена на три части. Исполнитель судебъ и воли Наполеона, маршалъ Жюно вступилъ въ Лиссабонъ 1 Декабря 1807. Наканунѣ, 30 Ноября, король Португальскій, Іоаннъ VI съ воинствомъ, съ дворомъ и казною отплылъ въ Бразилію. Она приняла въ нѣдра свои изгнаннаго монарха, обручилась съ нимъ какъ невѣста и пріяла отъ него новое титло *королевства* (1815 года), новыя льготы отъ власти отеческаго дома. Ей позволено принимать въ свои пристани корабли съ избытками чужихъ странъ для выгоднаго обмѣна вольно, открыто и небоясь противодѣйствія ревнивой мачихи, Португаліи. Преобразованія внутреннія начались также съ этаго времени. Но все еще судьба ея была прикована къ судьбамъ Европейской половины. Здѣсь вве-

деніе устава государственнаго, бывъ признано королемъ и требуя его присутствія, побудило его вторично переплыть океанъ и возвратиться въ старую отчизну свою, въ Португалію обновленную. Онъ оставилъ Бразилію 26 Апрѣля 1821 года, но оставилъ ее не совсѣмъ. Намѣстникомъ его нареченъ старшій сынъ его Донъ Педро I съ именемъ регента, правителя, еще въ 1817 году сочетавшійся бракомъ съ Леопольдиною, принцессою Австрійскою, а по смерти ея, съ Амаліею Баварскою въ 1829 году. Отъ первой супруги его происходятъ Донна Марія да Глоріа и Донъ Педро II, между которыми и раздѣлилось нынѣ наслѣдіе Іоанна VI. Первая властвуетъ въ Португаліи; второй, 13-ти-лѣтній отрокъ, готовится повелѣвать Бразиліею. Оба государства въ полной мѣрѣ независимы другъ отъ друга.

Въ правленіе Дона Педро I Бразилія испытала многія перемѣны. Онъ самъ, недовольствуясь титломъ правителя, годъ спустя, объявляетъ себя безсмѣннымъ хранителемъ государства. Чрезъ три мѣсяца Бразилія провозглашена независимою, а хранитель ея— *наслѣдственнымъ*, *конституціоннымъ императоромъ*. Трактатомъ 15 Ноября 1825 года, новая *имперія* признана въ Лиссабонѣ торжественно.

Въ самой Бразиліи нить внутреннихъ событій развилась также изъ титулатуры императора: обѣтованіе совершилось, однако же замѣтно было, что Донъ

Педро I никогда не будетъ истинно государемъ Бразильскимъ. Вниманіе его порабощено было тѣмъ, что происходило въ Португаліи. Тамъ, младшій братъ его Донъ Мигуэль, вопреки всѣмъ завѣтамъ, посягалъ на престолъ дочери его, Донны Маріи. Бѣжа преслѣдованій хищника, вѣрные королевѣ Португальцы стремились въ Бразилію. Донъ Педро принялъ ихъ милостиво. Очарованные его ласкою, разгоряченные ненавистью къ гонителю, они обнаружили замыслы, надежды, которые были не только чужды, но и противны гражданамъ Бразиліи: это разбудило ихъ мнительность. Энтузіасты хотѣли ни больше, ни меньше, какъ провозгласить императора—королемъ Португаліи подъ именемъ Педро IV. Бразильцы начали трепетать за юную свою независимость: память о временахъ колоніи была ненавистна; свободная національность дороже всего. Обидно было уступить толпѣ изгнанниковъ: всѣ чувства застарѣлой вражды и соперничества воскресли; явились ссоры и явное недоброжелательство съ обѣихъ сторонъ; уже громко говорили, что Португальцы пришли завоевать Бразилію, а Донъ Педро будетъ вождемъ ихъ. Императоръ могъ разсѣять грозу безъ кровопролитія, могъ успокоить умы, вразумить однихъ, удержать другихъ; немного благоразумія, твердости съ его стороны—и все было бы цѣло. Все утрачено нерѣшительностію. Исторія объяснитъ и оцѣнитъ причины, которыми руководствовался Донъ Педро. Кажется, втайнѣ онъ радъ былъ случаю перемѣнить свое положеніе, и, когда все ему из-

мѣнило, онъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, собственноручно начерталъ актъ своего отреченiя. Никто не предчувствовалъ такой развязки: всѣ изумились... Въ тотъ же самый день бывшiй императоръ сѣлъ на корабль (7 Апрѣля 1831 года) и удалился въ Европу, навстрѣчу новымъ судьбамъ. Онъ оставилъ Бразилiю ровно черезъ 10 лѣтъ правленiя, въ томъ же Апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ и отецъ его, и не безъ тайнаго намѣренiя возвратить ее при другихъ обстоятельствахъ своему единодержавiю. Народъ, опомнившись отъ такой нечаянности, провозгласилъ императоромъ малолѣтнаго сына его, Дона Педро II, подъ опекою регентства. Теперь отдѣленiе Бразилiи можно считать окончательнымъ, довершеннымъ.

Она отложилась—но многаго еще недостаетъ ей, чтобъ быть истинно-самостоятельною. Разслабленiе во всѣхъ членахъ, отсутствiе бодраго, дѣятельнаго духа, учрежденiй своевременныхъ, а еще болѣе отсутствiе гармонiи и самородности въ существующихъ—вотъ что встрѣчается на каждомъ шагу, и все это объясняется, когда вспомнимъ, что она не имѣла исторiи. На мягкомъ изголовьи своей первобытности, въ нѣгѣ самолюбиваго невѣдѣнiя и силъ неиспытанныхъ, среди богатствъ, некупленыхъ трудомъ, даровыхъ—она покоится долгимъ безчувственнымъ сномъ; она не мыслитъ—грезитъ; тревожится—и не стремится. Мудрено ли, что нравственная физiономiя ея такъ неопредѣленна, невыразительна; что безпорядокъ во всѣхъ

чертахъ ея!... Мы знаемъ, какъ трудно наблюдателю постороннему судить о внутреннемъ состояніи народа. Есть виды несовершенства, есть недостатки, которымъ послѣдній даетъ иногда свой собственный толкъ. Находя ихъ въ себѣ часто и постоянно, онъ привыкаетъ считать ихъ необходимою принадлежностію, своею особенностію, любитъ ихъ какъ свое достояніе, можетъ быть, даже величается ими. Какъ согласиться, какъ несогласиться съ нимъ? Первое повело бы къ условности безотчетной, второе къ пуризму и нетерпимости. Удовольствуемся приведеніемъ нѣкоторыхъ фактовъ.

Бразилія отличается отъ всѣхъ прочихъ государствъ Америки своимъ титуломъ: она *одна* есть имперія наслѣдственная. Самъ монархъ ея преплылъ моря, кажется, для того только, чтобы вѣнчать ее на царство. Съ другой стороны мѣстныя причины дѣлаютъ ее непохожею на государства, носящія то же имя въ Европѣ. Нѣчто феодальное завезено Португальцами. Первые поселенцы здѣсь получали отъ короля неограниченное право суда гражданскаго и уголовнаго въ наслѣдственныхъ своихъ дачахъ или капитанатахъ, также право пріобрѣтать себѣ мечемъ земли до 200 верстъ по берегу морскому вдлину, а внутрь страны безгранично. Впрочемъ имъ не позволялось казнить смертію, чеканить монету и требовать десятины съ подвластныхъ. Поселенцы лишались своихъ помѣстій въ томъ случаѣ, когда оставляли ихъ

въ запустѣніи или безъ защиты, когда впадали въ тяжкое преступленіе, или когда умирали, не оставивъ по себѣ наслѣдника муж. пола.

Столь пространныя права однихъ сдѣлались стѣснительны для другихъ. Жалобы со стороны подвластныхъ понудили королей ограничить привиллегіи феодальныхъ владѣльцевъ. Главнымъ средствомъ было назначеніе генералъ-губернатора съ полномочіемъ въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, а центромъ правленія признана область *Багія* (Ріо-де-Жанейро возобладала съ 1808 г.). Такимъ образомъ узы вассальства сдѣлались менѣе крѣпки и тягостны. Даже судьба Индіанъ была здѣсь менѣе сурова, нежели въ Испанскихъ колоніяхъ. Маіораты ввелись также изъ Португаліи, числомъ до 24. Цѣль ихъ, какъ сказано въ декретѣ 9 Ноября 1769 года: «увѣковѣчить «боярское сословіе и поддержать классъ людей, спо«собныхъ быть украшеніемъ королевскаго двора.»

Есть также подобныя вотчины, завѣщанныя въ пользу церквей. Впрочемъ новѣйшій законъ воспрещаетъ всѣ таковыя учрежденія вновь.

Настоящій Американскій характеръ Бразиліи есть федерализмъ ея, впрочемъ все-таки болѣе централизованный, нежели въ другихъ частяхъ Америки, болѣе близкій къ формамъ Европейскимъ. Можно сказать даже, чта послѣднія суть коренныя. Устройство

областное есть плодъ реформы и начертано въ 1834 году. Оно не вездѣ еще приведено въ исполненіе. Такимъ образомъ, кромѣ общаго законодательнаго собранія имперіи, состоящаго изъ 2 палатъ, *каждая область* имѣетъ свое законодательное собраніе, по подобію большаго организованное и спабженное важными правами — что и даетъ области нѣкоторую степень независимости и вмѣстѣ съ тѣмъ рождаетъ множество вопросовъ самыхъ деликатныхъ касательно разграниченія властей государственной и провинціальной, раздѣленія казны на общую и частную и т. д. Президенты областныхъ собраній облечены значительною властію: они могутъ, въ случаѣ опасности, объявить провинцію на военномъ положеніи, пустить новую монету въ народное обращеніе, когда въ ней чувствуется недостатокъ и т. д. Должно замѣтить, что до сихъ поръ отношенія подчиненности частныхъ собраній къ общему соблюдались свято и чинно; истолкованіе темныхъ мѣстъ въ законахъ предоставляется безъ прекословія послѣднему и пріемлется всѣми за окончательное.

Мы коснулись высшихъ сферъ жизни политической: въ нихъ безспорно заключается судьба всего важнѣйшаго въ государствѣ. Другія отрасли, к. т. юстиція, сила сухопутная и морская, публичное воспитаніе и проч. составляютъ основу общежитія, то, для чего пишутся законы, первостихійный матеріалъ, ниву, которую обработываетъ законодатель. Онѣ су-

ществуютъ вездѣ; онѣ также необходимы въ обществѣ, какъ питанie и кровеобращенie въ животномъ. Ихъ-то состоянie больше всего знаменательно для Бразилiи: оно подтверждаетъ общую мысль, выраженную выше.

Военное поприще не представляетъ въ Бразилiи ни славы, ни почести: оно даетъ только хлѣбъ насущный. Регулярное войско есть горсть вооруженныхъ людей. Единственная война, которую находимъ въ лѣтописяхъ Бразилiи, была съ сосѣднимъ государствомъ Буэносъ-Айресъ при Д. Педро I. Приготовленiя, особливо на морѣ, были очень значительны для Новаго-Свѣта; однако же они худо оплатились невыгоднымъ миромъ 1828 года. Потомъ въ 1831 году, послѣ роковаго дня (6 Апр.) смутъ и переворота, который произведенъ былъ преимущественно военнымъ классомъ, нацiя съ ужасомъ увидѣла, какъ опасно имѣть всегда за-пазухой столько острыхъ мечей. Отъѣздъ императора смирилъ умы гражданъ, но не обезоружилъ солдатъ: они бушевали на-просторѣ. Въ Iюлѣ мѣсяцѣ расторженie дисциплины дошло до крайности. Надобно было прибѣгнуть къ милицiи, которая, осиливъ мятежниковъ, множество ихъ отвела въ ссылку. Тѣ, которые покорились закону, остались подъ знаменами: изъ этихъ остатковъ состоитъ теперь Бразильское войско. Пополненie и поновленie его совершается медленно. Жители имѣютъ мало склонности къ этой службѣ, а законъ не упрочилъ своего исполненiя опре-

дѣленіемъ правильныхъ формъ набора. Даже поголовная перепись, узаконенная Іоанномъ VI въ 1814 году для этой цѣли, не могла быть приведена къ концу. Служба въ милиціи представляетъ болѣе выгодъ: во-первыхъ потому, что эта служба отправляется только въ предѣлахъ области; во-вторыхъ, ратникъ получаетъ болѣе 3 рублей, солдатъ же только 6 гривенъ. Однако же и для милиціи находится мало охотниковъ. Несильный патріотизмъ, изрядный заработокъ при другихъ занятіяхъ, дешевизна въ способахъ жизни—вотъ причины. Прибавимъ къ этому: почти отсутствіе необходимости имѣть войско. Здѣсь надо оговориться. Мы, Европейцы, привыкли къ другому порядку вещей: сотни тысячь во всеоружіи необходимы для нашего воображенія. Не будемъ слишкомъ строги къ народу, живущему подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ. Въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ президентъ имѣетъ подъ командою своею также только 6,000 человѣкъ регулярнаго войска... Но въ Бразиліи порицаніе заслуживаетъ та несообразность, которая замѣчается между предполагаемою *нуждою* общества и способомъ дѣйствительнаго ея удовлетворенія. Четвертая часть (20 милл. рублей) всѣхъ государств. доходовъ издерживается на содержаніе войска, военныхъ снарядовъ, военнаго управленія и проч. Армія состоитъ изъ 18 корпусовъ. И что же? въ этой арміи (1836 года) на-лице было 3,500 человѣкъ рядовыхъ подъ командою 2,800 военачальниковъ, состоявшихъ

въ дѣйствительной службѣ, по-арміи и въ отставкѣ. Изъ послѣднихъ получали пенсіоны:

6	Главнокомандующихъ (Marechaux) .	по 12,000 р.
8	Генералъ - лейтенантовъ (Lieutenants-Généraux)	— 10,000 р.
17	Маршаловъ (Marechaux de Camps) .	— 7,500 р.
29	Бригадировъ (Brigadiers)	— 3,500 р.
95	Полковниковъ и проч.	— 1,500 р.

Изъ этаго множества офицеровъ едва наберется сотня способныхъ и благородно-мыслящихъ, по-крайней-мѣрѣ въ смыслѣ этаго званія. Вообще Бразильцы воинскую отвагу равняютъ съ самоубійствомъ.

При тѣхъ огромныхъ способахъ, которыми располагаетъ это вѣдомство, надо замѣтить, что распредѣленіе ихъ часто неудовлетворительно и положеніе участвующихъ необезпечено. Спеціальное образованіе воиновъ недальнее, хотя и есть военная академія. Одѣяніе солдатъ несообразно съ климатомъ; чрезмѣрный жаръ не позволяетъ наблюдать за ихъ выправкой. Частехонько національный гардистъ, изъ коихъ многіе служили въ линѣйныхъ полкахъ, возвращаясь въ домъ свой, отдаетъ ружье нести за собою Негру, или, стоя на часахъ, разговариваетъ съ прохожими, спрашиваетъ у нихъ, который часъ и т. п. Офицеры щеголяютъ въ раззолоченныхъ мундирахъ. Реляціи ихъ высокопарны и пахнутъ всегда

худымъ риторствомъ. Въ нихъ «мѣтятъ всѣ въ Наполеоны.» Такъ напр. одинъ изъ нихъ, предъ небольшою схваткою, воскликнулъ: «воины! послѣдуйте за мною! васъ ожидаютъ 40 вѣковъ славы...» и т. п.

Посмотримъ морскую силу. Весьма остроумно сравниваютъ ее съ хоботомъ слона: это единственное гибкое и поворотливое орудіе огромной, неповоротливой громады. Дѣйствительно, посмотрите на Бразилію. Сплошной материкъ ея, при настоящемъ состояніи дорогъ, почти мертвъ для сообщенія. Главныя точки населенности разсѣяны по берегамъ моря. Подать руку помощи въ отдаленную область, послать месть или наказаніе можно только посредствомъ флота. Дѣйствуя изъ центра къ окружности, вооруженными высадками, правительство неразъ утушало мятежъ, обуздывало морской разбой во время войны съ Буэносъ-Айресъ. Кромѣ того дисциплина на морѣ, будучи по необходимости строже, нежели на сушѣ, могла бы непримѣтно привиться къ защитникамъ отечества и перейти потомъ въ сухопутное войско, гдѣ ея очень мало. Словомъ, все убѣждаетъ въ важности этой части, такъ-что правительство поставило морскихъ офицеровъ выше армейскихъ касательно чиновъ и жалованья. Единственныя въ свѣтѣ пристани отъ мыса S-t Roch до мыса S-te Catherine также благопріятствуютъ. Къ несчастію эти пристани во многихъ мѣстахъ занесены пескомъ: усиленный трудъ и изрядныя издержки могли бы уничтожить эти пре-

пятствія. Корабельный лѣсъ въ изобиліи, но его не берегутъ. Многія области производятъ хорошую пеньку и могли бы удовлетворить всѣмъ нуждамъ, если бы затруднительность провоза и другія причины не стѣсняли этой промышленности. Въ Минасѣ есть неисчерпаемыя желѣзныя руды. Все есть — но нѣтъ людей. На купеческихъ судахъ употребляются невольники. Бразилія можетъ въ случаѣ нужды набрать разомъ 1,000 челов. матросовъ второй руки, но не можетъ обойтись безъ иностранныхъ. Послѣдніе обыкновенно Англичане; но самолюбіе народа смотритъ на нихъ съ ревнивою завистью, и правительство не церемонится съ ними, какъ скоро ему кажется, что они ненужны. Много пользы обѣщаетъ дикое племя Caboëses, живущее въ сѣверныхъ областяхъ. Эти люди некрасивы, мѣднаго цвѣта, малорослы, но храбры и проворны до чрезвычайности. Послушны, преданны; они грѣшатъ только нетрезвостію. Капитанъ Ingles пробовалъ вооружать ими свой бригъ, и они отличились во время войны на югѣ. Между офицерами весьма трудно назвать хоть однаго отличнаго.

Недавно флотскимъ священникамъ вмѣнено въ обязанность обучать экипажъ, за что и надбавлено рублей 100 къ ихъ жалованью. Говорятъ, что во время войны они не разъ роняли духъ солдатъ своею неловкостію и были причиною неудачь.

Недостатокъ въ кораблестроителяхъ очень чувствителенъ: предполагается учредить школу морскаго

зодчества. Въ арсеналѣ работаютъ по старой рутинѣ. Въ Ріо-де-Жанейро находится только 10 учениковъ по этой части. Для высшаго обученія есть морская академія, въ которой курсъ продолжается четыре года: она устроена по плану Портсмутской, но далека отъ образца своего.

Почтовые пакетботы ветхи и службу свою отправляютъ очень неисправно. Еще при Донѣ Педро I куплены были дорогою цѣною въ Лондонѣ два парохода для легчайшаго сообщенія между столицею и сѣверными областями; но теперь машина однаго изъ нихъ запрятана гдѣ-то въ арсеналѣ; другой употребляется только для императорскихъ прогулокъ.

Наконецъ Бразильскій флотъ недалеко ушелъ отъ Бразильской арміи по воинскимъ доблестямъ. Это доказала война съ Буэносъ-Айресъ. Худая команда, отсутствіе энергіи, жалкое состояніе военныхъ способовъ, деморализація людей—вотъ достаточныя причины пораженія Бразильцевъ и превосходства, одержаннаго воинами Испанской республики съ несравненно меньшими силами.

Та же самая шаткость управляетъ и мечемъ правосудія, и это зло еще пагубнѣе: оно касается самыхъ внутренностей общества, оно дѣйствуетъ неустанно.

Законы святы,
Да исполнители лихіе супостаты.

Можетъ быть, послѣднее вѣрнѣе перваго въ отношеніи къ Бразиліи. Большая часть законовъ вознаслѣдованы отъ Португальцевъ. Съ этимъ оракуломъ совѣтуются, когда какой-нибудь новый законъ не полонъ; они ветхи и потемнены толкованіями. И вотъ рядомъ съ этою стариною встрѣчаемъ учрежденія слишкомъ новыя, напр. *судъ съ присяжными*, заимствованный отъ народовъ, болѣе преуспѣвшихъ, и здѣсь въ исполненіи своемъ искаженный. Кажется, законодатель не опредѣлилъ напередъ химически, сколько патріотизма, самоотверженія, сколько чуткости и бодрости политической необходимо для его состава. Отсюда равнодушіе къ дѣлу, множество несообразностей, которыхъ онъ не предвидѣлъ, другія, которыя онъ долженъ былъ принять въ свою систему по правилу: изъ двухъ золъ меньшее; напр. аппелляціи, несовмѣстныя съ понятіемъ присяжныхъ, аппелляціи тамъ, гдѣ вопрошается совѣсть какъ Пиѳія на треножникѣ. Это нелѣпо. Съ другой стороны новыя учрежденія собственно и имѣютъ въ виду воспитать умы, внушить лучшіе навыки, которыхъ не было, дѣйствовать на взрослыхъ и дѣйствующихъ... Вообще мы не желали бы дать этому упреку (въ порывчивости) слишкомъ много воли. Гдѣ слыхано, чтобы великія преобразованія совершались съ циркулемъ въ рукахъ или похороннымъ маршемъ? Съ такимъ расчетомъ и Россія не подвиглась бы такъ гигантски, какъ подвиглась! Всякое стремленіе направляется въ край возможнаго, обращается къ силамъ невидимымъ, но въ которыя

вѣруется, которыя чаются. Конечно тутъ есть свои неудобства. Но вотъ два правила: первое—не довольствоваться никогда частію, а имѣть въ виду все, то есть цѣлое; второе — не останавливаться, потому что плавающій въ быстринѣ тонетъ, если забудется на минуту.

Всѣ знакомые съ судебнымъ порядковъ въ Бразиліи признаютъ его несовершенство. Слишкомъ много произвола оставлено судьѣ, слишкомъ часто законъ склоняется предъ богатствомъ. Нѣтъ ничего легче, какъ посадить кого-нибудь въ тюрьму. Доносъ трехъ свидѣтелей достаточенъ—и не выслушавъ, не спрося, сажаютъ. Тутъ все въ рукахъ тюремщиковъ, регистраторовъ (greffiers) и т. п. Они получаютъ доходъ съ заключенныхъ, по числу ихъ, и слѣдовательно неумолимы. Судьи также при маломъ жалованьи пользуются извѣстною долею тяжебныхъ пошлинъ, и слѣдовательно не противятся ябедѣ. И кто разъ попалъ въ заточеніе, правъ или виноватъ, онъ не выйдетъ оттуда, пока не уплатитъ сполна судебныхъ издержекъ.

Продажность судей и чрезмѣрная медленность судопроизводства—вотъ двѣ черты, предъ которыми блѣднѣетъ Правда безсребренная. Горе тому, надъ кѣмъ прогремитъ тюремный затворъ. Если онъ бѣденъ, то его упрячутъ въ такое мѣсто, гдѣ сидятъ 200—300 Негровъ (иногда за долги своихъ господъ), скованные вмѣстѣ, гдѣ воздухъ, и безъ того знойный,

удушливъ и заразителенъ, гдѣ несчастный имѣетъ въ виду пробыть годъ или полтора, прежде-нежели откроютъ его невинность *...

Впрочемъ, что касается до внутреннихъ недостатковъ самой юстиціи, въ порядкѣ дѣлъ, инстанцій, въ назначеніи лицъ и т. д., то предѣлы этой статьи не позволяютъ входить въ подробности, которыя однѣ могутъ дать занимательность предмету и вести къ заключенію основательному. Замѣтимъ только, что въ послѣднее время введены улучшенные кодексы законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, что судъ уголовный производится публично и не на бумагѣ, а изустно въ присутствіяхъ.

Церковь въ Бразиліи никогда не была соперницею свѣтской власти: она подчинена послѣдней самими папами. Замѣчательно единство вѣры въ сравненіи съ множествомъ сектъ въ Сѣверной Америкѣ. Здѣсь католичество сохранилось безъ усилія, безъ борьбы. Духъ разновѣрческій не коснулся его на почвѣ Бразиліи. Нѣсколько иноземныхъ протестантовъ поселилось здѣсь, но безъ замѣтнаго вліянія на туземцевъ. Не было примѣровъ, чтобы Бразилецъ перешелъ къ протестантству. Умствованія, тонкости богословія, отвлеченія— имъ несвойственны. Впрочемъ католичество не представляетъ здѣсь особеннаго благолѣпія и пышности. Художества худо служатъ ему: украшеніе храмовъ скуд-

* См. Douville: Trente mois de ma vie etc. 1833.

но, архитектура ихъ неправильна, обряды неблагочинны. Духовенство не отличается ни дѣятельностію, ни воздержаніемъ. Это званіе въ большомъ упадкѣ. Вступающій въ него имѣетъ въ виду вѣрную бѣдность, которая отвращаетъ многихъ, содержитъ остальныхъ въ положеніи несвойственномъ ихъ призванію. Нравственное преобразованіе духовенства должно быть радикальное, должно быть преобразованіемъ самой націи, надъ которою духовные не возвышаются ни дарованіями, ни свѣдѣніями, ни доблестью, хотя справедливость требуетъ сказать, что въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ они явили примѣры возвышеннаго патріотизма... Въ послѣднее время много было рѣчи объ уничтоженіи безбрачія въ этомъ званіи. Но прежде всего надлежитъ позаботиться о вещественномъ благосостояніи духовныхъ. Церковь Бразиліи состоитъ изъ однаго архіепископства (въ Багіи) и семи епископствъ. Для образованія духовныхъ четыре семинаріи: этаго мало. Есть мужескіе и женскіе монастыри. Ордена Бенедиктинцевъ, Кармелитовъ, Францисканцевъ были нѣкогда очень благодѣтельны для этаго края.

Умственное воспитаніе довольно запоздало. Лучшимъ доказательствомъ могутъ служить люди, дѣйствующіе болѣе другихъ на-виду. Такъ краснорѣчіе въ палатахъ напыщенно и полно безвкусія. Ученыя общества ограничиваются переводомъ Французскихъ, рѣдко Англійскихъ, сочиненій. Одаренные живымъ и

острымъ умомъ, Бразильцы могли бы итти далѣе; но юноши здѣсь слишкомъ рано пускаются въ свѣтъ, не доучившись порядочно. Отъ того они легче перенимаютъ утонченности Европейца, нежели понимаютъ его основы.

Во времена Португальцевъ былъ одинъ университетъ, и тотъ за моремъ—въ Коимбрѣ. Воспитаніе ввѣрено было Іезуитамъ. Государственный уставъ Дона Педро I упрочилъ образованіе Бразильскаго народа введеніемъ школъ безмезднаго обученія. Желательно, чтобы прежде всего позаботились о приготовленіи способныхъ учителей.

Боливаръ съ этою цѣлію пригласилъ въ Карракасъ знаменитаго Ланкастра, чтобы завести нормальную школу. Два года пробылъ онъ въ Венецуэлѣ, гдѣ и образовалъ многихъ учителей. Вотъ примѣръ!

Теперь существуютъ академіи въ St- Paul и въ Olinde, но въ нихъ слишкомъ мало порядка. Слѣдуя странному обычаю, при Іоаннѣ VI, студенты въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, напр. при бракѣ княженъ его дочерей, увольнялись на годъ отъ слушанія лекцій.

Въ Бразиліи много *самоучекъ*, учившихся внѣ училищъ чтеніемъ неметодическимъ, или наслышкою, что и дѣлаетъ ихъ поверхностно знающими и сбив-

чиво понимающими вещи. Полнаго университета еще нѣтъ въ Бразиліи. Вообще эта часть не блистательнѣе другихъ: нѣтъ пособій, кромѣ весьма устарѣлыхъ; да и дѣти худо приготовлены, или лучше сказать избалованы родителями и Неграми, какъ уже было замѣчено.

Изгнанный изъ Португаліи Іоаннъ VI позволилъ завести первую типографію; прежде все печатали въ Лиссабонѣ.

Бразильцы мало наслѣдовали отъ Португальцевъ въ литературномъ отношеніи. Извѣстно, какъ мало воздѣлана Португальская словесность, какъ мало въ ней полезныхъ книгъ. Только въ XVIII вѣкѣ королева Марія I основала академію наукъ въ Лиссабонѣ, и труды этой академіи составляютъ главное богатство: впрочемъ Португальцы подражаютъ Испанцамъ. Въ юной Бразильской литературѣ еще менѣе оригинальности и образцовыхъ твореній. Нѣкоторая дѣятельность замѣчается въ журналахъ, да и то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ болѣе 2,000 подписчиковъ. Касательно книгъ замѣтимъ странный случай. *Искуство быть счастливымъ*—книга, имѣвшая во Франціи пять изданій, переведена здѣсь съ Португальскаго въ числѣ 500 экземпляровъ и не разошлась. Напротивъ того, хорошее впрочемъ сочиненіе Португальской литературы: *Искуство воровать*, попадается почти въ каждомъ домѣ. Въ 1835 году было 56 журналовъ,

изъ нихъ пять ученыхъ. Недавно въ одномъ журналѣ помѣщаемы были довольно долго отрывки, переводимые изъ К. Непота.

Три журнала имѣютъ наиболѣе успѣха:

Аврора (недавно изсякъ) . .	800	*подписчиковъ.*
Вѣстникъ оффиціальный . .	700	— — —
Журналъ Ріо-де-Жанейро. .	1,900	— — —

Журналъ Прѣній въ Палатахъ не могъ поддержаться и лопнулъ.

Есть нѣсколько Французскихъ книжныхъ лавокъ: въ нихъ довольно хорошо идетъ продажа краткихъ учебныхъ руководствъ по разнымъ частямъ. Переводъ Фобласа, отправленный въ 1836 году въ Ріо-де-Жанейро, разошелся съ такимъ успѣхомъ, что срамъ сказать. Одинъ Бразилецъ, напечатавшій Флору Бразиліи, могъ сбыть только одинъ экземпляръ своему единоземцу, живущему въ Лондонѣ.

На театрѣ представляютъ переводныя пьесы...

Вотъ свѣдѣнія, свѣжія, безпристрастнымъ наблюдателемъ отмѣченныя; спѣшимъ передать ихъ читателямъ Современника. По содержанію своему они принадлежатъ ему неотъемлемо. Намъ пріятно повторить еще разъ, что главнымъ источникомъ па-

шимъ при составленіи этой статьи была рукопись одного Русскаго, прожившаго слишкомъ пять лѣтъ въ Бразиліи: ему обязаны мы тѣмъ болѣе, что страна, о которой здѣсь идетъ рѣчь, при всей своей важности, для насъ мало была изслѣдована. Если обратимъ бѣглый взглядъ на ту отрасль литературы, которая приняла на себя быть посредницею между Старымъ и Новымъ свѣтомъ, то найдемъ, что болѣе знаемъ о Сѣверной Америкѣ, нежели о Южной. Въ самомъ дѣлѣ, путеописанія *Гамильтона*, *Галля*, *Троллопъ*, *М. Шевалье* книги *Токевиля* и *Бомона* и многихъ другихъ, не говоря уже о старѣйшихъ, раскрыли намъ картину Сѣверо-Американскаго общества.

Назовемъ еще:

Voyage au Pérou et au Chili par B. Hall.

Voyage au Buenos Ayres, par Arsène Isabelle 1835.

Voyage de S-t Hilaire au Brésil.

Желаемъ, чтобы предлагаемыя нами извлеченія приняты были съ тою благосклонностію, которою справедливо пользуются извѣстія, рѣдко и съ трудомъ пріобрѣтаемыя.

В. П--инъ.

ПОВѢСТИ.

ДВА РАЗСКАЗА,

или

БОЛГАРКА И ПОДОЛЯНКА *.

ПОДОЛЯНКА.

Чума, которую звали и чумою и нечумою, но отъ которой люди умирали сотнями и тысячами не обращая вниманія на чинъ и званіе мора-лихорадки, съ цѣлымъ поѣздомъ убійственныхъ, мучительныхъ послѣдствій, которыя передушили не менѣе православнаго люду, какъ и самая чума-безымянка—все это прошло мимо. Судьба обнесла меня этою чашей, подносивъ ее, для искушенія въ смиренномудріи, цѣлый годъ сряду, ежедневно, къ изнемогшимъ, изсякшимъ

* Первый изъ этихъ разсказовъ, *Болгарка,* напечатанъ въ 1-ой Іюльской книжкѣ Московскаго Наблюдателя за 1837. Осмѣлюсь напомнить, что это выдержки изъ дневныхъ записокъ.

устамъ. Жестокая, неумолимая лихорадка, правда, натѣшилась и надо мною до-сыта; но благодатныя силы природы наконецъ взяли верхъ—и человѣкъ забываетъ всѣ страданія также скоропостижно, какъ они его покидаютъ. Чума не полюбила меня. Волею и неволей, случайно и умышленно, прикасался я не разъ къ чумнымъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ предосторожностей, и остался еще на этомъ перепутьѣ—и доселѣ еще, жадный жить и готовый умереть, шагаю, или бѣгу взапуски съ вами, по общему нашему поприщу, по пути юдольной жизни, по которой мы не-хотя другъ друга обгоняемъ, не-хотя торопимся жить и умереть. Скоро живемъ, друзья, и скоро умираемъ!

Но я бы не желалъ, чтобы кто-нибудь выраженіе: «которую звали и чумою и нечумою», почелъ за какую-нибудь неумѣстную насмѣшку. Въ доказательство противнаго осмѣлюсь высказать въ трехъ словахъ собственное мнѣніе мое объ этой чумѣ; мнѣніе, которое, надѣюсь, простятъ мнѣ, если разсудятъ, что я былъ свидѣтелемъ того, что описываю, а слѣдовательно и мнѣ, какъ и всякому другому, мнѣніе свое дозволено: и я могу ошибаться, какъ и вы, друзья мои, но не менѣе того мыслящій человѣкъ не можетъ не мыслить.

Что нужды до названія; зовите чумой, зовите нечумой; но я убѣжденъ, что болѣзнь, которая въ Турціи,

Молдавіи и Валахіи свирѣпствовала во время послѣдняго похода, подъ тавромъ и тамгою смерти, не была намъ сообщена Турками, а развилась въ войскахъ нашихъ. Она образовалась, какъ злокачественныя лихорадки, какъ пожирающія повальныя горячки, безъ коихъ никогда еще не бывало значительной и продолжительной войны. Мѣстность и обстоятельства образовали здѣсь чуму, или, пожалуй, нервно-гнилую-гастрическую горячку изъ тѣхъ же началъ, изъ коихъ, при иныхъ отношеніяхъ, образуется иная болѣзнь. Доводами мнѣнія своего не подкрѣпляю; это было бы здѣсь неумѣстно, да и доводы этаго разбора никого не убѣдятъ; доводы не доказательства; а этихъ здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Ученые и опытные собраты мои безъ сомнѣнія останутся при своемъ мнѣніи, какъ я остаюсь при своемъ. Я почитаю вообще мнѣніе—будто бы чума тлится изпоконъ-вѣку въ Турціи подпепельною искрой — несправедливымъ; чума почасту образуется, при извѣстныхъ данныхъ, вновь; слѣдовательно могла она образоваться и въ рядахъ войскъ нашихъ, поставленныхъ въ тѣ же самыя мѣстныя отношенія; и споръ—Египетская ли это чума, Цареградская ли, Молдавская ли — не стоитъ торговъ и переторжки, потому что это все равно, откуда бы она ни взялась. Достовѣрно то, что она шла по пятамъ нашимъ до самаго Адріанополя.

И такъ всю бѣду эту свалили мы съ плечь долой, *спокутковали*, какъ говорятъ на Украйнѣ;

пришли на родину, проглянули новою жизнью, собрались-было опочить на лаврахъ своихъ, размѣстившись въ жидовскихъ мѣстечкахъ западныхъ губерній, какъ два бича человѣчества почти единовременно взвились надъ сумрачнымъ лицемъ земли, и отечество вновь призвало дѣтей своихъ въ ряды ополченія противъ *мора и войны*. Холера и мятежъ въ Польшѣ разразились надъ злополучнымъ краемъ.

Половина губерніи, въ которой мы стояли, не въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Можетъ быть, паны—экономы—рахмистры—кассиры въ этомъ неболѣе виноваты, какъ и самый образъ господскаго управленія; здѣсь откупы на все: на свѣчи, на сало, на деготь, на соль и даже на печеный хлѣбъ—и Жиды единомышліемъ своимъ и пронырствомъ понижаютъ и повышаютъ цѣну звонкой монеты по произволу. Между прочими налогами на мужиковъ позабавилъ меня слѣдующій: ежегодно раздается на каждый дворъ по извѣстному числу яицъ; бабы обязаны высидѣть и представить къ сроку цыплятъ.

Едва только зимніе короткіе дни начали расти, 12 Декабря 1830 года, и мы уже выступили изъ своихъ кантониръ-квартиръ, пошли снѣгами и морозами, только-что отдохнувъ отъ знойнаго лѣта Турціи. О, если бы по-крайней-мѣрѣ люди, при такихъ обстоятельствахъ, всегда смыкались ближе и дружнѣе, а не пилили другъ друга причудами, упрям-

ствомъ, упорною и безсмысленною брюзгливостію! Съ товарищами жили мы славно, дружно, весело; мы помогали другъ другу коротать скучный и смутный часъ, и забывали горе за походными шутками и дружнымъ весельемъ.

Мы пришли въ Каменецъ-Подольскій, эту неприступную для древнихъ твердыню, которую нынѣшнее военное имесловіе не честитъ даже и названіемъ крѣпости, хотя городъ стоитъ на неприступной скалѣ, на островѣ, который кругомъ обтекаетъ рѣчка Смотричь, между-тѣмъ-какъ онъ соединяется съ материкомъ только самороднымъ гребнемъ и каменнымъ мостомъ съ башенками, покрытымъ путемъ, воротами и всѣми принадлежностями полуазіатскаго и полуевропейскаго зодчества тогдашней военной защиты. Возвышенные холмы по ту сторону Смотрича, обтекающаго кольцеобразно градъ Подола, повелѣваютъ, въ военномъ смыслѣ, городомъ, и потому онъ для крѣпости негодится. Здѣсь, въ Каменцѣ, св. Апостолъ снова воцарился на высокомъ минаретѣ, выстроенномъ нѣкогда Турками, по обращеніи косцела въ мечеть.

Въ Каменцѣ сидѣли мы нѣсколько времени между холерою и мятежемъ. Во ожиданіи того и другаго, я познакомился съ презабавною Еврейскою четою, которую долженъ въ нѣсколькихъ словахъ представить читателямъ моимъ. Жидокъ этотъ съ плотною

й сговорчивою половиною своею, былъ замѣчательное лице въ царствѣ Израильскомъ. Гусляръ, скрипачь, разбитной малый, весельчакъ, гуляка, съ презрѣніемъ глядѣлъ онъ на суетныхъ, корыстныхъ, скаредныхъ собратовъ своихъ и пускалъ послѣднюю копѣйку ребромъ, каждый разъ, когда копѣйка у него заводилась. Но и онъ и супруга его не переродились отъ сѣмени своего; смошенничать и обмануть *гоя*, крещенаго — отъ этой врожденной склонности тороватыя души ихъ не могли отказаться. На Подолѣ есть семья Евреевъ, которая хранитъ и сохраняетъ, въ видѣ тайны, наслѣдственное искуство снимать бѣльмо; прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, сынъ и внукъ занимались этимъ промысломъ и заработывали хорошія деньги. Я зналъ лично семью операторовъ-самоучекъ; они осаживаютъ катаракту (methodus depreffionis) простою и прямою иглою; не употребляютъ при этомъ ни другихъ способовъ, ни орудій—и одностороннее, безусловное слѣдованіе одному этому способу, при разныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, не всегда можетъ быть увѣнчано лучшимъ успѣхомъ. Жидокъ мой принадлежалъ, по супругѣ своей, къ этому жъ поколѣнію цеховыхъ бѣльмоцѣлителей, но какъ распутное дитя, въ которомъ не видали много проку и толку, былъ признанъ цехомъ своимъ недостойнымъ познать тайны свѣтодарнаго искуства, былъ изгнанъ своими, поселился въ Каменцѣ и гулялъ, кутилъ и мутилъ не въ свою голову. Я стоялъ у этой всешабашной головы на постоѣ. Онъ и хозяйка его стали водить и возить

ко мнѣ со всѣхъ концевъ Подола слѣпыхъ, не могли нахвалиться безкорыстіемъ моимъ, готовностію помогать несчастнымъ, которымъ давали у себя, по чувству сострадания и человѣколюбія, безвозмездное пристанище и дневную пищу, и отпускали ихъ наконецъ зрячими, присоединяя усердныя мольбы свои къ мольбамъ вновь одаренныхъ свѣтомъ: мольбы за здравіе, долголѣтіе и благоденствіе мое, считая собственную заслугу свою, какъ сами выражались, ни во что; помощь и содѣйствіе ихъ въ сравненіи съ моею была, какъ увѣряли они, ничтожна. Но, какъ вы думаете, что открылось? Почтенный жидокъ и достопочтенная подручница его не только обирали именемъ вспомоществующаго слѣпыхъ постояльцевъ своихъ, но безстыдно сами себя прославляли въ цѣломъ околодкѣ цѣлителями слѣпоты, объявивъ, что наслѣдственное искуство низошло свыше на отростокъ поколѣнія свѣтодавцевъ—и успѣвали въ этомъ, потому-что слѣпой не видитъ руки, дарующей ему свѣтъ, и что онъ въ безпредѣльной радости своей готовъ признать спасителемъ своимъ всякаго, кто самъ имъ вздумаетъ назваться.

Между-тѣмъ моръ сталъ свирѣпствовать и въ Каменцѣ. Мѣстное главное начальство раздѣлило городъ на части, довѣрило каждому изъ насъ по одной и предоставило въ то же время усмотрѣнію каждаго употреблять всѣ строгости оцѣпленія, или нѣтъ. Мы имѣли удовлетвореніе видѣть, впослѣдствіи, изъ част-

ныхъ вѣдомостей своихъ, что болѣзнь въ оцѣпленныхъ частяхъ города не прекратилась ранѣе, а въ неоцѣпленныхъ не распространялась сильнѣе; что, напротивъ, дни большей и меньшей смертности совпадали въ цѣломъ городѣ, и что слѣдовательно ходъ, ростъ и упадокъ болѣзни обусловленъ былъ причинами, которыя раждались, распространялись и исчезали независимо отъ заставъ, цѣпей и карауловъ.

Къ Каменцу примыкаетъ слободка, сборъ жалкихъ, полугнилыхъ лачужекъ, расположенныхъ на поемномъ, низменномъ долу—это царство сырости, неопрятности, нищеты, тѣсноты; присоедините еще къ тому ужасную всепожирающую болѣзнь, которая въ-сутки лишала семейство отца или матери, жену мужа, дѣтей кормильца и кормилицы—и бѣдствующее человѣчество стоитъ передъ вами во всей наготѣ своей, на высшей степени безпомощнаго и отчаяннаго положенія.

Этотъ уголъ присоединился по какому-то наслѣдству * къ моему участку. Суевѣріе, недовѣрчивость, недостатокъ въ пищѣ, въ средствахъ, въ присмотрѣ—все это, въ соединеніи съ тѣмъ, что я сейчасъ описалъ, ей-ей, могло бы свести съ ума того, коего попеченію довѣрено было бѣдствующее человѣчество, поверженное ницъ въ отчаянныхъ, предсмертныхъ судорогахъ своихъ.

* По наслѣдству медицинскому; предшественникъ мой выбылъ.

Въ этой-то слободкѣ Каменца стояла хижинка, или домишко, поблаговиднѣе сосѣдей своихъ, почище и получше выстроенный. Домикъ этотъ стоялъ на углу, на второмъ переулкѣ послѣ крутаго спуска. Видно было по всему, что хозяинъ его нѣсколько зажиточнѣе большей части обитателей слободки, что избушка поддерживалась постоянно въ исправности; и я готовъ былъ также спорить о чемъ угодно, что хозяинъ добрый старичокъ, и что въ домѣ есть взрослая дочь или дочери. Всѣ эти отвлеченныя соображенія промелькнули въ мысляхъ моихъ, когда я въ первый разъ увидѣлъ домишко этотъ — и проходя здѣсь ежедневно два-три раза, вскорѣ увѣрился, что я ни въ чемъ не ошибся. Домъ, какъ я сказалъ, былъ угольный; передъ нимъ красивенькій палисадникъ съ цвѣтами и деревьями; на большую улицу стояли ворота, а въ переулокъ, къ палисаднику, вела калиточка. Я часто впослѣдствіи любовался благообразнымъ, стройнымъ старикомъ, который, съ тростію въ рукѣ, въ коричневомъ сюртукѣ, попадался мнѣ иногда навстрѣчу, выходя изъ приворотной калитки этаго дома. Притворивъ бережно за собою калитку, окидывалъ онъ взоромъ цвѣты и деревья въ палисадникѣ, кланялся мнѣ учтиво и отправлялся мѣрными шагами въ городъ, между-тѣмъ-какъ премилая дѣвушка нерѣдко выбѣгала въ калиточку, которая вела со стороны переулка въ палисадникъ, посылая за отцемъ своимъ напутное: «до свиданья.» Она, дѣвица, не обращала никакаго вниманія на проходящихъ, а скры-

ваясь за довольно густыми кустами и деревьями, почасту тѣшилась и забавлялась грядками и цвѣточками своими.

Мирное жилище это радовало и утѣшало меня каждый день. Казалось, какое-то благословеніе почивало подъ драничной кровелькой; сердцу становилось здѣсь легко и отрадно, какъ будто пришло оно, съ дальней стороны, на родину.

Но въ мирномъ жилищѣ этомъ скоро нарушилась тишина и спокойствіе; все засуетилось: мать, дѣти, прислуга. Почтенный хозяинъ, нашъ старикъ въ коричневомъ сюртукѣ, занемогъ холерою.

Съ какимъ-то тайнымъ трепетомъ и благоговѣніемъ вошелъ я въ завѣтную избушку, которая уже столько времени была для меня усладительною и назидательною картиной. Я нашелъ все въ домѣ въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ ожидалъ.

Почтенные, трудолюбивые старики, милыя, опрятныя дѣти, всеобщее устройство, порядокъ, тишина; а Ванда, старшая дочь, разливала вокругъ себя голубыми очами своими утѣшеніе, миръ и спокойствіе... Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ ежедневныхъ посѣщеніяхъ! Отъ глубины души своей посвящалъ я ихъ тому созерцательному самозабвенію, которое врачуетъ сокру-

шенное мелочными, мірскими заботами сердце, гораздо болѣе, нежели взглядъ на суетный памятникъ великаго человѣка, или размышленіе о необыкновенныхъ его дѣяніяхъ, давшихъ ему право гражданства въ избранномъ сонмѣ повитыхъ дубовыми и лавровыми вѣнцами! Легче, сто разъ легче быть великимъ въ великихъ обстоятельствахъ, похитить на одно мгновеніе престолъ и державу судьбы, и рѣшить въ одинъ разъ, словомъ или дѣломъ, громкое мірогласное событіе, нежели быть великимъ въ маловажныхъ, пресмыкающихся, житейскихъ отношеніяхъ, которыя надоѣдаютъ намъ на каждомъ шагу, отравляютъ всякую радость семейнаго счастія, какъ несносные, докучливые комары и мошки на прогулкѣ по прелестнымъ виноградникамъ. Вотъ разность величія половъ: мужчина бываетъ доблестенъ пять, шесть, десять разъ на вѣку своемъ; женщина добродѣтельна съ утра до ночи; ведетъ кротко и смиренно священную войну свою со всѣми непріязненными стихіями домохозяйства, заключаетъ каждый вечеръ, на молитвѣ своей, кратковременное перемиріе, и собравшись съ новыми силами, съ зарею уже начинаетъ снова, молча и безъ ропота, противоборствовать мелочнымъ суетамъ житейскимъ, чтобы заслужить одобрительную улыбку отца, брата или мужа; далѣе слава ея не простирается. Цѣните такихъ женщинъ, друзья, и не забывайте, что самому изящному и поэтическому созданію въ мірѣ досталась на долю самая прозаическая, существенная половина жизни: цѣните женщину, ко-

торая умѣетъ соединить въ дѣлахъ, поступкахъ и обращеніи своемъ эти видимыя противоположности.

Старикъ нашъ, который заболѣлъ холерою, не смотря на то, что былъ крайне труденъ, на мои глаза безнадеженъ, сталъ оправляться. Благодарностямъ не было конца. Домашніе, по всегдашней похвальной привычкѣ своей, приписываютъ такое исцѣленіе непосредственно чудотворнымъ мазямъ, припаркамъ и порошкамъ врача; а этому ничего не остается, какъ откланиваться на всѣ четыре стороны, потому-что искреннее увѣреніе въ непричастности и невинности искуства его бываетъ принимаемо какъ обычная оговорка олицетворенной скромности, и изъявленія благодарности и признательности усугубляются по мѣрѣ возбуждаемаго объ этомъ предметѣ противорѣчія.

По привычкѣ и по влеченію продолжалъ я навѣщать, мимоходомъ, черезъ день или два, мирныхъ обитателей драничной кровли; ознакомился съ ними, вскорѣ и сдружился, потому-что ничто на свѣтѣ не сближаетъ людей такъ, какъ бѣдствіе и горе. Явитесь въ попутную минуту утѣшителемъ бѣдующаго существа, и вы можете, *если можете*, сдружиться и сойтись душа въ душу съ этой первой минуты встрѣчи. И вотъ, что изрѣдка услаждаетъ честнаго врача въ жалкомъ его положеніи.

Я видѣлъ, что общее горе тяготѣло надъ семьею, въ которой я сталъ почти свой; что отецъ, мать

и Ванда болѣютъ и скорбятъ однимъ семейнымъ недугомъ; но они молчали, и я молчалъ. Разъ, я помню, когда Ванда забылась, и мечтательное раздумье заволокло румяную зарю пасмурнымъ облачкомъ, когда думное выраженіе чела и скорбящій взоръ очей ей измѣнили, я много прочиталъ въ лицѣ этомъ; и Ванда, опомнившись и быстро взглянувъ на меня, угадала также то, чего я не хотѣлъ вымолвить; это я видѣлъ, это написано было на челѣ и въ очахъ ея; но выговоривъ ясно на томъ же языкѣ: «не спрашивай меня, я молчу по гробъ свой»—она мигомъ оправилась, и вся осанка и лице ея приняли опять уже это спокойное, умилительное и постоянное выраженіе, которое вы найдете только въ Вандѣ и ей подобныхъ созданіяхъ. Старушка, мать Ванды, проговаривалась только въ общихъ выраженіяхъ; но видно было, что горе ея тѣсно связано было съ тогдашнимъ состояніемъ Польши. Отецъ говорилъ объ этомъ мало, отрывисто, всегда только въ двухъ-трехъ словахъ; но предметъ трогалъ его сильно; старикъ вздыхалъ и замолкалъ, или заговаривалъ о другомъ. Я видѣлъ ясно, что онъ въ высшей степени негодуетъ на горестное событіе это, на возмущеніе однородцевъ своихъ, обсуживая дѣло здравымъ и прямымъ разсудкомъ своимъ; но при всемъ томъ не хочетъ говорить, какъ потому, что сердце его сжималось при однихъ только воспоминаніяхъ, такъ и потому, что передъ нимъ стоялъ Русскій, который могъ бы принять сердечныя слова Поляка за льстивые напѣвы, вынужден-

ные обстоятельствами; а одна мысль объ этомъ отымала у старика языкъ. Такъ общій духъ и отношенія народовъ отзываются во взаимныхъ отношеніяхъ частныхъ лицъ, и, если угодно, наоборотъ. Я узналъ только, что семейство это было родомъ изъ Калиша, переселилось въ Каменецъ уже во время Французской войны, по случаю тогдашнихъ смутъ въ Польшѣ, что старикъ былъ небогатый, но честный и всѣми уважаемый правословъ, который никогда не выигрывалъ несправедливаго, безчестнаго дѣла, потому-что никогда за него не брался, и что сынъ старика нашего, даровитый, хорошо образованный, многообѣщавшій юноша, надежда отца и кумиръ сестры и матери, ушелъ черезъ Галицію въ Замосць, надѣлъ синій полуплащикъ съ висячимъ воротникомъ и серебряной цифровкой, и готовится итти съ дружиною Дверницкаго на Волынь и Подолъ.

Я почти начиналъ вѣрить, что въ этомъ одномъ обстоятельствѣ заключается горе Ванды и ея родителей, какъ нечаянный и маловажный по себѣ случай навелъ меня на догадку, что это еще не все.

Ванда всегда и во всякое время носила на шеѣ мелкую и длинную золотую цѣпочку, на которой, казалось, висѣлъ крестикъ, ладонка или что-нибудь подобное. Въ одну темную и ненастную ночь деньщикъ меня будитъ, говоритъ, что за мною пришли отъ больнаго; я вскакиваю—и въ потьмахъ, по голо-

су, узнаю своего старика. «Наша Ванда занемогла,» сказалъ онъ мнѣ, и хотя увѣряетъ, что ей только сдѣлалось дурно отъ чаду, но я, извините отца, который живетъ только для дѣтей своихъ, я испугался: нынѣ время тяжелое, бѣдственное; у меня не стало духу сидѣть и ждать развязки въ ужасной неизвѣстности. Я рѣшился итти къ вамъ; Ванда моя чистою молитвою своею за васъ помолится—помогите ей!

Меня обдало холодомъ съ головы до ногъ. Ванда, подумалъ я про себя, поспѣшно одѣваясь, Ванда... что жъ? и она, и Ванда, и всѣ мы, всѣ, сколько насъ ни есть, живемъ, поколѣ дышемъ!

Чисты и достойны были помышленія мои, когда я вошелъ въ почивальню Ванды, и тепла молитва моя, когда я убѣдился, что Ванда не ошибалась въ причинѣ недуга своего, сказавъ: «мнѣ право совѣстно, что батюшка васъ побезпокоилъ; это пустое; братишки мои шалили, топили воскъ на какія-то новыя проказы и начадили такъ, что у меня разболѣлась голова!»

Но во время этаго разговора, когда заботливый отецъ поднесъ свѣчу къ самому изголовью своей Ванды, взоръ мой случайно упалъ на молодаго Поляка въ синей венгеркѣ и въ бѣлой, валяной плосковерхой шапочкѣ съ загнутыми вплоть къ тульѣ полями;

лице молодецкое и мужественное, казалось, даже слишкомъ удалое. Молодецъ этотъ обнялъ золотою цѣпочкою шею Ванды, и въ эту минуту лежалъ, скатившись, на изголовьѣ недужной, рядомъ съ головкою ея. Я успокоилъ старика, раскланялся, ушелъ домой, но Полякъ въ бѣлой валяной шапочкѣ на-бекрень, съ темнорусыми усами, стоялъ передо мною, какъ стоитъ и теперь; я его вижу каждый разъ, когда вспоминаю о Каменцѣ, о Вандѣ, о Польшѣ, и мнѣ бываетъ тяжело и скучно.

Дверницкій кинулся изъ Замостья на Волынь, вопреки извѣстій о переходѣ его обратно за Вислу, и корпусъ нашъ двинулся ему навстрѣчу. Теперь уже болѣе никто не увѣрялъ насъ, какъ было это во время похода черезъ Ольшану, Брацловъ (Украинскій) и Умань, что конно-егерская дивизія двигается для поимки какаго-то разбойника Кара-Мелюка. Дверницкій безъ хлопотъ обезоружилъ на границѣ слабый гарнизонный баталіонъ и занялъ Устилугъ. Слухи наразладъ достигали и встрѣчали корпусъ нашъ на походѣ; войска не были еще на военномъ положеніи; маркитантовъ ни однаго; и потому терпѣли мы много отъ недостатка и лишеній всякаго рода—не слѣзали съ лошадей по пяти ночей сряду. По пути видѣли мы Вишневецъ, колыбель Мнишковъ; поличіе Маріи и Лжедимитрія, съ надписью подъ послѣднимъ: Demetrius verus; видѣли Кременецъ, гдѣ нечаянное появленіе наше, и тяжелый стукъ артилле-

ріи, и дымящіеся пальники странно противорѣчили мертвой, ночной тишинѣ и наружному спокойствію боязно выглядывавшихъ изъ воротъ и калитокъ жителей; осматривали съ большимъ любопытствомъ Кременецкій Лицей и познакомились съ остроумнымъ, ученымъ мечтателемъ, ректоромъ или префектомъ, Зыковичемъ, и помнимъ краснорѣчивые разговоры его. «Тридцать лѣтъ,» говорилъ онъ, «учу я, опредѣляю и поясняю разныя науки, но самъ не понимаю ни одной—и кажется, многіе собраты мои находятся въ тѣхъ же отношеніяхъ. Физики, напримѣръ—я предпочтительно занимался естественными науками—физики, наперекоръ здравому смыслу, разлагаютъ и составляютъ лучь свѣта изъ семи цвѣтныхъ лучей, и передали теплотворъ и электричество, полюбовной сдѣлкой, во владѣніе другой, отдѣльной главѣ замысловатато романа своего, съ тѣмъ, чтобы глава эта уже не мѣшала имъ тѣшиться досыта, отдѣльно, отвлеченно конькомъ своимъ, семицвѣтною радугой. Имъ и въ голову не придетъ, что свѣтъ, тепло, и самое электричество, и вся жизнь, всѣ силы природы сосредоточены и соединены нераздѣльно въ лучѣ этомъ; что въ лучѣ заключается нѣсколько силъ: свѣтъ, тепло, электричество, силы растительныя и животныя.»

Мы взбирались и на другую не-метафизическую крутизну, на крутую гору, у самаго Кременца, гдѣ какая-то Литовская королева Бона выстроила когда-

то укрѣпленный замокъ. Остались только стѣны, подземная тюрьма и колодезь безконечной глубины. Видѣли также и Почаевскій монастырь, на границѣ Галиціи, составляющій уже самъ по себѣ цѣлый городъ. Монахи припасли для насъ гостинный обѣдъ, но и простая, братская трапеза ихъ очень хороша, чему немало способствуютъ огромные, богатые подвалы, наполненные старыми, вкусными медами. Мы видѣли богатства монастырскія.

Все это мы видѣли и перезабыли, потому-что намъ тогда было не до того, а помнимъ только, какъ Дверницкій былъ разбитъ подъ Боромелемъ, гдѣ алые гусары наши, стоявшіе на правомъ крылѣ въ третьей линіи, потянулись во-время ниткою впередъ, выстроились, отрѣзали и изрубили отчаянныхъ хмѣльныхъ конниковъ, которые на-веселѣ и очертя голову затесались-было туда, гдѣ имъ совсѣмъ было не мѣсто; * помнимъ также, хотя и неохотно вспоминаемъ, Порѣцкъ, и помнимъ конецъ всѣхъ возстающихъ на могучее отечество наше, уничтоженіе Двер-

* Въ дѣлѣ этомъ два обстоятельства были для меня очень любопытны: первое, что изъ числа нѣсколькихъ сотъ Польскихъ уланскихъ сабель, которыя пересмотрѣлъ я впослѣдствіи самъ, едва ли десятая часть были отпущены; плѣнные на вопросъ мой объ этомъ увѣряли, что они *не успѣли* заняться этимъ, хотя готовились къ походу цѣлую зиму, въ Замосцѣ; и второе, что копье, на которое надѣялись Поляки взамѣнъ сабель своихъ, самое пустое оружіе, если не прихватывается локтемъ, подъ мышкой, а держится на-отмашъ, въ одной рукѣ.

ницкаго на самомъ рубежѣ Галиціи, противъ Збараша. Долго войска наши за нимъ гонялись; хитро и осторожно металъ Дверницкій крюки и петли, стараясь обойти противника и проникнуть на Волынь или Подолъ; но выбившись изъ силъ, прислонился онъ къ полубратскимъ рубежамъ, и убѣдившись уже подъ Боромелемъ, что не выдержитъ предстоящаго ему удара, распустилъ на всѣ четыре стороны шумливую команду свою и сдалъ оружіе Австрійцамъ.

16 Мая на-разсвѣтѣ мы двинулись на непріятеля. Командующій объѣхалъ всѣ полки и объявилъ имъ, что непріятель прижатъ къ границѣ, что ему уйти уже нельзя, и что по-этому онъ будетъ разбитъ и уничтоженъ. Всегдашній отвѣтъ Русскаго солдата *рады стараться* встрѣчалъ слова начальника, и всѣ горѣли нетерпѣніемъ вымѣстить на Полякахъ утомительные, скучные, девятидневные переходы; корпусъ потянулся вдоль лѣса; егеря полковника Г. прошли опушкой, перекликаясь зычными рогами, которые объясняли тѣмъ, кому былъ знакомъ языкъ этотъ, что дѣлается въ лѣсу. Егеря разсыпались и окликались, какъ гончія по красному звѣрю. Съ лѣваго крыла алые гусары и застрѣльщики усыпали поле; но когда поднялись мы на бугоръ, гдѣ за четверть часа стоялъ непріятельскій постъ, то его уже не было. Фланкеры и казаки понеслись въ погоню; Оранцы, Ахтырцы, Витгенштейновцы за ними, и настигали и рубили бѣгущихъ. Польская пѣхота была въ

фуражкахъ; а это противъ конницы очень невыгодно; все полетѣло; непріятель спасался, кто и куда могъ. Тутъ повозка, тамъ конь, здѣсь ружье, тутъ ранецъ, тесакъ, сума; тутъ раненый, оперпшись на локоть, стонетъ въ крови; здѣсь верховой ведетъ пару плѣнныхъ, которые проклинаютъ судьбу свою и попрекаютъ другъ друга въ большей степени вины или участія; здѣсь какой-то отчаянный наѣздникъ во фракѣ и круглой шляпѣ отстрѣливается и отмахивается отъ двухъ гусаровъ, которые, нахлобучивъ кивера, налетѣли, и съ него, какъ говорится, только палки посыпались. Одинъ гусаръ взялъ, въ глазахъ моихъ, офицера и снялъ-было съ него тонкую шинель; но товарищъ гусара вырвалъ у него ее изъ рукъ, отдалъ плѣннику и сказалъ: «а какъ тебя дурака возьмутъ завтра, да сымутъ съ тебя рубаху?»

Я подошелъ поочереди и къ черному фраку, и на жалобы его о звѣрскомъ безчеловѣчіи гусаровъ, изрубившихъ отдавшагося уже въ плѣнъ поборника ойчизны, я отвѣчалъ положительно, что самъ видѣлъ два пистолетные выстрѣла его, и что по-нашему этакъ въ плѣнъ не отдаются. Слово за словомъ, и оказалось, что фракъ мой зналъ коротко въ отрядѣ Дверницкаго Яна, брата Ванды. Онъ перешелъ съ отрядомъ за границу, чтобы никогда болѣе не возвращаться на родину, потому-что былъ замѣшанъ въ возмущеніи на Волыни, коимъ предводительствовалъ одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ.

Корпусъ нашъ двинулся опять впередъ, и встрѣтилъ радостное извѣстіе, что генералъ К. разбилъ на-голову и утопилъ въ Вислѣ отрядъ Серавскаго, шедшаго на выручку Дверницкаго; 18 Мая перешли Бугъ пограничный, въ Устилугѣ, и этимъ начали вторую главу похода, коего третьей главѣ предстояло поприще за Вислой.

На одномъ изъ переходовъ по сю сторону Люблина, былъ пойманъ и изобличенъ высланный изъ Замосьця лазутчикъ, человѣкъ уже въ лѣтахъ и семейный. Военный судъ приговорилъ его разстрѣлять. И такъ выкопали яму, надѣли на преступника китель, привязали бѣдняка къ столбу и дали по немъ холостой залпъ изъ двѣнадцати ружей. Генералъ велѣлъ ему дать 50 рублей за острастку и сказать въ крѣпости: «чтобы такихъ дураковъ не присылали.» Но милосердое превращеніе заслуженнаго смертнаго приговора въ шутку никому не было извѣстно до самаго исполненія его; народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ; жиды, ненавидя Поляковъ, ликовали, бранили ихъ въ-глаза и выражали неистовую радость свою чрезвычайно забавными ухватками. Когда же, послѣ минутнаго невольнаго молчанія, гдѣ всѣ притаили духъ, испуганнаго на смерть Поляка отвязали, и дѣло объяснилось, то общій шумъ, хохотъ, говоръ и разнообразныя чувства вслухъ и голосистыя сужденія зрителей сливались въ одинъ невнятный, шумный гулъ. Я оглянулся на жида, который, обширно

размахивая палкой и широкопольной шляпой, задѣвалъ сосѣдей своихъ справа и слѣва, спереди и сзади, но ничего не видѣлъ, не слышалъ: такъ жарко разсуждалъ и спорилъ онъ со стоявшею подлѣ него дѣвкою. Онъ глаголилъ по-Польски; рѣчь его лилась рѣкой; глаза горѣли, бородка тряслась, выразительныя черты молніею пробѣгали по лицу, и не смотря на трагическое положеніе его, онъ былъ смѣшонъ до крайности. Дѣвка, спорившая съ нимъ, также невольно обратила на себя мое вниманіе. Рѣзкія въ ней противоположности ярко бросались въ глаза съ перваго взгляда: прекрасное лице и тупой, безсмысленный взоръ; стройный, по-видимому, станъ и какая-то нескладность, которую трудно было съ нимъ согласовать; изысканная тщательность въ полу-Украинскомъ, народномъ уборѣ волосъ, и странная небрежность въ одеждѣ; да и самая болтовня ея, при видимой безсвязности своей, какими-то яркими проблесками остроумія такъ вѣрно попадала въ мѣту, такъ прямо, просто и ясно доказывала истину, неостанавливаясь впрочемъ на ней ни на мигъ, а продолжая бѣглый огонь свой и какъ бы затаптывая опять въ грязь драгоцѣнную находку, что жиду наконецъ ничего не оставалось, какъ плюнуть, закричать десять разъ въ одинъ духъ, что она дура, дура, дура, что съ нею нельзя говорить и прогнать ее домой за работу, потому что Юзя была его батрачка. Юзя хохотала, говорила, что умный дурака не гоняетъ отъ себя, а самъ отъ него отходитъ; что умный не кри-

чить по улицамъ на весь народъ, какъ панъ арендарь, жидъ, который перекричалъ и ее дуру, и прочее. Узнавъ отъ стороннихъ людей, что Юзя была родомъ изъ хорошаго дворянскаго дома, извѣстнаго даже и въ бытописаніи Польши, но, какъ дурочка, забракована въ высшемъ кругу, и наконецъ попала нынѣ въ судомойки къ жиду, я отыскалъ, изъ любопытства, постоялый дворъ его, или корчму, остановился тамъ до выступленія полка—и Юзя сама разсказала мнѣ вотъ что.

Она помнитъ себя еще въ родительскомъ домѣ. Отецъ ея былъ потомокъ весьма извѣстнаго магната В. Осиротѣвъ очень рано, была она призрѣна графинею Л., и воспитывалась вмѣстѣ съ дочерьми ея. Я была, говорила Юзя, черезъ-чуръ жива, остра, чувствительна и раздражительна, и слышала часто, какъ говорили, что я склонна къ помѣшательству. Юзя выучилась языкамъ, музыкѣ, образовала себя хорошо, но вѣчно бѣсилась, шалила и проказила. Она отказала двумъ хорошимъ женихамъ, которыхъ назвала поимянно и описывала ихъ подробно—отказала для того только, что съ-изъ-дѣтства объявила намѣреніе свое натѣшиться свѣтскою жизнію, перебѣситься и итти двадцати лѣтъ въ монастырь. Но нечаянная смерть благодѣтельницы Юзи произвела ужасный переворотъ въ жизни сиротки. Были люди, которые ожидали смерти графини съ нетерпѣніемъ. Суета, безпорядокъ, грабежъ и дѣлежъ оборотили все въ домѣ

вверхъ дномъ. Юзя, неутѣшно рыдавшая надъ свѣжею могилой второй матери своей, была покинута на произволъ судьбы; наконецъ даже изгнана изъ семьи; а преслѣдованіе и насиліе безнравственнаго человѣка, давшаго бѣдной скиталицѣ лукавый пріютъ и хлѣбъ насущный, ввергли ее въ совершенное сумасшествіе. Каплица, часовня, выстроенная ею за 10,000 злотыхъ, полученныхъ въ наслѣдство отъ ея благодѣтельницы, возвратила Юзѣ, по словамъ ея, разумъ. «Но, говорила она, я все-таки осталась дурочкой, и помню только прошлое, какъ во снѣ; иной день у меня память свѣжѣе, и я даже могу читать на трехъ языкахъ; иной день не помню буквъ, мелю, едва сама понимаю что, какъ напримѣръ сегодня, и едва могу пересчитать сряду свои *тринадцать*. И тогда мнѣ бываетъ легче.»—Почему же именно считаешь ты до тринадцати?—спросилъ я. «А потому, что я привыкла каждый день, утромъ и вечеромъ, прежде и послѣ молитвы, считать до тринадцати: я родилась 13 числа, оба жениха сватались за меня 13 числа; матери мои обѣ умерли 13 числа; 13 числа я выбѣжала изъ дому мнимаго втораго благодѣтеля моего и кинулась въ рѣку, откуда вытащили меня уже безпамятною и безумною, и наконецъ 13 числа я своеручно положила первый камень каплицы.» Такъ она молола и лепетала, безъ умолку, прибирая комнату постоялаго двора; мыла, чистила, скребла и работала за-семерыхъ, чтобы къ шабашу, къ вечеру все привести въ порядокъ и угодить своему пану арендарю,

и между-тѣмъ все продолжала молоть и бормотать. Пословица лилась у ней за пословицей, притча за притчей, поговорка за поговоркой, и вездѣ сквозилъ смыслъ, толкъ, остатокъ разума; и вся наружность ея и самыя рѣчи чрезвычайно странно и въ какомъ-то непонятномъ разладѣ составлены были изъ ума и безумія. «У меня была пріятельница, подруга, продолжала Юзефа, по которой я и теперь, когда бываю въ своемъ умѣ, горько плачу, и она по мнѣ плачетъ, это я знаю, и зоветъ меня къ себѣ, да я нейду. Здѣсь, въ-батрачкахъ, я на своемъ мѣстѣ. Я была прежде слаба и нѣжна; но съ тѣхъ поръ, какъ я одурѣла, захилѣла душой, я тѣломъ стала свѣжа, бодра и здорова. Видите, какія у меня здоровыя руки, и я могу работать, и работы не боюсь. По-этому я здѣсь на своемъ мѣстѣ, никому не мѣшаю, никто обо мнѣ не заботится, никто обо мнѣ не сожалѣетъ, и я довольна и спокойна. А тамъ? что они тамъ со мною будутъ дѣлать? Они люди недостаточные, но порядочные; на кухнѣ держать меня не захотятъ, это я знаю; а куда же имъ дѣваться въ гостиной съ дурою, которая иную-пору не умѣетъ пересчитать своихъ тринадцати, и которая хоть и говоритъ всегда правду всякому, а все-таки дура? И Ванда стала бы тосковать по мнѣ день-за-день. Дура убивала бы ее не-хотя дурью своею. Сердцу ея было бы нестерпимо больно на нее смотрѣть. Зачѣмъ же я туда пойду? чего я тамъ не видала?»

— А гдѣ твоя Ванда?—спросилъ я. » Была когда-то моя, отвѣчала Юзя, какъ была у меня и своя душа; теперь она, Ванда, людская, чужая, Подолянка; а душу свою найду я когда-нибудь 13 числа, когда скину съ плечъ безумную голову свою, да Богъ милосердый меня призритъ. » Можете вообразить, друзья, какъ все это меня поразило, когда еще вдобавокъ оказалось, что Юзефа была подруга дѣтства Ванды! Весь пятничный вечеръ, до поздней ночи, покуда не догорѣли на другой половинѣ шабашныя свѣчи корчмаря *, разговаривалъ я съ Юзей, сидя одинъ за длиннымъ сосновымъ столомъ, на бѣлой лавкѣ, между-тѣмъ-какъ разскащица маятникомъ ходила взадъ и впередъ, отъ печи къ столу, отъ стола къ полкамъ, отъ полокъ опять къ печи и *поралась*, хозяйничала, прибирала и наконецъ усѣлась прясть. Я не могъ надивиться этому существу, составленному изъ однѣхъ противоположностей: не могъ довольно углубиться въ духовный бытъ, въ жизнь этой загадочной, необъяснимой души, которая, казалось, не столько лишилась божественности своей, сколько пострадала отъ какаго-то непонятнаго превращенія, оставившаго неизгладимые слѣды разстройства и безпорядка. Самый даже языкъ ея состоялъ изъ какаго-то пестраго смѣшенія Польскаго, Украинскаго, нарѣчія Мазуровъ, съ примѣсью и вставкою множества иностранныхъ словъ, употребительныхъ только въ образо-

* Жиды не гасятъ свѣчь въ пятницу, когда справляютъ шабашъ свой, а даютъ имъ догорѣть и погаснуть.

ванномъ обществѣ. Юзефа, разговорившись о бывшей подругѣ своей Вандѣ, плакала и смѣялась въ одно и тоже время, и похвалилась, что хранитъ еще у себя письма Ванды, хотя уже и не читаетъ ихъ, а иногда, 13 числа каждаго мѣсяца, развертываетъ ихъ и разсматриваетъ. Признаюсь, что мнѣ хотѣлось заглянуть въ эти письма, но я робѣлъ просить объ этомъ Юзефу. Мнѣ какъ-то совѣстно было воспользоваться нынѣшнимъ ея положеніемъ, чтобы вывѣдать душевныя тайны Ванды. Я только взглянулъ во всѣ глаза на Юзефу при словѣ: «письма Ванды», глядѣлъ и молчалъ. Но Юзефа сочла этотъ взоръ сомнѣніемъ, а откровенность и прямодушіе ея этимъ оскорбились. Она въ туже минуту бросилась къ простому бѣлому сундуку, стоявшему, даже безъ замка, подъ лавкой, вынула завернутый въ истасканную бѣлую косынку пучекъ писемъ и положила ихъ передо мною на столъ. «Вотъ они, говорила она, *нѣхъ панъ власне чита;* прочитайте сами.»

Винюсь передъ тобою, милая и прекрасная Ванда, винюсь и передъ читателями. Мнѣ недолжно было читать писемъ этихъ, потому-что мнѣ говорила это совѣсть моя; а я ихъ прочелъ... прочелъ съ такимъ наслажденіемъ и умиленіемъ, которое благодатно возвышаетъ душу нашу, насылаетъ миръ и спокойствіе, и заставляетъ произнести въ сердцѣ обѣтъ стремиться всѣми силами къ доблести и добродѣтели, сродниться духомъ съ дѣвственною, непо-

рочною душою. Я прочелъ письма эти; но я не употреблю во зло дѣтской и взбалмашной довѣренности Ванди́ной погруги; не скажу объ нихъ болѣе ни слова.

Когда я на другой день сидѣлъ уже на конѣ и тянулся съ полкомъ по Люблинской дорогѣ, я не сердился на пасмурную погоду и мелкій дождь; погода эта какъ-то была болѣе въ-ладу съ думою моею, и я нахохлившись завернулся въ бурку и молчалъ до самаго привалу. Немудрено, думалъ я, что въ душу бѣдной Ванды, испытавшей все это, запала кручина, обложившая мыслящее чело ея облакомъ томной грусти! Ванда потеряла подругу необыкновеннымъ, ужаснымъ образомъ, и подруга эта, не смотря на убѣдительную, отчаянную мольбу и неутѣшную печаль, выраженныя въ послѣднихъ письмахъ Ванды, не могла уже болѣе быть чѣмъ была, и погибла для нея заживо, невозвратно! Ванда, вѣроятно, утратила также, едва ли ненавсегда, любимаго брата, къ которому она приросла душой; и опять-таки утратила чрезвычайнымъ, выходящимъ изъ ряду случаемъ; братъ сдѣлался, по волѣ своей, преступникомъ: это было написано на лицѣ отца и сестры. А Кракусъ, подумалъ я, въ цыфрованной епанчѣ и бѣломъ колпачкѣ? Онъ обнялъ Ванду и повисъ на ней золотою цѣпью? кто онъ?

Но вотъ насталъ Троицынъ день, а съ нимъ и день сраженія при Сѣрокомлѣ и Будзыско—день, рѣ-

шившій въ извѣстномъ отношеніи знаменитый вопросъ Гамлета.

Вслѣдъ за тѣмъ генералъ нашъ перешелъ Вислу— и я, находясь при постройкѣ судовъ и моста, провелъ нѣсколько полезно-трудовыхъ недѣль въ веселомъ братствѣ и пріятныхъ дѣльныхъ занятіяхъ. Время это невольно напоминало мнѣ морскую службу, тѣмъ болѣе, что я сошелся здѣсь съ двумя сослуживцами и однокашниками, также покинувшими флотъ. Но, друзья, Морской Кадетской корпусъ оставилъ во мнѣ не тѣ впечатлѣнія, не тотъ поминъ, какъ Дерптскій университетъ. Оставлю это, и упомяну только, что 25 и 26 Августа сидѣлъ я, крѣпко задумавшись, въ землянкѣ своей, въ мостовомъ укрѣпленіи подъ Казимиромъ, прислушиваясь къ глухому гулу Варшавскихъ батарей и какъ бы стараясь распознать выстрѣлы *моего* артиллериста—и вѣщее, скорбящее сердце меня не обмануло: былъ тутъ и такой выстрѣлъ, который обдалъ его картечью и положилъ на мѣстѣ. Благородный сослуживецъ почтилъ могилу его памятникомъ.

Когда Варшава была взята, генералъ разбилъ и разогналъ всѣ скопища въ Сендомирскомъ и Краковскомъ воеводствахъ, и чтобы очистить всю страну эту положительно отъ буйныхъ головъ занялъ вольный городъ Краковъ, который самъ по себѣ не хотѣлъ, или не могъ выдать или прогнать ско-

пившихся въ немъ *повстанцевъ.* Краковскому сенату была предложена объ этомъ нота отъ трехъ державъ, и до времени назначенъ отъ нихъ же троякій гарнизонъ.

Вольный городъ никакъ не ожидалъ такой мѣры. Поляки были сначала грубы, дерзки, кричали и козыряли; но когда стали собирать по домамъ разбѣжавшіеся остатки отрядовъ Каминскаго и Ружицкаго, то офицеры сотнями переходили черезъ мостъ у Подгорья въ Галицію, высиживали тамъ холерный карантинъ и толпами расхаживали по правому прибережью Вислы. Собираясь покинуть отчизну свою навсегда, они прощались съ нею взорами, съ любопытствомъ поглядывая на то, что дѣлалось въ Краковѣ.

Древній Краковъ и окрестности его занимательны. Всюду бытописательныя, сказочныя и баснословныя воспоминанія; каждый предметъ говоритъ о старинѣ незапамятной: Флоріенская башня, при въѣздѣ въ городъ изъ Вильчковицъ, выстроенная по возвращеніи Собіескаго изъ-подъ Вѣны и изображающая въ 3 башенкахъ своихъ и воротахъ гербъ вольнаго Кракова; Миріинскій косцелъ, на площади, при которомъ постоянно содержится трубачь, обязанный выходить на колокольню и играть каждый разъ, когда бьютъ часы; это, говорятъ, осталось въ память Татарскихъ набѣговъ, когда такой же трубачь возвѣ-

щалъ жителямъ съ башни св. Маріи о предстоящей опасности. Ежегодно, на другой день Троицы, выѣзжаетъ изъ такъ называемаго звѣринца, за песками, черный рыцарь на деревянномъ конѣ—и народъ толпится около него и ликуетъ. Это также дѣлается въ память освобожденія въ этотъ день Кракова отъ Татаръ какимъ-то неизвѣстнымъ, явленнымъ чернымъ рыцаремъ. Гора Вавель, гдѣ сидѣлъ *смокъ*, змій-людоѣдъ, котораго убилъ Кракусъ, за что и признанъ былъ королемъ. Замокъ Кракуса, на Вавелѣ, изъ камня выстроенъ вновь Болеславомъ-Кривоустымъ; Владиславъ-Локетекъ передѣлалъ его по-своему, съ подземными ходами; Казимиръ-великій обновилъ, Сигисмундъ Августъ выстроилъ при немъ башню на крутомъ свѣсѣ, получившую названіе *куриной стопы*. Австрійцы, въ 1744 году, передѣлали замокъ въ казарму; а послѣ 1809 превратился онъ въ богадельню; впослѣдствіи поддерживали замокъ Кракуса собираемою съ городскихъ жителей поокончиною; въ *Суленицѣ*, что нынѣ гостиный дворъ, Казимиръ-великій давалъ пиръ тремъ королямъ, выдавая дочь за Владислава Чесскаго; наконецъ, даже самое жидовское предмѣстье Кракова — все это завлекаетъ и занимаетъ. Не менѣе любопытны окружности: могила Кракуса по ту сторону Вислы, гдѣ на Святой-недѣлѣ бываетъ гулянье; это огромный холмъ, называемой *Ручный*: преданіе увѣряетъ, что подданные Кракуса, изъ любви къ нему, насыпали могилу эту горстями; могила Ванды, полу-баснослов-

ной красавицы, наслѣдовавшей Кракусу; Нѣмецкій князь Рудигеръ и Владиславъ Чесскій искали руки ея; она полюбила Рудигера, а народъ требовалъ Владислава. Ванда отказала обоимъ. Рудигеръ собралъ войско и пришелъ подъ Краковъ—и Ванда, чтобы избавить Краковянъ отъ страшной войны, утопилась въ Вислѣ. Рудигеръ отошелъ съ грустію. Висла покинула на этомъ мѣстѣ старое русло свое и отошла на полмили, а Краковяне соорудили при деревнѣ Могилѣ памятникъ прекрасной и великодушной Вандѣ. Холмъ Костюшки лежитъ на горѣ св. Браниславы, на полмили отъ Кракова къ западу; самъ же Костюшка погребенъ на Вавелѣ, подлѣ Іоанна Собіескаго и Іосифа Понятовскаго. На горѣ св. Браниславы стоитъ каплица, часовня во имя той же святой, и подъ горой поселены семейства воиновъ, служившихъ подъ начальствомъ Костюшки и освобожденныхъ навсегда, съ потомками, отъ всякой подати. Могила знаменитой Эстерки, небольшой холмъ въ Лобзовѣ, въ полмилѣ отъ Кракова, гдѣ и по-нынѣ садъ и замокъ Казимира-великаго. Всѣ четыре могилы эти, столь богатыя воспоминаніями событій, были, какъ говорятъ, разрыты побѣдоносными Австрійцами. Судя по боковымъ ямамъ, это и вѣроятно. Говорятъ, что въ могилѣ Эстерки найдены были древнія и богатыя вещи.

Но знаменитѣйшая вещь, по близости Кракова, есть соляноломня въ Величкѣ, въ Галиціи. Мы съѣздили туда и видѣли подземныя палаты, церковь, озе-

ра, площади, улицы и переулки, простирающіеся въ три яруса на 140 саженей въ глубину, въ непрерывной толщѣ каменной соли. Ломня существуетъ съ 1043 года. Пластъ соли покрытъ пластомъ известковой ракушки въ 86 саженей толщины. Каплица украшена соляными изваяніями, во весь ростъ, островерхими памятниками, изсѣченными изъ полупрозрачной породы стоялами. Зала Суворова, вымощенная по приказанію побѣдоносца досками, великолѣпно убрана гранеными подвѣсками и соляными люстрами — и при свѣтѣ огня блещетъ радугами. Озера въ семь саженей глубины, по коимъ прогуливались мы на лодкахъ. Словомъ, этому дивному богатству природы нѣтъ подобнаго въ Европѣ; только нашъ Илецкій соляной пластъ, въ 60 верстахъ отъ Оренбурга, въ степи Зауральской, гдѣ необъятная и доселѣ неизмѣренная толща чистой каменной соли лежитъ непосредственно подъ тонкимъ слоемъ земли, можетъ сравниться съ солянымъ пріискомъ Велички.

И здѣсь, въ Величкѣ, разсказу моему досталась въ удѣлъ вотъ какая развязка.

Я упомянулъ уже, что Подгорье, лежащее по ту сторону моста, ведущаго черезъ Вислу, то есть на самомъ рубежѣ Галиціи, набито было Польскими военнослужащими всѣхъ полковъ, *яздъ* и *легій*. На мосту стояли попарно Русскіе и Австрійскіе часовые. Съ утра до вечера пестрая толпа въ чекмень-

кахъ, венгеркахъ, епанчахъ и мундирахъ стояла по одну сторону роковаго моста, между-тѣмъ-какъ множество колясокъ безпрестанно подъѣзжали къ мосту, по эту сторону—и шляпки и платочки, кивая и размахиваясь, привѣтствовали родныхъ.

Однажды стоялъ я, прошедши предмѣстье Казимира, неподалеку отъ моста и разговаривалъ съ Венгерскими гусарами, которые просили меня убѣдительно сводить ихъ въ станъ нашъ и показать казаковъ, когда, кинувъ случайно взоръ черезъ Вислу, наткнулся я на рослаго, статнаго молодца, въ синей цыфрованной серебромъ епанчѣ, въ бѣлой, валяной шапочкѣ. Глаза мои дрогнули, снова отыскали стараго знакомца—и передо мной лежала, казалось, милая Ванда, съ золотою цѣпочкою на бѣлой шеѣ, со скатившимся на мягкое изголовье продолговатымъ кружечкомъ... Измѣнникъ этотъ Полякъ въ бѣлой шапочкѣ—злой измѣнникъ: онъ покинулъ милую свою и, скатившись съ персей на изголовье, выдалъ чужому, постороннему человѣку сердечныя тайны Ванды! Но въ туже минуту спросилъ я у себя: кто же таковъ этотъ возмутитель мирной жизни, домашняго блаженства нашей Ванды? Братъ ли это ея, котораго она такъ нѣжно любитъ, или иной кто? Мнѣ хотѣлось перемигнуться съ нимъ, вздохнуть и пожать ему молча руку, подать вѣсточку о Вандѣ; но, признаюсь, не зная, какъ приметъ онъ привѣтствіе мое, я не хотѣлъ испытать недружественной встрѣчи.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ случилось быть въ самомъ Подгорьѣ, вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ, посланнымъ туда за дѣломъ. Со мною былъ мальчишка лѣтъ шести, сиротка, котораго взялъ я къ себѣ еще въ Любельскомъ воеводствѣ по особому случаю. Отецъ его, вдовецъ, таскалъ его съ собою по всѣмъ походамъ—и, будучи убитъ подъ Любартовымъ, предоставилъ сыночка попеченію нашихъ сестеръ милосердія—казаковъ. Ничто не можетъ быть забавнѣе и жалобнѣе этихъ маленькихъ звѣрковъ, проживающихъ на форпостахъ и пикетахъ, или пристающихъ къ полку на походѣ какъ голодная собаченка, которой солдаты кинутъ косточку или корку хлѣба, и которая, изъ благодарности, остается при полку на все время похода, и по всей справедливости носитъ имя полковой шавки. Полунагіе, зарываются ребятишки эти на ночь въ солому, ползутъ подъ плащъ солдата, переходятъ при смѣнѣ поста изъ рукъ въ руки, пекутъ преискусно на бивачномъ огнѣ вырытый ими по сосѣдству картофель или пшеничные колосья, и довольствуются крохами сострадательнаго казака или солдата. Шестилѣтній Францышекъ, не болѣе полугода тому, былъ съ отцемъ въ Каменцѣ. Взявъ его подъ свою опеку, узналъ я, что онъ даже часто бывалъ въ домѣ у старика нашего въ коричневомъ сюртукѣ. Какъ бойкій мальчишка, извѣдавшій на короткомъ вѣку своемъ болѣе, нежели иной восьмивершковый сидень, одаренный острою памятью, и наметавшись ко всему и для всего, Францышекъ исполнялъ отлич-

но хорошо всякое порученіе, не хуже любаго деньщика или жида-фактора. Я глядѣлъ, задумавшись, на шестидесятилѣтняго Польскаго магната, который сидѣлъ въ Подгорьѣ съ женою и всѣмъ семействомъ. Статный, высокій ростъ его, лѣта, сѣдина и выразительное худощавое лице, привлекли на себя мое вниманіе, и я въ раздумьѣ сравнивалъ участь его, минувшую и настоящую. Долгополый, плотно застегнутый сюртукъ и нахлобученная на глаза круглая шляпа, казалось, отъ взоровъ любопытныхъ хотѣли скрыть проживающаго здѣсь подъ чужимъ именемъ князя. Въ это время мимоходомъ вѣжливо поклонился ему нашъ знакомый незнакомецъ въ бѣлой шапочкѣ, сложивъ руки сталъ на пригоркѣ и глядѣлъ задумчиво и грустно черезъ Вислу. Я хотѣлъ подойти къ нему—и опять раздумалъ, а подозвалъ Францышка и велѣлъ ему заговорить съ нимъ и разсказать, что онъ бывалъ въ Каменцѣ и знаетъ отца и семейство Ванды. Самъ же я сталъ поодаль и прислушивался къ разговору. Изумленный, обрадованный и сильно тронутый, молодой офицеръ забросалъ Францышка вопросами — и не могъ опомниться отъ этой нечаянной встрѣчи, и оглядывался кругомъ, какъ будто искалъ, откуда явился благодатный вѣстникъ. Мы сошлись, и я увидѣлъ, что недовѣрчивость и опасенія мои были въ этомъ случаѣ излишни—и я гордился и радовался за Ванду. Я узналъ въ ея избранномъ человѣка образованнаго, съ умомъ и съ чувствомъ. Это былъ ея женихъ. Бѣдная Ванда!—ска-

залъ онъ, когда мы прощались съ нимъ, поговоривши болѣе часу—бѣдная Ванда! судьба (позвольте мнѣ, продолжалъ онъ съ горькими слезами на глазахъ, назвать это судьбою), судьба лишила тебя подруги, жениха и брата, и надѣлила сердцемъ, которое не перенесетъ этой утраты!

Родный мнѣ по Вандѣ, знакомый незнакомецъ нашъ, неотступными просьбами выпросилъ у меня Францышка, съ которымъ не хотѣлъ разстаться.

Въ 1833 году встрѣтился я съ офицеромъ, товарищемъ по службѣ, хотя и не по званію—потому-что Павлоградскій гусаръ не докторъ—встрѣтился съ землякомъ и товарищемъ, съ которымъ, два года тому назадъ, были вмѣстѣ въ Каменцѣ и часто разговаривали о Вандѣ и старикѣ въ коричневомъ сюртукѣ. Разговорившись о быломъ времени, я спросилъ: не знаешь ли, что съ ними сталось?

«Полгода тому назадъ, отвѣчалъ Павлоградецъ, покачавъ головой, былъ я въ Каменцѣ — и, спустившись съ каменнаго моста, прошелъ направо въ слободку мимо знакомой, привѣтливой избушки: палисадникъ запущенъ, цвѣты заросли бурьяномъ и крапивой—никто объ нихъ не заботится; калиточка заколочена шелевкой наглухо; старикъ въ коричневомъ сюртукѣ выходитъ по-утрамъ одинъ-одинехо-

некъ и запираетъ за собою приворотную калитку на-замокъ. Ребятишекъ отдалъ онъ въ какое-то заведеніе, кажется, въ Кременецъ; больше видно никого не осталось.»

В. Луганскій.

ГОРОДЪ БЕЗЪ ИМЕНИ. *

(А. И. Кошелеву)

Въ пространныхъ равнинахъ Верхней-Канады, на пустынныхъ берегахъ Ораноко, находятся остатки зданій, бронзовыхъ оружій, произведенія скульптуры, которые свидѣтельствуютъ, что нѣкогда просвѣщенные народы обитали въ сихъ странахъ, гдѣ нынѣ кочуютъ лишь толпы дикихъ звѣроловцевъ.

Гумбольдтъ. *Vues des Cordilières. T. 1.*

..... Дорога тянулась между скалъ, поросшихъ мохомъ. Лошади скользили, поднимаясь на крутизну, и наконецъ совсѣмъ остановились. Мы принуждены были выйти изъ коляски...

Тогда только мы замѣтили на вершинѣ почти неприступнаго утеса нѣчто имѣвшее видъ человѣка. Это привидѣніе въ черной епанчѣ сидѣло недвижно между грудами камней въ глубокомъ безмолвіи. Подойдя ближе къ утесу, мы удивлялись, какимъ обра-

* Изъ полнаго собранія сочиненій Князя Владиміра Өедоровича Одоевскаго. Эта книга въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

зомъ это существо могло взобраться на вышину почти по голымъ отвѣснымъ стѣнамъ. Почтальонъ на наши вопросы отвѣчалъ, что этотъ утесъ съ нѣкотораго времени служитъ обиталищемъ черному человѣку, и ему сказывали въ околодкѣ, что этотъ черный человѣкъ сходитъ рѣдко съ утеса и только за пищею, потомъ снова возвращается на утесъ и по цѣлымъ днямъ или бродитъ печально между камнями, или сидитъ недвижимъ какъ статуя.

Этаго разсказа было довольно, чтобы возбудить наше любопытство. Почтальонъ указалъ намъ узкую лѣстницу, которая вела на вершину. Мы дали ему нѣсколько денегъ, чтобы заставить его ожидать насъ спокойнѣе—и черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на утесѣ.

Странная картина намъ представилась. Утесъ былъ усѣянъ обломками камней, имѣвшими видъ развалинъ. Иногда причудливая рука природы, или древнее незапамятное искуство, растягивала ихъ длинною чертою въ видѣ стѣны, иногда сбрасывала въ груду обвалившагося свода. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обманутое воображеніе видѣло подобіе перистилей. Юныя деревья въ разныхъ направленіяхъ выказывались изъ-за обломковъ; повилика пробивалась между разсѣлинъ и довершала очарованіе.

Шорохъ листьевъ заставилъ черпаго человѣка обернуться. Онъ всталъ, оперся на камень, имѣвшій

видъ пьедестала, и смотрѣлъ на насъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но безъ досады. Видъ незнакомца былъ строгъ и величественъ: въ глубокихъ впадинахъ горѣли черные большіе глаза; брови были наклонены, какъ у человѣка, привыкшаго къ безпрестанному размышленію; станъ незнакомца казался еще величавѣе отъ черной епанчи, которая живописно струилась по лѣвому плечу его и ниспадала на землю.

Мы старались извиниться, что нарушили его уединеніе... «Правда...» сказалъ незнакомецъ послѣ нѣкотораго молчанія... «я здѣсь рѣдко вижу посѣтителей; люди живутъ, люди проходятъ... разительныя зрѣлища остаются въ сторонѣ; люди идутъ дальше, дальше—пока сами не обратятся въ печальное зрѣлище...

— Не мудрено, что васъ мало посѣщаютъ, возразилъ одинъ изъ насъ, чтобы завести разговоръ, это мѣсто такъ уныло—оно похоже на кладбище...

«На кладбище...» перервалъ незнакомецъ, «да, это правда!» прибавилъ онъ горько—«это правда—здѣсь могила многихъ мыслей, многихъ чувствъ, многихъ воспоминавій...»

— Вы вѣрно потеряли кого-нибудь очень дорогаго вашему сердцу—продолжалъ мой товарищъ...

Незнакомецъ взглянулъ на него быстро: въ глазахъ его выражалось удивленіе...

«Да, сударь»—отвѣчалъ онъ—«я потерялъ самое драгоцѣнное въ жизни—я потерялъ отчизну...»

— Отчизну?...

«Да! отчизну—вы видите ея развалины. Здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, нѣкогда волновались страсти, горѣла мысль, блестящіе чертоги возносились къ небу, сила искуства приводила природу въ недоумѣніе... Теперь остались одни камни, заросшіе травою—бѣдная отчизна! я предвидѣлъ твое паденіе, я стеналъ на твоихъ распутіяхъ: ты не услышала моего стона... и мнѣ суждено было пережить тебя.» Незнакомецъ бросился на камень, скрывая лице свое... Вдругъ онъ воспрянулъ и старался оттолкнуть отъ себя камень, служившій ему подпорою.

«Опять ты предо мною, вскричалъ онъ, ты, вина всѣхъ бѣдствій моей отчизны—прочь—прочь—мои слезы не согрѣютъ тебя столбъ безжизненный... слезы безполезны... безполезны?... не правда ли?...» Незнакомецъ захохоталъ.

Желая дать другой оборотъ его мыслямъ, которыя съ каждою минутою становились для насъ непонятнѣе, мой товарищъ спросилъ незнакомца, какъ называлась страна, посреди развалинъ которой мы находились?

«У этой страны нѣтъ имени—она недостойна его; нѣкогда она носила имя, имя громкое, славное, но она втоптала его въ землю, годы засыпали его прахомъ; мнѣ не позволено снимать завѣсу съ этаго таинства . . .»

— Позвольте васъ спросить, продолжалъ мой товарищъ, не уже ли ни на одной картѣ не означена страна, о которой вы говорите? . . .

Этотъ вопросъ, казалось, поразилъ незнакомца...

«Даже на картѣ . . .» повторилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: «да, это можетъ быть... это должно такъ быть, такъ... посреди безчисленныхъ переворотовъ, потрясавшихъ Европу въ послѣдніе вѣки, легко можетъ статься, что никто и не обратилъ вниманія на небольшую колонію, поселившуюся на этомъ неприступномъ утесѣ; она успѣла образоваться, процвѣсть и . . . погибнуть, незамѣченная историками... но впрочемъ . . . позвольте . . . это не то . . . она и не должна была быть замѣченною; скорбь смѣшиваетъ мои мысли, и ваши вопросы меня смущаютъ . . . Если хотите . . . я вамъ разскажу исторію этой страны по порядку . . . это мнѣ будетъ легче . . . одно будетъ напоминать другое... только не перерывайте меня...»

Незнакомецъ облокотился на пьедесталъ какъ будто на каѳедру, и съ важнымъ видомъ оратора началъ такъ:

Давно, давно—въ XVIII столѣтіи всѣ умы были взволнованы теоріями общественнаго устройства; вездѣ спорили о причинахъ упадка и благоденствія государствъ, и на площади, и на университетскихъ диспутахъ, и въ спальнѣ красавицъ, и въ комментаріяхъ къ древнимъ писателямъ, и на полѣ битвы.

Тогда одинъ молодой человѣкъ въ Европѣ былъ озаренъ новою, оригинальною мыслію. Насъ окружаютъ, говорилъ онъ, тысячи мнѣній, тысячи теорій; всѣ онѣ имѣютъ одну цѣль—благоденствіе общества, и всѣ противорѣчатъ другъ другу. Посмотримъ, нѣтъ ли чего-нибудь общаго всѣмъ этимъ мнѣніямъ? Говорятъ о правахъ человѣка, о должностяхъ: но что можетъ заставить человѣка не переступать границъ своего права? что можетъ заставить человѣка свято хранить свою должность? одно—собственная его польза! Тщетно вы будете ослаблять права человѣка, когда къ сохраненію ихъ влечетъ его собственная польза; тщетно вы будете доказывать ему святость его долга, когда онъ въ противорѣчіи съ его пользою. Да, польза есть существенный двигатель всѣхъ дѣйствій человѣка! Что безполезно—то вредно, что полезно—то позволено. Вотъ единственное твердое основаніе общества! Польза и одна польза—да будетъ вашимъ и первымъ и послѣднимъ закономъ! Пусть изъ нея происходить будутъ всѣ ваши постановленія, ваши занятія, ваши нравы; пусть польза замѣнитъ шаткія основанія такъ называемой совѣсти, такъ называемаго врожденнаго чув-

ства, всѣ поэтическія бредни, всѣ вымыслы филантроповъ—и общество достигнетъ прочнаго благоденствія.

Такъ говорилъ молодой человѣкъ въ кругу своихъ товарищей—и это былъ—мнѣ не нужно называть его—это былъ Бентамъ.

Блистательные выводы, построенные на столь твердомъ, положительномъ основаніи, воспламенили многихъ. Посреди стараго общества нельзя было привести въ исполненіе обширную систему Бентама: тому противились и старые люди, и старыя книги и старыя повѣрья. Эмиграціи были въ модѣ. Богачи, художники, купцы, ремесленники обратили свое имѣніе въ деньги, запаслись земледѣльческими орудіями, машинами, математическими инструментами, сѣли на корабль и пустились отыскивать какой-нибудь незанятый уголокъ міра, гдѣ спокойно, въ дали отъ мечтателей, можно было осуществить блистательтую систему.

Въ это время гора, на которой мы теперь находимся, была окружена со всѣхъ сторонъ моремъ. Я еще помню, когда паруса нашихъ кораблей развѣвались въ гавани. Неприступное положеніе этаго острова понравилось нашимъ путешественникамъ. Они бросили якорь, вышли на берегъ, не нашли на немъ ни однаго жителя и заняли землю по праву перваго пріобрѣтателя.

Всѣ, составлявшіе эту колонію, были люди болѣе или менѣе образованные, одаренные любовію къ наукамъ и искуствамъ, отличавшіеся изысканностію вкуса, привычкою къ изящнымъ наслажденіямъ. Скоро земля была воздѣлана; огромныя зданія, какъ бы сами собою, поднялись изъ нея; въ нихъ соединились всѣ прихоти, всѣ удобства жизни; машины, фабрики, библіотеки, все явилось съ невыразимою быстротою. Избранный въ правители лучшій другъ Бентама все подвигалъ своею сильною волею и своимъ свѣтлымъ умомъ. Замѣчалъ ли онъ гдѣ-нибудь малѣйшее ослабленіе, малѣйшую нерадивость: онъ произносилъ завѣтное слово *польза* — и все по-прежнему приходило въ порядокъ, поднимались лѣнивыя руки, воспламенялась погасавшая воля—словомъ, колонія процвѣтала. Проникнутые признательностію къ виновнику своего благоденствія, обитатели счастливаго острова на главной площади своей воздвигнули колосальную статую Бентама и на пьедесталѣ золотыми буквами начертали: *польза*.

Такъ протекли долгіе годы. Ничто не нарушало спокойствія и наслажденій счастливаго острова. Въ самомъ началѣ возродился-было споръ по предмету довольно важному. Нѣкоторые изъ первыхъ колонистовъ, привыкшіе къ вѣрѣ отцовъ своихъ, находили необходимымъ устроить храмъ для жителей. Разумѣется, что тотчасъ же возродился вопросъ: полезно ли это? и многіе утверждали, что храмъ не есть какое-либо мануфактурное заведеніе, и что слѣдственно не можетъ

приносить никакой ощутительной пользы. Но первые возражали, что храмъ необходимъ для того, чтобы проповѣдники могли безпрестанно напоминать обитателямъ, что польза есть единственное основаніе нравственности и единственный законъ для всѣхъ дѣйствій человѣка. Съ этимъ всѣ согласились—и храмъ былъ устроенъ.

Колонія процвѣтала. Общая дѣятельность превосходила всякое вѣроятіе. Съ ранняго утра жители всѣхъ сословій поднимались съ постели, боясь потерять понапрасну и малѣйшую частицу времени—и всякій принимался за свое дѣло: одинъ трудился надъ машиной, другой взрывалъ новую землю, третій пускалъ въ ростъ деньги—едва успѣвали обѣдать. Въ обществахъ былъ одинъ разговоръ—о томъ, изъ чего можно извлечь себѣ пользу? Появилось множество книгъ по сему предмету — что я говорю? однѣ такаго рода книги и выходили. Дѣвушка вмѣсто романа читала трактатъ о прядильной фабрикѣ; мальчикъ лѣтъ двѣнадцати уже начиналъ откладывать деньги на составленіе капитала для торговыхъ оборотовъ. Въ семействахъ не было ни безполезныхъ шутокъ, ни безполезныхъ разсѣяній—каждая минута дня была разочтена, каждый поступокъ взвѣшенъ, и ничто даромъ не терялось. У насъ не было минуты спокойствія, не было минуты того, что другіе называли самонаслажденіемъ—жизнь безпрестанно двигалась, вертѣлась, трещала.

Нѣкоторые изъ художниковъ предложили устроить театръ. Другіе находили такое заведеніе совершенно безполезнымъ. Споръ долго длился—но наконецъ рѣшили, что театръ можетъ быть полезнымъ заведеніемъ, если всѣ представленія на немъ будутъ имѣть цѣлію доказать, что польза есть источникъ всѣхъ добродѣтелей, и что безполезное есть главная вина всѣхъ бѣдствій человѣчества. На этомъ условіи театръ былъ устроенъ.

Возникали многіе подобные споры; но какъ государствомъ управляли люди, обладавшіе Бентамовою неотразимою діалектикою, то скоро прекращались ко всеобщему удовольствію. Согласіе не нарушалось—колонія процвѣтала!

Восхищенные своимъ успѣхомъ, колонисты положили на вѣчныя времена не перемѣнять своихъ узаконеній, какъ признанныхъ на опытѣ послѣднимъ совершенствомъ, до котораго человѣкъ можетъ достигнуть. Колонія процвѣтала. Такъ протекло много времени. Не вдалекѣ отъ насъ, также на необитаемомъ островѣ, поселилась другая колонія. Она состояла изъ людей простыхъ, изъ земледѣльцевъ, которые поселились тутъ не для осуществленія какой либо системы, но просто, чтобы снискивать себѣ пропитаніе. То, что у насъ производили энтузіазмъ и правила, которыя мы сосали съ молокомъ матери, то у нашихъ сосѣдей производилось необходимостью

жить и трудомъ безотчетнымъ, но постояннымъ. Ихъ нивы, луга были разработаны, и возвышенная искуствомъ земля сторицею вознаграждала трудъ человѣка.

Между-тѣмъ въ нашей колоніи народонаселеніе умножилось, потерялась соразмѣрность между жителями земли и ея произведеніями. Мы невольно обратили вниманіе на плодоносный, обработанный островъ нашихъ сосѣдей. Правитель колоніи, собравши выборныхъ людей, предложилъ имъ на разрѣшеніе вопросъ: не будетъ ли полезно для нашей колоніи пріобрѣсти землю нашихъ сосѣдей? Всѣ отвѣчали утвердительно. За симъ слѣдовали другіе вопросы: какъ пріобрѣсти эту землю, деньгами, или силою? На этотъ вопросъ отвѣчали, что сначала надобно испытать деньгами; а если это средство не удастся, то употребить силу. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта, хотя и соглашались, что народонаселеніе нашей колоніи требовало новой земли, но что, можетъ быть, было бы согласно болѣе съ справедливостію занять какой-либо другой необитаемый островъ, нежели посягать на чужую собственность. Но эти люди были признаны за вредныхъ мечтателей; имъ доказано было посредствомъ математической выкладки, во сколько разъ болѣе выгодъ можетъ принести земля уже обработанная, въ сравненіи съ землею, до которой еще не прикасалась рука человѣка. Рѣшено было отправить къ нашимъ сосѣдямъ предложеніе объ уступкѣ намъ земли ихъ за извѣстную сумму. Сосѣди не согласились. Тогда, при-

ведя въ торговый балансъ издержки на войну съ выгодами, которыя можно было извлечь изъ земли нашихъ сосѣдей, мы напали на нихъ вооруженною рукою, уничтожили все, что противопоставляло намъ какое либо сопротивленіе; остальныхъ принудили откочевать въ дальнія страны, а сами вступили въ обладаніе островомъ.

Такъ, по мѣрѣ надобности, поступали мы и въ другихъ случаяхъ. Несчастные обитатели окружныхъ земель, казалось, разработывали ихъ для того только, чтобы сдѣлаться нашими жертвами. Имѣя безпрестанно въ виду только собственную пользу, мы почитали противъ нашихъ сосѣдей всѣ средства дозволенными—и подкупы, и обманъ, и политическія хитрости. Мы ссорили сосѣдей между собою, чтобъ уменьшить ихъ силы; поддерживали слабыхъ, чтобы противупоставить ихъ сильнымъ; нападали на сильныхъ, чтобы возстановить противъ нихъ слабыхъ. Мало-по-малу всѣ окружныя колоніи, одна за другою, подпали подъ нашу власть—и Бентамія сдѣлалась государствомъ грознымъ и сильнымъ. Мы величали себя похвалами за наши великіе подвиги, и нашимъ дѣтямъ поставляли въ примѣръ тѣхъ достославныхъ мужей, которые обманомъ или оружіемъ обогатили нашу колонію. Колонія процвѣтала.

Протекло нѣсколько времени. Вскорѣ за покоренными сосѣдями мы встрѣтили другихъ, кото-

рыхъ покореніе было не столь удобно. Тогда возникли у насъ споры. Пограничные города нашего государства, получившіе важныя выгоды отъ торговли съ иноземцами, находили полезнымъ быть съ ними въ мирѣ. Напротивъ жители внутреннихъ городовъ, стѣсненные въ маломъ пространствѣ, жаждали расширенія предѣловъ государства и находили весьма полезнымъ затѣять ссору съ сосѣдями, хоть для того, чтобы избавиться отъ излишка своего народонаселеніе. Голоса раздѣлились. Обѣ стороны говорили объ одномъ и томъ же — объ общей пользѣ, не замѣчая того, что каждая сторона подъ этимъ словомъ понимала лишь свою собственную. Были еще другіе, которые, желая предупредить сію распрю, заводили рѣчь о самоотверженіи, о взаимныхъ уступкахъ, о необходимости пожертвовать въ настоящемъ лишеніи для блага будущихъ поколѣній. Этихъ людей обѣ стороны засыпали неопровержимыми математическими выкладками; этихъ людей обѣ стороны назвали вредными мечтателями: и государство распалось на двѣ части—одна изъ нихъ объявила войну иноземцамъ, другая заключила съ ними торговый трактатъ.

Это раздробленіе государства сильно подѣйствовало на его благоденствіе. Нужда оказалась во всѣхъ классахъ; должно было отказать себѣ въ нѣкоторыхъ удобствахъ жизни, обратившихся въ привычку. Это показалось нестерпимымъ. Нужда произвела новую промышленную дѣятельность, новое изысканіе средствъ

для пріобрѣтенія прежняго достатка. Не смотря на всѣ усилія, Бентамиты не могли возвратить въ свои домы прежней роскоши—и на то были многія причины. При усиленной дѣятельности всѣхъ и каждаго, между отдѣльными городами часто происходило тоже, что между двумя частями государства. Противоположныя выгоды встрѣчались; одинъ не хотѣлъ уступить другому. Для однаго города нуженъ былъ каналъ, для другаго желѣзная дорога; для однаго въ одномъ направленіи, для другаго въ другомъ. Никто не хотѣлъ пожертвовать частію своихъ выгодъ для общихъ—и каналы засорялись, дороги не оканчивались по недостатку общаго содѣйствія; фабрики, заводы упадали; библіотеки были распроданы; театры закрылись. Нужда увеличивалась и поражала равно всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Она раздражала сердца; отъ упрековъ доходили до распрей; обнажались мечи, кровь лилась, возставала страна на страну, одно поселеніе на другое. Земля оставалась незасѣянною; богатая жатва истреблялась врагомъ. Отецъ семейства, ремесленникъ, купецъ отрывались отъ своихъ мирныхъ занятій: съ тѣмъ вмѣстѣ общія страданія увеличивались. Въ сихъ внѣшнихъ и междоусобныхъ браняхъ, которыя то прекращались навремя, то вспыхивали съ новымъ ожесточеніемъ, протекло еще много лѣтъ. Отъ общихъ и частныхъ скорбей общимъ чувствомъ сдѣлалось общее уныніе. Истощенные долгой борьбою, люди предались бездѣйствію. Никто не хотѣлъ ничего предпринимать для

будущаго. Всѣ чувства, всѣ мысли, всѣ побужденія человѣка ограничились настоящей минутой. Отецъ семейства возвращался въ домъ скучный, печальный. Его не тѣшили ни ласки жены, ни умственное развитіе дѣтей. Воспитаніе казалось излишнимъ. Одно считалось нужнымъ—правдою или неправдой добыть себѣ нѣсколько вещественныхъ выгодъ. Этому искуству отцы боялись учить дѣтей своихъ, чтобы не дать имъ оружія противъ самихъ себя; да и было бы излишнимъ. Юный Бентамитъ, съ раннихъ лѣтъ, изъ древнихъ преданій, изъ разсказовъ матери научался одной наукѣ—избѣгать законовъ Божескихъ и человѣческихъ, и смотрѣть на нихъ лишь какъ на одно изъ средствъ извлекать себѣ какую-нибудь выгоду. Нечему было оживить борьбу человѣка; нечему было утѣшать его въ скорби. Божественный, одушевляющій языкъ поэзіи былъ недоступенъ до Бентамита. Великія явленія природы не погружали его въ ту безпечную думу, которая отторгаетъ человѣка отъ земной скорби. Мать не умѣла завести пѣсни надъ колыбелью младенца. Естественная, поэтическая стихія издавна была умерщвлена корыстными расчетами пользы. Смерть сей стихіи заразила всѣ другія стихіи человѣческой природы; всѣ отвлеченныя, общія мысли, связывающія людей между собою, показались бредомъ; книги, знанія, законы нравственности—безполезною роскошью. Отъ прежнихъ славныхъ временъ осталось только одно слово *польза*: но и то получило смыслъ

неопредѣленный, который всякой толковалъ по-своему.

Вскорѣ раздоры возникли внутри самаго нашего города. Въ его окрестностяхъ находились богатые рудники каменнаго угля. Владѣльцы сихъ рудниковъ получали отъ нихъ богатый доходъ. Но отъ долгаго времени и углубленія копей они наполнились водой. Добываніе угля сдѣлалось труднымъ. Владѣльцы рудниковъ возвысили на него цѣну. Остальные жители внутри города по дороговизнѣ не могли болѣе имѣть въ достаточномъ количествѣ сего необходимаго матеріала. Наступила зима: недостатокъ въ углѣ сдѣлался еще болѣе ощутительнымъ. Бѣдные прибѣгнули къ правительству. Правительство предложило средства вывести воду изъ рудниковъ, и тѣмъ облегчить добываніе угля. Богатые воспротивились, доказывая неопровержимыми выкладками, что имъ выгоднѣе продавать малое количество за дорогую цѣну, нежели остановить работу для осушенія копей. Начались споры, и кончилось тѣмъ, что толпа бѣдняковъ, дрожавшихъ отъ холода, бросилась на рудники и овладѣла ими, доказывая съ своей стороны также неопровержимо, что имъ гораздо выгоднѣе брать уголь даромъ, нежели платить за него деньги.

Подобныя явленія повторялись безпрестанно. Они наводили сильное безпокойство на всѣхъ обитателей города, не оставляли ихъ ни на площади, ни подъ до-

машнпмъ кровомъ. Всѣ видѣли общее бѣдствіе—и никто не зналъ, какъ пособить. Наконецъ, отыскивая повсюду вину своихъ несчастій, они вздумали, что причина находится въ правительствѣ, ибо оно, хотя изрѣдка, въ своихъ воззваніяхъ напоминало о необходимости помогать другъ другу, жертвовать своею пользою пользѣ общей. Но уже всѣ воззванія были поздны; всѣ понятія въ обществѣ перемѣшались, слова перемѣнили значеніе; самая общая польза казалась уже мечтою; эгоизмъ былъ единственнымъ, святымъ правиломъ жизни; безумцы обвинили своихъ правителей въ ужаснѣйшемъ преступленіи—въ поэзіи. «Зачѣмъ намъ эти философическія толкованія о добродѣтели, о самоотверженіи, о гражданской доблести? какіе они приносятъ проценты? Помогите нашимъ существеннымъ, положительнымъ нуждамъ!» кричали несчастные, не зная, что существенное зло было въ ихъ собственномъ сердцѣ. «Зачѣмъ, говорили купцы, намъ эти ученые и поэты? имъ ли править городомъ? Мы занимаемся настоящимъ дѣломъ; мы получаемъ деньги, мы платимъ, мы покупаемъ произведенія земли, мы продаемъ ихъ, мы приносимъ существенную пользу: мы должны быть правителями!» И всѣ, въ комъ нашлась хотя искра божественнаго огня, были, какъ вредные мечтатели, изгнаны изъ города. Купцы сдѣлались правителями, и правленіе обратилось въ компанію на акціяхъ. Исчезли всѣ великія предпріятія, которыя не могли непосредственно принести какой-либо выгоды, или которыхъ цѣль неясно представлялась

ограниченному, корыстному взгляду торговцевъ. Государственная проницательность, мудрое предвѣдѣніе, исправленіе нравовъ, все. что не было направлено прямо къ коммерческой цѣли, словомъ, что не могло приносить процентовъ, было названо—мечтами. Науки и искуства замолкли совершенно; не являлось новыхъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій. Умножившееся народонаселеніе требовало новыхъ силъ промышленности; а промышленность тянулась по старинной избитой колеѣ и не отвѣчала возрастающимъ нуждамъ. Предстали предъ человѣка нежданыя разрушительныя явленія природы: униженный человѣкъ преклонялъ предъ ними главу свою, а природа, необузданная его властью, уничтожала однимъ дуновеніемъ плоды его прежнихъ усилій. Всѣ силы дряхлѣли въ человѣкѣ. Даже честолюбивые замыслы, которые могли бы въ будущемъ усилить торговую дѣятельность, но въ настоящемъ разстроивали выгоды купцевъ-правителей, были названы предразсудками. Государство оставалось безъ религіи, безъ поэзіи, безъ нравственныхъ законовъ, безъ умственныхъ занятій. Обманъ, подлоги, умышленное банкрутство, полное презрѣніе къ достоинству человѣка, боготвореніе злата, угожденіе плоти—стали дѣломъ общимъ, позволеннымъ, необходимымъ. Общія страданія увеличились.

Въ это время на площади однаго изъ городовъ нашего государства явился человѣкъ, блѣдный, съ

распущенными волосами, въ погребальной одеждѣ. «Горе, восклицалъ онъ, посыпая прахомъ главу свою, горе тебѣ, страна нечестія; ты избила своихъ пророковъ, и твои пророки замолкли! Горе тебѣ! Смотри, на высокомъ небѣ уже собираются грозныя тучи: или ты не боишься, что огнь небесный ниспадетъ на тебя и пожжетъ твои веси и нивы? Или спасутъ тебя твои мраморные чертоги, роскошная одежда, груды злата, толпы рабовъ, твое лицемѣріе и коварство? Ты растлила свою душу, ты отдала свое сердце въ куплю, и забыла все великое и святое; ты смѣшала значеніе словъ и назвала златомъ добро, добромъ злато, коварство умомъ и умъ коварствомъ; ты презрѣла любовь, ты презрѣла науку ума и науку сердца. Падутъ твои чертоги, порвется твоя одежда, травою порастутъ твои стогны, и имя твое будетъ забыто. Я послѣдній изъ твоихъ пророковъ взываю къ тебѣ: брось куплю и злато, ложь и нечестіе, оживи мысли ума и чувства сердца, преклони колѣна не предъ алтарями кумировъ, но предъ алтаремъ безкорыстной любви... Но я слышу голосъ твоего огрубѣлаго сердца; слова мои тщетно ударяютъ въ слухъ твой: ты не покаешься—проклинаю тебя!» Съ сими словами говорившій упалъ ницъ на землю. Полиція раздвинула толпу любопытныхъ и отвела несчастнаго въ сумасшедшій домъ. Чрезъ нѣсколько дней жители нашего города были поражены ужасною грозою. Казалось, все небо было въ пламени, тучи разрывались свѣтло-синею молніею, удары гро-

ма слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно; деревья вырывало съ корнемъ; многія зданія въ нашемъ городѣ были разбиты громовыми стрѣлами. Но больше несчастій не было; только чрезъ нѣсколько времени въ *прейсъ-курантѣ*, единственной газетѣ, у насъ издававшейся, мы прочли слѣдующую статью:

«Мыломъ тихо. На партіи бумажныхъ чулокъ «дѣлаютъ двадцать процентовъ уступки. Выбойка тре-«буется.

«P. S. Спѣшимъ увѣдомить нашихъ читателей, «что бывшая за двѣ недѣли гроза нанесла ужасное «поврежденіе на четыреста миль въ окружности нашего «города. Многіе города сгорѣли отъ молніи. Къ довер-«шенію бѣдствій, въ сосѣдственной горѣ образовался «волканъ; истекшая изъ него лава истребила то, что «было пощажено грозою. Тысячи жителей лишились «жизни. Къ счастію остальныхъ, застывшая лава пред-«ставила имъ новый источникъ промышленности. Они «отламываютъ разноцвѣтные куски лавы и обращаютъ «ихъ въ кольца, серги и другія украшенія. Мы совѣ-«туемъ нашимъ читателямъ воспользоваться несчаст-«нымъ положеніемъ сихъ промышленниковъ. По не-«обходимости они продаютъ свои произведенія почти «за-даромъ, а извѣстно, что всѣ вещи, дѣлаемыя изъ «лавы, могутъ быть перепроданы съ большою выго-«дою и проч!...»

Нашъ незнакомецъ остановился. «Что вамъ разсказывать болѣе? Недолго могла продлиться наша ис-

кустванная жизнь, составленная изъ купеческихъ оборотовъ.

Протекло нѣсколько столѣтій. За купцами пришли ремесленники. «Зачѣмъ, кричали они, намъ этихъ людей, которые пользуются нашими трудами, и, спокойно сидя за своимъ столомъ, наживаются? Мы работаемъ въ потѣ лица; мы знаемъ трудъ; безъ насъ они бы не могли существовать. Мы приносимъ существенную пользу городу: мы должны быть правителями!» И всѣ, въ комъ таилось хоть какое либо общее понятіе о предметахъ, были изгнаны изъ города; ремесленники сдѣлались правителями—и правленіе обратилось въ мастерскую. Исчезла торговая дѣятельность; ремесленныя произведенія наполнили рынки; не было центровъ сбыта; пути сообщенія пресѣклись отъ невѣжества правителей; искуства оборачивать капиталы утратились; деньги сдѣлались рѣдкостью. Общія страданія умножились.

За ремесленниками пришли землепашцы. «Зачѣмъ, кричали они, намъ этихъ людей, которые занимаются бездѣлками—и, сидя подъ теплою кровлею, съѣдаютъ хлѣбъ, который мы вырабатываемъ въ потѣ лица, ночью и днемъ, въ холодѣ и въ зноѣ? Что бы они стали дѣлать, если бы мы не кормили ихъ своими трудами? Мы приносимъ существенную пользу городу; мы знаемъ его первыя необходимыя нужды; мы должны быть правителями.» И всѣ, кто только

имѣлъ руку, непривыкшую къ грубой земляной работѣ, всѣ были изгнаны вонъ изъ торода.

Подобныя явленія происходили съ нѣкоторыми измѣненіями и въ другихъ городахъ нашей земли. Изгнанные изъ одной страны приходили въ другую, находили минутное убѣжище; но ожесточившаяся нужда заставляла ихъ искать новаго. Гонимые изъ края въ край, они собирались толпами и вооруженной рукою добывали себѣ пропитаніе. Нивы истаптывались конями; жатва истреблялась прежде созрѣнія. Земледѣльцы принуждены были, для охраненія себя отъ набѣговъ, оставить свои занятія. Небольшая часть земли засѣивалась и, обработываемая посреди тревогъ и безпокойства, приносила плодъ скудный. Предоставленная самой себѣ, безъ пособій искуства, она заростала дикими травами, кустарникомъ, или заносилась морскимъ пескомъ. Некому было указать на могущественныя пособія науки, долженствовавшія предупредить общія бѣдствія. Голодъ, со всѣми его ужасами, бурной рѣкою разлился по странѣ нашей. Братъ убивалъ брата остаткомъ плуга, и изъ окровавленныхъ рукъ вырывалъ бѣдную пищу. Великолѣпныя зданія въ нашемъ городѣ давно уже опустѣли; безполезные корабли сгнивали въ пристани. И странно и страшно было видѣть возлѣ мраморныхъ чертоговъ, говорившихъ о прежнемъ величіи, необузданную, грубую толпу, въ буйномъ развратѣ спорившую о власти и о дневномъ пропитаніи! Землетрясенія довершили на-

чатое людьми: они опрокинули всѣ памятники древнихъ временъ, засыпали ихъ пепломъ; время заволокло ихъ травою. Отъ древнихъ воспоминаній остался лишь одинъ четвероугольный камень, на которомъ нѣкогда возвышалась статуя Бентама. Жители удалились въ лѣса, гдѣ ловля звѣрей представляла имъ возможность снискивать себѣ пропитаніе. Разлученныя другъ отъ друга семейства дичали; съ каждымъ поколѣніемъ терялась часть воспоминаній о прошедшемъ. Наконецъ, горе! я видѣлъ послѣднихъ потомковъ нашей славной колоніи, какъ они въ суевѣрномъ страхѣ преклоняли колѣна предъ пьедесталомъ статуи Бентама, принимая его за древнее божество, и приносили ему въ жертву плѣнниковъ, захваченныхъ въ битвѣ съ другими, столь же дикими племенами. Когда я, указывая имъ на развалины ихъ отчизны, спрашивалъ: какой народъ оставилъ по себѣ сіи воспоминанія? они смотрѣли на меня съ удивленіемъ и не понимали моего вопроса. Наконецъ погибли и послѣдніе остатки нашей колоніи, удрученные голодомъ, болѣзнями, или истребленные хищными звѣрями. Отъ всей отчизны остался этотъ безжизненный камень, и одинъ я надъ нимъ плачу и проклинаю. Вы, жители другихъ странъ, вы, поклонники злата и плоти, повѣдайте свѣту повѣсть о моей несчастной отчизнѣ... а теперь удалитесь и не мѣшайте моимъ рыданіямъ.»

Незнакомецъ съ ожесточеніемъ схватился за четвероугольный камень и, казалось, всѣми силами старался повергнуть его на землю...

Мы удалились.

Пріѣхавши на другую станцію, мы старались отъ трактирщика собрать какія-либо свѣдѣнія о говорившемъ съ нами отшельникѣ.

«О! отвѣчалъ намъ трактирщикъ, мы знаемъ его. Нѣсколько времени тому назадъ онъ объявилъ у насъ метингъ (meetings) *. Мы всѣ обрадовались, особливо наши жены, и собрались послушать проповѣдника, думая, что онъ человѣкъ порядочный; а онъ съ первыхъ словъ началъ насъ бранить, доказывать, что мы самый безнравственный народъ въ цѣломъ свѣтѣ, что банкрутство есть вещь самая безсовѣстная, что человѣкъ не долженъ думать безпрестанно объ увеличеніи своего богатства, что мы непремѣнно должны погибнуть... и прочія, тому подобныя, предосудительныя вещи. Наше самолюбіе не могло стерпѣть такой обиды національному характеру—и мы выгнали оратора за двери. Это его, кажется, тронуло за-живое; онъ помѣшался, скитается изъ стороны въ сторону, останавливаетъ проходящихъ и каждому читаетъ отрывки изъ сочиненной имъ для насъ проповѣди.»

Кн. В. Одоевской.

---

* Собраніе, которое въ нѣкоторыхъ странахъ бываетъ по случаю пріѣзда путешествующаго проповѣдника.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Живши весьма долго въ одномъ городѣ, имѣлъ я случай познакомиться съ семействомъ графа Г***. Онъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ дочерей. Конечно могу я сказать безъ всякой лжи, что знакомство это оставило во мнѣ самыя пріятныя и самыя грустныя воспоминанія. Какъ часто, забывая всѣ свѣтскія неудовольствія, ѣздилъ я лѣтомъ въ ихъ загородный домъ напитаться свѣжимъ воздухомъ и пріятной бесѣдой! Жена графа была женщина лѣтъ 35, добрая, образованная, нѣжная мать и супруга, однимъ словомъ—достойная счастія. Дочери ея всегда меня прельщали. Старшая была совершенно портретъ матери. Ей было 17 лѣтъ. Восхитительные черные глаза, въ которыхъ ясно отражалась благородная душа ея, всегда выражали бездну мыслей чистыхъ, непорочныхъ, какъ она сама. Брови, какъ-бы нарисованныя кистью ис-

куснаго живописца, сгибались едва чувствительною дугою надъ прелестными глазами; небольшой прямой носъ, маленькой ротикъ, нѣсколько выдавшійся подбородокъ—все это было въ совершенной гармоніи, нравилось, восхищало. Но это неземное лице было покрыто какою-то безжизненностію. Щеки ея никогда не разгарались румянцемъ, но были покрыты легкою синевою; губы были едва примѣтнаго блѣдно-розоваваго цвѣта. Всѣ черты носили на себѣ отпечатокъ тихой, но ужасной меланхоліи. Соединяя съ самымъ пылкимъ умомъ возвышеннѣйшія чувства, она привлекала къ себѣ невольно. Глядя на нее, восхищаясь ею, нельзя было отогнать какой-то грустной, томительной мысли, какаго-то чувства состраданія. Она, казалось, была минутнымъ гостемъ среди людей, явленіемъ небеснымъ, долженствовавшимъ мелькнуть, удивить, и исчезнуть въ вѣчности. Разговоры ея были увлекательны, но не утѣшительны. Она и нравственно жила въ какомъ-то невещественномъ мірѣ, всегда окруженная поэтическими образами, которые рисовало ей роскошное ея воображеніе; она никогда почти не спускалась мыслями къ обыкновенному: онѣ всегда плавали въ обители недоступной, божественной. Сколько ни старался я иногда, говоря съ нею, дать направленіе веселое ея думамъ—никогда не могъ этаго достигнуть: она жила горестію, даже въ самомъ счастіи видѣла мрачную сторону. Чтеніе ея совершенно согласовалось съ образомъ мыслей. Вторая сестра, во всемъ похожая на отца, составляла разительную про-

тивоположность со старшей. Ея голубые глаза сіяли радостію, щеки пылали живымъ огнемъ, улыбка никогда не покидала устъ ея. Она была умна, но не глубокомысленна; умъ ея не останавливался долго на одномъ предметѣ, но подобно ей перелеталъ беззаботно отъ высокаго къ обыкновенному. Ее все веселило; все въ природѣ улыбалось ей; во всемъ видѣла она удовольствіе. Но при всей несходности характеровъ, эти двѣ сестры жили, какъ говорится, душа въ душу. Онѣ были неразлучны: ихъ странно было видѣть вмѣстѣ—все въ нихъ было различно, и все сливалось въ одно нераздѣльное цѣлое, удивительное, необыкновенное.

Я былъ принятъ въ домѣ какъ родной, и потому весьма часто бесѣдовалъ съ дочерьми тогда, когда ни матери, ни отца тутъ небыло. Когда онѣ выражали сужденіе свое о чемъ-нибудь, мнѣ странно было видѣть, какъ два существа, ничѣмъ несходныя между собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, созданы, казалось, другъ для друга.

Мать ихъ, какъ я уже сказалъ, женщина нестарая, страдала жестокою наслѣдственною болѣзнію, которая должна была скоро унесть ее въ могилу. При началѣ моего знакомства не зналъ я этаго, но потомъ, замѣчая, что она чахнетъ съ каждымъ днемъ, я спросилъ ихъ домоваго доктора о причинѣ ея страданій. Онъ мнѣ объявилъ, что мать ея также умерла въ мо-

лодыхъ лѣтахъ, и что недугъ ея принадлежитъ къ числу переходящихъ изъ рода въ родъ. Узнавъ это, я не могъ безъ ужаса смотрѣть на несчастную, которая видимо угасала. Она оставляла двухъ дочерей, безъ матери, на волю Провидѣнія!

Черезъ нѣсколько времени получилъ я пригласительный билетъ на похороны супруги графа. Печальна была церемонія; сердце раздиралось при видѣ гроба, который вмѣщалъ въ себѣ мать!

Во время панихиды смотрѣлъ я пристально на обѣихъ сестеръ: младшая рыдала; старшая же, неподвижно вперя взоры въ безжизненное тѣло матери, стояла... неживая. Ни одна слезинка не выпала изъ очей ея. Ее бы можно было почесть жителемъ того свѣта, если бъ изрѣдка вырывавшіеся тяжелые вздохи, вздымая грудь ея, не напоминали о томъ, что въ этомъ повидимому мертвомъ тѣлѣ была жизнь полная, духовная.

Холодный потъ обливалъ меня, когда я глядѣлъ на нее; волосы становились дыбомъ; я не смѣлъ подумать—но одна мысль какъ змѣя впилась въ меня и никакъ не хотѣла покинуть моего ума. Мысль ужасная! Мнѣ казалось, что сѣмя болѣзни, томившее покойную мать и низведшее ее въ могилу, осталось страшнымъ наслѣдствомъ старшей дочери. Мнѣ казалось, что неумолимая судьба наложила руку смерти

на свою жертву, что печать разрушенія тяготѣла уже всею своею силою на семъ прелестномъ созданіи, достойномъ счастія болѣе, нежели кто-либо. Тѣло графини предали землѣ. Я столь же часто посѣщалъ ихъ послѣ сего несчастнаго приключенія. Тотъ же ласковый пріемъ, которымъ меня удостоивали прежде, сохранился. Сначала всѣ горевали, были неутѣшны. Къ счастію нашему, впечатлѣнія сердечныя не остаются въ насъ навсегда во всей ихъ силѣ: сперва исчезнетъ ужасное, потомъ... долго потомъ—томительное, а наконецъ останутся одни грустныя воспоминанія, которыя иногда пробуждаютъ въ насъ мучительное минувшее, но не надолго къ счастію, да, къ счастію. И-такъ, спустя около года по смерти графини, объ ней думали очень много, но невсегда. Младшая сестра, любившая мать отъ всего сердца, очень много тосковала; но тоска эта не сдѣлала впечатлѣнія на ея физическія силы: она осталась тою же, какова была, красавицею, полною, живою. Но на старшую мнѣ страшно было взглянуть. Не могши блѣднѣть, она, не теряя ничего изъ прелести своего лица, ужасно похудѣла; глаза ея впали; щеки, до тѣхъ поръ полныя, опустились... это былъ трупъ очаровательной дѣвушки, трупъ ангела, если бъ ангелы были смертны. Въ это время познакомился въ ихъ домѣ молодой человѣкъ, служившій въ военной службѣ, лѣтъ 26. Въ чертахъ его не было этой женоподобной красоты; онъ былъ мужъ въ полномъ смыслѣ сего слова. Лице его выражало умъ глубокій, а тѣлодви-

женія—пылкія страсти. Не входя въ подробности его посѣщеній и обращенія съ двумя сестрами, скажу только, что онъ страстно влюбился въ старшую. Она также не была къ нему равнодушною. Онъ попросилъ у отца руки ея. Не видя никакихъ затрудненій и зная молодаго человѣка съ хорошей стороны, графъ изъявилъ свое согласіе—и день свадьбы назначенъ. Я смотрѣлъ на невѣсту, когда она стояла предъ алтаремъ какъ непорочная жертва; въ этотъ разъ она была грустнѣе обыкновеннаго... Вѣнчальный обрядъ прозвучалъ въ ушахъ моихъ *вѣчною памятью.* Неотвязчивая мысль о скорой ея кончинѣ преслѣдовала меня всегда—и, видя вѣнецъ надъ ея головою, я читалъ на немъ: «Святый Боже, святый крѣпкій . . .»

Свадебный обрядъ кончился. Всѣ гости, въ томъ числѣ и я, поѣхали къ нимъ въ домъ; пили за ихъ здоровье, желали имъ счастія . . . я въ душѣ желалъ долголѣтія. Новобрачной сдѣлалось дурно; ее увели въ другую комнату, а мы всѣ разъѣхались. На слѣдующій день, какъ короткій знакомый являюсь къ нимъ, чтобы освѣдомиться о здоровьѣ. Спрашиваю слугу: у себя ли? Онъ отвѣчаетъ мнѣ затрудненнымъ голосомъ утвердительно. Снимаю шинель, вхожу въ залу—красавица лежитъ на столѣ мертвая. Судите о положеніи мужа, сестры, отца . . .

К. Ѳ.

ПРАЗДНИКЪ МЕРТВЕЦОВЪ.

Былъ-себѣ мужъ да жена. Мужа звали Никифоромъ, а жену Приською; она была хорошаго рода и однимъ-одна дочь у отца очень богатаго: было всякаго имущества, а сына не было—только дочь. Отецъ ея подумавши да взялъ сироту, этаго Никифора, вмѣсто своего дитяти, да и выкормилъ его и присмотрѣлъ и на разумъ наставлялъ. А Никифоровъ отецъ да былъ-себѣ большой бездѣльникъ; спился и свелся ни къ чему, да когда-то подъ плетнемъ пьяный и околѣлъ; жена—одно то, что не имѣла ничего, а другое, не умѣла работать—пошла по-подъ окнами; а мальчика, Христа ради, взялъ, какъ я го-

ворю, Приськинъ отецъ. Такъ чтожъ? Недаромъ говорятъ: недалеко откатилося яблочко отъ яблони; у Никифора была вся натура отцовская. Воряга такой, что ни съ чѣмъ не разстанется, и Цыгана проведетъ, и нищаго обокрадетъ. А пить? такъ не перепьетъ его и Данилка, вотъ-что у того барина, что подлѣ насъ живетъ, да что за его каретою на-запяткахъ трясется въ изукрашенномъ кафтанѣ, да въ обшитой шляпѣ, какъ тотъ вареникъ свернутой; тотъ ужасно пьетъ, а Никифоръ еще и горше его! Еще же таки-пока холостымъ былъ, то и сюда и туда: пьетъ-было, ночь прогуливаетъ, съ парубками бурлатствуетъ, а днемъ какъ стекло передъ хозяиномъ, и работаетъ что надо, во всякомъ дѣлѣ слушаетъ и уважаетъ старика. Когда же было-его на вольной или на вечерницахъ прибьютъ порядкомъ, потому-что такой былъ-себѣ задорный, что ко всякому такъ въ глаза и лѣзетъ, какъ та оса—хоть бы тебѣ десятскій, или сотскій, да таки и самому атаману не очень уважалъ, такъ и свяжется—ну, такъ и извѣстно, что ему ото всѣхъ и доставалось. Да еще, на бѣду себѣ, былъ ростомъ не великъ, тщедушный, да и силы было не больше, какъ у слѣпой поповой кобылы, что-было не сможетъ въ Филиповки поповскихъ *хаптуръ* по селу возить. Такъ съ кѣмъ ни свяжется, то всякъ его прибьетъ и правъ. А иногда противъ кучи одинъ пойдетъ, такъ тутъ уже доставалось ему на орѣхи; рожу ему разобьютъ, волоса оборвутъ; платье—а отъ богатаго хозяина, такъ платье у него было всегда

хорошее—разорвутъ, да такихъ ему тусановъ надаютъ, да такъ ему бока набьютъ, что на-силу передъ свѣтомъ домой на четвереинькахъ долѣзетъ.

Такъ чтожъ? Передъ хозяиномъ отолжется: то ночью пчелинаго роя ловилъ—такъ пчелы ему все лицо искусали; то вѣдьма ночью приходила хозяйскихъ коровъ доить, а онъ началъ отгонять, а она превратилася собакою, да бросилася на него и платье ема порвала и всего исцарапала. То, было, старикъ и вѣритъ, и лечитъ его—да еще, отъ перепугу, чтобъ не заболѣлъ, и горѣлочкою его подчиваетъ. Вотъ нашему Никифору это и на-руку! Лежитъ на печи, да охаетъ, да горѣлочку тянетъ, какъ будто и добрый, а около него всѣ и няньчатся. Вотъ такъ точнехонько, какъ бываетъ, что нѣжная себѣ-жена да пожелаетъ новой запаски, да пристанетъ къ мужу: «купи, да и купи; хотя пропади, да купи, а то умру!» да и ляжетъ на печь и начнетъ всякой вздоръ говорить, будто въ жару. Онъ, сердечный, тутъ съ знахарками и съ ворожеями около нея управляется; а тѣ, извѣстно, деньги берутъ, а ему говорятъ: «купи ей, чего желаетъ, а то умретъ!» Онъ къ ней: «чего тебѣ хочется? говори!» Тутъ она и начнетъ выдумывать: и пряниковъ, и моченыхъ яблокъ; а далѣе, какъ уже видитъ, что мужъ истратилъ немалую сумму денегъ, то уже тогда и закричитъ, что есть мочи: «купи новую запаску!» Бѣдный почесываетъ затылокъ, и хотя тѣ деньги надо было нести въ волостное правле-

ніе, отдать за подушное и за общественное, да уже нечего дѣлать! покупаетъ запаску, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не умерла—тогда этими деньгами на похоронахъ не управишься.

Вотъ такъ-то прихотничалъ и нашъ Никифоръ. И что-то! что никто и не зналъ, что онъ такой бездѣльникъ, а не знавши, да и отдали за него Приську. А какъ послѣ этаго вскорѣ умеръ отецъ ея, а тамъ и мать, то и остался нашъ Никифоръ самъ-себѣ господинъ.

Недолго же и хозяйничалъ. Въ три года все рѣшилъ. Какая была скотина, сбылъ, а денежки пропилъ; землю заложилъ, а деньги пропилъ; а что было кромѣ того, то отъ недосмотру само-собою пропало. Пьетъ, крадетъ и ловится; бьется, да судится; а извѣстно, что только пойдешь съ жалобами, да съ просьбами, такъ и надо: «придите, поклонимся,» потому-что сказано: безъ подпалки и дрова не горятъ. А какъ десятскому дай, сотскому дай, писарю дай, атаману дай, а все-таки въ волостное правленіе представятъ; не однимъ же ѣсть хлѣбъ; а какъ, не дай Богъ! да въ ту пору наѣдетъ засѣдатель, да—оборони Богъ отъ злаго часа—съ письмоводителемъ: такъ тогда уже и совсѣмъ пропалъ! Пишутъ-пишутъ, берутъ-берутъ; да только тогда пустятъ, какъ уже нечего взять; а то, когда осталися какія крохи, такъ еще и въ судъ отправятъ. Ну, тамъ уже и аминь!

Такъ надолго ли Никифору, при его глупой головѣ, стало всего тестеваго имѣнія? Фить-фить! пошло все по добрымъ людямъ, да по шинкамъ, и свелся ни къ чему!

Сердечная Приська выкупала его не десять разъ изъ-подъ караула и изъ колоды; а разъ пришлося выкупать изъ острога. Ужъ какой бы ни былъ, а все-таки мужъ; некуда было съ нимъ дѣваться! А черезъ такія бѣды истратила все, что было у нея въ сундукѣ изъ хорошаго платья—и намисто, и дукаты, и кресты, и все имущество.

Тужила она, тужила; послѣ надобно за умъ взяться, чтобъ съ плечь всего не пропилъ ея пьяница. Ничего не говоря, стала его въ хатѣ запирать, а сама пойдетъ или полоть, или коноплю брать, чтобы было чѣмъ пропитаться. Чтожъ? воротится домой, хата пустешенька! Проклятый Никифоръ вылѣзъ въ окно, да и ищи его! Надо ей броситься по шинкамъ: гдѣ поясъ, гдѣ шапка заложены; выкупаетъ, сердечная, на послѣднія деньги! Потомъ отыщетъ его гдѣ-нибудь въ шинку подъ лавкою, или подъ плетнемъ; разбудитъ, растолкаетъ, тащитъ домой и выговариваетъ, и бранитъ, а сама отъ злой бѣды только-что плачетъ.

Потомъ, видѣвши, что его и брань не беретъ, и онъ, знай, свое продолжаетъ: пить да пить! нечего

дѣлать; думаетъ: хоть грѣхъ на душу возьму, а ужъ не дамъ ему воли. Разъ, привезши его съ вольной, ввела въ хату, заперла дверь, да и говоритъ: «а что, Никифоръ, а до чего ты меня довелъ? Брани—не слушаешь, горя моего не уважаешь, пьешь въ свою голову; пропилъ все отцовское имѣніе, а черезъ тебя и я все материнское истратила, то платя за тебя, то выкупая тебя изъ шинковъ; а теперь довелъ, что я, бывъ между людьми такъ-какъ должно, теперь хоть за нищими ходить; была я хорошаго, честнаго рода, а какъ утопила свою голову, выйдя за тебя, природнаго пьяницу, такъ по тебѣ и я стала послѣднѣйшая въ селѣ. Развѣ хочешь такъ пропасть, какъ и отецъ твой? Такъ пропадай же себѣ, какъ знаешь; а я знаю, что, пока я жива, такъ не дамъ тебѣ воли таскаться, да пьянствовать. До какихъ поръ мнѣ терпѣть? Черезъ законъ пойду, а на-своемъ поставлю.» Да засучивши рукава у рубашки и сказавши: «хотя грѣхъ, хотя дѣва женѣ мужа бить, а пусть Богъ проститъ!» съ симъ словомъ хряпъ его въ рожу, а послѣ въ другое, въ третье, въ десятое, да за волоса, да кулаками—а баба была-себѣ здоровая, а онъ такой, что не на-что было и смотрѣть, да еще перепился, такъ не смогъ и щепки поднять, не то, чтобъ защититься отъ жены. А она его бьетъ, а она его тузитъ, да знай приговариваетъ: «не пей, не пьянствуй, не пропивай добра, сиди дома, зарабатывай чѣмъ нибудь, да корми и себя, и бѣдную жену... вотъ такъ тебѣ... вотъ такъ тебѣ бесурману, католицкому, аспид-

скому мужу!...» Била-била, даже устала и сѣла на лавку и говоритъ: «А чтобъ тебѣ се и то, что ты меня и ко грѣху привелъ и умориль меня ни на что! Встань, говорю тебѣ (потому-что уже сердечный Никифоръ даже не могъ и стоять, да присѣлъ къ землѣ), встань, да кланяйся женѣ, чтобъ я простила тебя, что ты такъ меня уморилъ.»

Нечего дѣлать Никифору! Кланяется, сердечный, проситъ жену, чтобы она его простила, бивши его, и обѣщался уже не пить и не уходить изъ дому, развѣ она его куда пошлетъ.

Отдохнувши, Приська простила мужа и говоритъ: «не тужи, сякой-такой сынъ! За битаго двухъ не битыхъ даютъ, да еще и не берутъ. А когда не будешь слушать, то вотъ тебѣ говорю, что еще буду бить; да послѣ и панъ-отцу исповѣдываться буду, что противъ закона поступила.

Эге! да наша Приська исправила мужа! Не то, чтобъ онъ уже во-все не пилъ; не проливалъ козакъ, когда гдѣ попадалася чарка—да только въ компаніи, на свадьбѣ ли, или на крестинахъ: да уже не то, чтобъ ему таскаться по шинкамъ, да за чарку горѣлки чертямъ душу отдавать. Сидитъ дома и со двора никуда! Взялся — нечего дѣлать?—починять старыя шубы; стала и копѣйка перепадать. Приська все со-

бираетъ, да радуется и думаетъ: съ бездѣльника, можетъ, что-нибудь и доброе будетъ.

Вотъ такъ прошелъ Рожественскій мясоѣдъ; прошла и масленица. Что-то уже хотѣлося нашему Никифору, чтобъ какъ-нибудь урваться, да погулять на послѣднихъ дняхъ; такъ вовсе не можно. Приська репьемъ такъ за него и держится, и не можно ему безъ вѣдома вытти изъ хаты; а зипунъ, и сапоги, и шапка у нея въ сундукѣ.

Въ самое заговѣнье, что на великій-постъ, она ему говоритъ: «поди-ка, Никифоръ, къ обѣднѣ; на этой недѣлѣ будешь говѣть. Да смотри жъ ты мнѣ: чтобъ ты изъ церкви тотчасъ былъ здѣсь. Когда придешь, то дамъ тебѣ обѣдать, а вѣдь у насъ есть и вареники: я припасла и масла и сметаны; а когда буду добра, то и чарку горѣлки дамъ, да и заговѣемся, какъ долгъ велитъ. Когда же не воротишься тотчасъ, да пойдешь куда пить, то вотъ божуся тебѣ, что такими толчками тебя накормлю, что будешь меня долго номнить!» Дала ему зипунъ и шапку, и проводила, все одно толкуя.

Пошелъ нашъ Никифоръ, да только же мы его и видѣли!... Приготовила Приська и обѣдать, а его нѣтъ. Пообѣдавши пошла къ сосѣдкѣ, потомъ и домой воротилася, а его нѣтъ. Пополудничала одна, а его нѣтъ. Вышла посидѣть на улицѣ: каджаго, кто

шелъ, спрашиваетъ: «не видали ли ея мужа?» Никто не видалъ. Уже и вечеръ, а его нѣтъ!... Насилу лѣзетъ домой въ поздній вечеръ, ни живой, ни мертвый, и слова не выговоритъ: языкъ одеревенѣлъ, и самъ себя не помнитъ, гдѣ онъ и что онъ есть на свѣтѣ. Сопитъ, да молчитъ, и глазъ, заплывшихъ ему горѣлкою, не раскроетъ.—Побила меня лихая година да несчастливая! — тотчасъ крикнула на него Приська—вотъ съ этимъ дурнемъ, пьяницею, бродягою! Гдѣ ты тамъ у аспида таскался? Еще на удивленіе, какъ-то добрелъ и нашелъ свою хату! Видишь, какъ нарѣзался, что и слова не проговоритъ! Богъ далъ людямъ заговѣнье, чтобъ заговѣлися порядочно съ женами, да съ дѣтками; а я, за слезами, свѣта не видѣла, сидя сама себѣ въ хатѣ, какъ въ темницѣ. Вотъ-же увѣряю тебя, что опять примуся за тебя, да такъ тебя проучу, что и по-вѣкъ не возмешься за чарку... Такъ чтожъ?... хоть ему говори, хоть не говори; онъ ничего и не помнитъ.—

И правда. Сидитъ Никифоръ, да только вздыхаетъ: а эта горѣлка изъ него духъ претъ; хочетъ что-то сказать, такъ рта не разинетъ и языка не пошевелитъ, какъ будто онъ у него войлочный; только, какъ тотъ сычъ, хлопаетъ бровями, потому-что глазъ вовсе невидно: запали и слиплися.

Бранила его жена, бранила — какъ говорятъ— на всѣ корки; послѣ-таки, сякъ не такъ, жаль его

стало: все-таки былъ ей мужъ, а тутъ-же и заговѣнье; какъ-таки не заговѣться! «Не хочешь ли ты ужинать?» спросила Приська: «помнишь ли ты, какой сегодня день? Или, какъ собака, такъ и ляжешь? А Никифоръ хотѣлъ что-то отвѣчать, да и несмогъ, а только громче засопѣлъ. А Приська все-таки съ ужиномъ къ нему: поставила, да и говоритъ: «на же, вотъ тебѣ горшокъ съ варениками; ѣшь, да ложись спать, да вставай къ заутренѣ, чтобы мнѣ на этой недѣлѣ говѣлъ. На, пьяница, вотъ тебѣ и свѣча. Поужинай, потуши огонь, да и ложись спать; уже не рано.» А ложась спать, еще-таки ему приказывала: «смотри же, какъ поужинаешь, то вонъ въ кадочкѣ вода, выполощи порядчно ротъ, чтобъ не осталося во рту сыра, чтобы иногда завтра, не-хотя, неоскоромился.» Потомъ разъ пять тяжко вздохнувши, поворотилась и... заснула.

Хотя Никифоръ и крѣпко пьянъ былъ, а таки, какъ запахли ему вареники, то и пришелъ въ себя немного: тотчасъ за ложку, да въ горшокъ—и сталъ ихъ уписывать. Что ему тамъ жена ни приказывала, ему и нужды нѣтъ: ѣстъ себѣ молодецъ, да сопитъ что есть мочи. Ужъ жена и заснула, а онъ знай трощитъ вареники... Вотъ и дремать сталъ... а все-таки пихаетъ ихъ въ горло... Послѣ вложилъ руку въ горшокъ... наклонился... тутъ свѣчка погасла... захрапѣлъ нашъ удалецъ на всю хату!...

Сколько онъ тамъ спалъ, кто его знаетъ: какъ вотъ—пошевелившись—слышитъ, звонятъ къ церкви. Что тутъ дѣлать? Онъ бы и не пошелъ, такъ жена приказала ему говѣть, и чтобъ непремѣнно шелъ къ заутренѣ, Непослушаться—думаетъ себѣ — такъ будетъ бить и за то, что я вчера былъ пьянъ; а какъ пойду, то, можетъ, за вчерашнюю гульню, какъ стану проситься, то и умилосердится. Пойду!...»

Вотъ вскочивъ, поспѣшно, ощупью нашелъ (самъ послѣ разсказывалъ) шапку, да и вышелъ скорѣе изъ хаты, а про то, что жена приказывала, чтобъ выполоскалъ ротъ, онъ не вспомнилъ, да врядъ-ли таки чтобы онъ это и слышалъ вчера.

Ночь была темная, а церковь не такъ далеко. Смотритъ Никифоръ: въ церкви свѣтится и на колокольнѣ звонятъ въ постовой колокольчикъ. Онъ и сталъ поспѣшать къ церкви.

Взошелъ на монастырь, какъ тутъ дѣтей-дѣтей!... видимо невидимо! Маленькія, крошечныя, да всѣ въ бѣлыхъ рубашечкахъ, да бѣгаютъ кругомъ церкви, да просятся въ дверь, да щебечутъ какъ тѣ цыганенки, да пищатъ, кричатъ, визжатъ: «пусти, мама... пусти, мама, и меня на праздникъ! Зачѣмъ меня родила, не крестивъ схоронила*! подъ порогомъ положила, да къ себѣ и не принимаешь!...

* Дѣтей, коихъ не успѣютъ окрестить, обыкновенно хоронятъ въ той же избѣ подъ порогомъ, и вѣрятъ, что они дѣлаются русал-

«Тю! на вашу голову! побѣсилися дѣти,» сказалъ Никифоръ. Онъ, не разсматривая ничего, помолился, поклонился, какъ долгъ велитъ, на всѣ стороны, положилъ шапку въ уголъ, да и сталъ, и прислушивается, что дьячекъ читаетъ. Понуривъ голову, стоитъ и слушаетъ, да и думаетъ: «что такое сдѣлалось съ нашимъ дьячкомъ, паномъ Степаномъ? У него былъ козлиный голосокъ, а это уже свелся, да еще и гугнитъ.» Глянулъ на него съ боку. . . Носа нѣтъ, только одна ямка. Сталъ пристальнѣе разсматривать... «Господи, твоя воля! . . . Да это не панъ Степанъ... Это еще панъ Алексѣй, что еще умеръ тогда, какъ я былъ еще под-парубкомъ, да я же и на похоронахъ его былъ и гробъ несъ.»

На удивленіе ему, что съ нимъ много людей, а никто не примѣчаетъ, что мертвецъ читаетъ.

Вотъ Никифоръ тому, что подлѣ него стоитъ, хотѣлъ про это сказать, какъ глядь!—что за недобрая мать!—то стоитъ подлѣ него Охримъ Супоня, что еще прошлаго года умеръ. . . Оглянулся къ другому: Юхимъ Кандзюбенко; съ нимъ вмѣстѣ были парубками, и онъ послѣ побоевъ на вечерницахъ при немъ и умеръ, да и судъ выѣзжалъ, и Нѣмецъ его

ками. Въ уреченное время года являются, преслѣдуютъ мать и упрекаютъ, зачѣмъ неокрестивъ похоронили, и если поймаютъ, то защекочиваютъ на-смерть. *Перев.*

анатомилъ. Оглянулся туда, и тамъ мертвецы; оборотится сюда, и тутъ мертвецъ; куда ни глянетъ, все мертвецы, все мертвецы, такіе, что и недавно померли, и такіе, что онъ ихъ едва помнилъ; были и такіе, что нельзя было ихъ и распознать, кто онъ такой есть, потому-что не было ни носа, ни глазъ, ни ушей, ни губъ: только однѣ ямки въ головѣ.

То немного-было, Никифоръ проспалъ свой хмѣль; а теперь, какъ разсмотрѣлъ, въ какой компаніи онъ очутился, такъ и весь хмѣль пропалъ, и стало его трясти, какъ будто въ лихорадкѣ, а цыганскій (холодный) потъ, такъ и пронимаетъ. . . А развѣ, скажете, и не страшно, чтобъ живому человѣку да попасть между мертвецовъ? Чего ожидать тутъ добраго? Совсѣмъ видимая смерть!

Посматриваетъ нашъ Никифоръ сюда-туда; дьячекъ себѣ-читаетъ. Вотъ Никифоръ и вздумалъ уйти отъ нихъ: да и сталъ отступать отъ нихъ крадучись, уже прахъ бери и шапку, а лишь бы голову цѣлую домой донести, потому-что, какъ говорятъ, уже не до поросятъ, когда свинью бьютъ—и только-что отступилъ подалѣе, какъ панъ-отецъ и выпелъ. . . А кто жъ то и панъ-отецъ? Отецъ Никита, что лѣтъ съ десятокъ, а чуть-ли еще и небольше, какъ уже умеръ!

Вотъ вышедши онъ и говоритъ: «а ну-те, панове-міряне, вотъ дьякъ уже дочитываетъ.» Никифоръ думаетъ: «теперь неможно и уйти, чтобъ бѣды отъ нихъ небыло. Не долго достоять; повижу, что они тутъ будутъ дѣлать.»

Какъ вотъ панъ-Алексѣй оставилъ читать, да какъ загугнитъ съ своими школярами, да все-таки съ мертвецами, да какъ будто изъ бочки и запѣли стихъ, что въ великъ-ѣень поютъ, а отецъ Никита, вмѣсто того, чтобъ ихъ остановить, себѣ-туда жъ подтягиваетъ, да и пошелъ съ кадиломъ; а народъ, какъ началъ отъ него отступать, такъ-такъ и слышно, какъ кости гремятъ.

Слушаетъ Никифоръ эту ихъ церемонію, да и думаетъ: «вотъ такъ ты на заговѣньѣ погуляй, какъ наши мертвецы, что съ перепою забыли, какой сегоня день! Я крѣпко пьянъ былъ, а они, видно, и горше меня. Я-таки помню, что теперь еще только постъ начинается, а имъ показалося, что теперь праздникъ великъ-день. Вотъ не пьяни вчера были! Вмѣсто говѣнья великъ-день празднуютъ; въ самомъ дѣлѣ съ толку спилися, лежа-себѣ безъ всякой работы.»

Вотъ панъ-отецъ Никита выступилъ, да и говоритъ: «слушайте, панове-міряне! теперь цалуйтесь, да осторожнѣе, чтобъ послѣднихъ костей объ кости

не разбили; да и не расходитесь; теперь намъ не такъ, какъ въ прошломъ годѣ, что съ тощимъ желудкомъ положилися по гробамъ и нечѣмъ было разговѣться; вотъ съ того свѣта человѣкъ къ намъ на праздникъ пришелъ и варениковъ принесъ, такъ онъ раздѣлитъ на всю братію.

Никифоръ, это слушавши, видитъ, что это не шутка, и къ нему очередь дошла; осмѣлился, да дернулъ пана за ризы, да и говоритъ; «а что, панъ-отче, честный отче! не во гнѣвъ вамъ будетъ, что я вамъ скажу: можетъ, мертвецы лежа себѣ въ могилахъ, какъ въ просѣ на теплой печи, забыли и дни? Какой теперь великъ-день? еще только чистый понедѣльникъ, что и ложки свободны.»

— Эге! вамъ постъ, вамъ чистый понедѣльникъ! говоритъ ему отецъ Никита, а нашъ великъ-день, когда у васъ постъ. Ты же, смотри, что принесъ намъ варениковъ, то всѣмъ раздѣли, чтобъ намъ не съ тощимъ желудкомъ ложиться въ могилы.

«А гдѣ жъ я вамъ ихъ возьму? сказалъ Никифоръ; не знать, чего вамъ захотѣлось; какъ будто прихотливая жена — дай того, чего нѣтъ. У какаго сына есть хотя пол-вареника?» — А вонъ у тебя между зубами, какъ разъ пол-вареника, сказалъ отецъ Никита — да костью, что осталася ему вмѣсто пальца, какъ шпигнетъ ему въ ротъ, даже зубы загремѣли и

чуть съ десятокъ ихъ не разсыпалось. — Смотри же, не дѣвай нигдѣ, пока я потребую. — Сказалъ, да и отвернулся порядокъ давать, потому-что вся громада, какъ та волна̀, прихлынула цаловаться съ попомъ.

Пошевелилъ Никифоръ языкомъ во рту... такъ и есть! нащупалъ пол-вареника, оставшагося въ коренныхъ зубахъ. «Что тутъ мнѣ на свѣтѣ дѣлать? — думаетъ себѣ: — «это бѣда! Вотъ то я былъ крѣпко пьянъ, да ѣлъ вареники, да надъ ними и заснулъ, не проглотивъ послѣдняго. А досада, да и полно! Это мнѣ такой бѣды надѣлала не кто, какъ моя Приська! начто она мнѣ ихъ давала? А чтобъ васъ съ жонами! Для какаго аспида онѣ выдумали вареники? кто ихъ выдумалъ дѣлать? какой бесурманъ велѣлъ ихъ въ заговѣнье ѣсть? какой нечистый велѣлъ ихъ пьяному давать? Охъ, это все наши жонушки!... Отъ нихъ намъ вся бѣда!... Черезъ свою я теперь пропалъ!... Какъ-таки пол-вареникомъ всѣхъ обдѣлить! Да лучше всего уйду. Теперь имъ не до меня. Пролѣзу промежду нихъ, то никто меня и не хватится, хотя бы и самъ отецъ Никита, что только и знаетъ, цалуется съ своими прихожанами.»

Вотъ, такъ себѣ-подумавши, и сталъ назадъ пробираться. Такъ что жъ, сердечный? куда ни поткнется, такъ вездѣ народъ, такъ стѣною и валитъ что ни протолкаться ему между ними, ни продвинуться никакою мѣрою неможно. Онъ бы и посилился, такъ

боится, что какъ котораго крѣпко пихнетъ, такъ чтобъ, случаемъ, кости не разсыпались, и чтобъ ему опять какой напасти не было, а какъ, думаетъ себѣ, разсыплю какаго мертвеца, такъ, можетъ, и цѣлковымъ не отдѣлаюся.» Силился—силился, чтобъ продвинуться; послѣ видитъ, что нельзя; сталъ-себѣ, опустилъ руки, наклонилъ голову, да и думаетъ: «Ну прахъ васъ бери! что будетъ, то и будетъ! Буду смотрѣть, что выйдетъ.» Вотъ и смотритъ, что только они дѣлаютъ: тотъ лѣзетъ и обтирается, а уже губъ нѣтъ, только одни зубы торчатъ; а у инаго и зубъ нѣтъ, одна пасть, что иная голова ему въ ротъ влѣзетъ; да все то къ попу, да все, вмѣсто того, чтобъ цмокнуть, какъ поцалуется, а тутъ только кость о кость: стукъ-стукъ! А какъ пошли женщины, да дѣвки, такъ нашъ Никифоръ вдоволь насмѣялся: иная идетъ и думаетъ, что на ней и до сихъ поръ очипокъ парчевый; а онъ уже не то, что полинялъ, но совсѣмъ разсыпался, что и нитокъ очень мало осталося; а еще-таки головою покачиваетъ, да оглядывается, и чтобъ смотрѣли на нее люди, что какая-то она хорошая въ парчевомъ очипкѣ, знай поводитъ головою, что даже скрыпитъ въ костяхъ, какъ калитка на заржавѣлыхъ петляхъ. А вотъ дѣвка думаетъ, что она еще и теперь хороша, и черноброва, и полнолицая, и румяна, какъ была на этомъ свѣтѣ; только уже у нея носа нѣтъ, одной губы не спрашивай, глаза запали, брови вылѣзли, вмѣсто гладенькихъ да полненькихъ щекъ стали желтыя, сухія, сморщены, какъ та губка, что у

Грековъ въ бакалейной лавкѣ между винными ягодами да изюмомъ продается; на головѣ волосъ нѣтъ, и вмѣсто косъ куски отъ лентъ остались. Вотъ такая подойдетъ къ пану Никитѣ, да чтобъ цаловаться съ нимъ, протянетъ губы, да и застыдится—видишь, стыдно дѣвкѣ цаловаться—да и утрется костливою рукой, потому-что уже ни платья, ни рубашки не осталося, все истлѣло; то смотри, пихнутъ ее съ-зади., чтобъ скорѣй оканчивала, то она опять къ нему... да скорѣй... стукъ кость о кость!... да и застыдится еще горше; и тѣ ямки, гдѣ когда-то были глаза, закроетъ рукою, да наклонивши голову — видишь, ей стыдно, что поцаловалася — и бѣжитъ назадъ. Да какъ еще пробирается подлѣ того парубка, съ которымъ она на этомъ свѣтѣ женихалася, а онъ ее, чтобъ вспомнила старое, за ту плахту... дёргъ! то она еще и больше застыдится и прячется между людей... А Никифоръ на все это смотрѣлъ, да покачалъ головою, да и думаетъ: горбатаго и могила не исправитъ. Какія были на этомъ свѣтѣ, такія и остались. Дѣвичья натура вездѣ одинаковая между людьми: такъ и стыдятся; пускай же наединѣ, такъ ну!...

Послѣ сталъ онъ и о себѣ думать, да гадать. «Что мнѣ, говоритъ, на свѣтѣ дѣлать? Пришло до бѣды съ этимъ аспидскимъ, кромѣ хлѣба святаго, варенникомъ! Проглотилъ бы его, да и конецъ дѣлу; такъ грѣхъ—постъ зашелъ. Выкинуть? такъ отецъ Никита говорилъ, чтобъ я его нигдѣ не дѣвалъ; а не

послушать его, такъ и эпитимью наложитъ, что и нашъ живой отецъ Павелъ не отчитаетъ...» Какъ вотъ смотритъ, пріятель его, Радько Похиленко, стоитъ особо ото всѣхъ въ углу и дремлетъ. Никифоръ себѣ и думаетъ: «подойду-ка къ нему, да поразспрошу, нельзя ли какъ-нибудь отъ нихъ уйти; онъ еще лѣтъ пять какъ умеръ, такъ еще, можетъ, не очень съ ними подружился и, можетъ, за живымъ скорѣе руку потянетъ.» Вотъ и подошелъ, да и говоритъ.

«Здравствуй, Радько! еще ты меня не забылъ?»

—Здорово, Никифоръ! — говоритъ Радько —какъ тебя и забыть? Я и теперь часто вспоминаю, какъ мы съ тобою на томъ свѣтѣ гуляли.

«А какъ себѣ-поживаешь?»

— Со всячиною, какъ говорятъ: часомъ съ квасомъ, а порою съ водою. Хорошо вы живые люди дѣлаете, что не очень суетеся на нашъ свѣтъ.

«А что? развѣ у васъ не такъ, какъ у насъ?» спросилъ Никифоръ.

— Нѣтъ, братъ! — говоритъ Радько — тутъ уже все не то. Оно бы то для кого и не дурно: лежи, сколько хочешь; барщины нѣтъ, за подушные не тянутъ, атамана слыхомъ не слыхать, жена не грызетъ

головы, работы никакой, ни объ ѣдѣ, ни о платьѣ не хлопочи... все, все-таки хорошо, да ба! не съ кѣмъ бесѣдовать, не съ кѣмъ слова проговорить. Черви, да жабы, да всякая нечистота; вотъ больше и нѣтъ никого.

«Вѣдь же вы часто навѣдываетеся и на нашъ свѣтъ?»

— Да-то уже, братъ, съ тоски. Лежишь-себѣ да и вспоминаешь: у кого была жена, думаетъ, какъ-то она сердечная себѣ-поживаетъ? Вотъ и выскочишь на вашъ свѣтъ; глядь! въ твоей хатѣ, да уже иной хозяинъ, и все не такъ, какъ при тебѣ было: и хозяйство не туда идетъ, по тебѣ уже никакой памяти нѣтъ, только-что въ поминальной грамоткѣ записанъ; и дѣточки твои, какъ сироточки, и голыя и босыя, и голодныя, и во всемъ обижены отъ отчима и отъ новыхъ дѣтей. Вотъ и возметъ сердце: тотчасъ жену сонную и притузишь... Пускай водится съ знахарками, да съ ворожеями, а ты свое взялъ, да и правъ. Вотъ такъ и изъ парубковъ: бросятся подсматривать за своими дѣвками, что божилися, что пока жива буду, буду любить тебя, а если ты умрешь, и я за тобою, чтобы вмѣстѣ лежать. Ты, какъ дуракъ, умеръ, да и ждешь ее, ждешь съ Московскій мѣсяцъ... нѣтъ!... Бросишься на вашъ свѣтъ? А она уже и замужъ вышла и въ колыбели дитя качаетъ; или еще дѣвкою, да съ другими играетъ, да смѣется; а подъ

часъ и тебя недобрымъ словомъ вспоминаетъ!... Нечего дѣлать, почешешь затылокъ, да и засядешь подъ плетнемъ, пока она будетъ итти на вечерницы, да тутъ и пустишь ей какое-нибудь привидѣніе, чтобъ отъ страху лихорадка схватила... Когда жъ иной былъ гуляка, что безъ чарки и жить не могъ; вотъ и вздумаетъ: пойду, хотя посмотрю, какъ добрые люди на томъ свѣтѣ пьютъ... Придетъ, такъ чтожъ? все не то, что при немъ было: вмѣсто шинкаря сидитъ цаловальникъ, вмѣсто осьмухи уже ходитъ кварта, да и горѣлка разведена водою больше, чѣмъ на половину, и цѣна нелюдская! Вотъ разсердяся, что ему дѣлать? несноснаго цаловальника ударитъ по лысинѣ, или волосы оборветъ, а онъ и не знаетъ, откуда ему такая бѣда пришла; разливщика головою въ кадку, а ногами къ верху поставитъ; антихристскую посуду всю перебьетъ, народъ изъ кабака разгонитъ и такую славу наведетъ, что и самый непросыпный пьяница три дня не посмѣетъ ногою въ кабакъ ступить.

«Вотъ это ты, Радько, хорошо вспомнилъ про горѣлку — сказалъ ему Никифоръ — не хочешь-ли по чаркѣ ради вашего праздника? Пойдемъ ко мнѣ, у меня есть добрая горѣлка, изъ вольной, украдкой отъ объѣздчиковъ пронесъ на масляной.» Это говоря Никифоръ лгалъ; какая уже у него и капля была въ хозяйствѣ; одно то, что не за что было этаго добра и купить; а другое, что и Приська не таковская была, чтобъ держать горѣлку дома! потому-что Ники-

форъ добрался бы до нея, гдѣ бъ она ни была спрятана; а это Радька онъ подговаривалъ, лишь бы только изъ церкви выттн, а тамъ бы онъ и улепетнулъ куда зря; пускай бы Радько послѣ жаловался на него за обманъ. Такъ чтожъ? и тутъ сердечному Никифору неудача!... Радько, крѣпко вздохнувши, говоритъ ему:

—Нѣтъ, братъ, нѣтъ! Этаго уже и не вспоминай. Рада бы мама за пана, такъ панъ не беретъ. Пошелъ бы за тою чаркою, не то что къ тебѣ, да хотя бы и за десять верстъ, такъ чтожъ? во что я буду пить ее? Видишь, живота уже нѣтъ. Въ горло волью, а горѣлка выльется прочь и мнѣ вкусу не дастъ; только такое добро испорчу! Пускай уже остается оно добрымъ людямъ!...—

«Такъ ну-тка понюхаемъ табаку; вотъ выйдемъ-ка отсюда — сказалъ Никифоръ, все-таки поднимаяся на хитрости.

—И этаго добра не употребляю. Отплачиваютъ здѣсь добрымъ порядкомъ за эту привычку!

« Какъ-такъ? — спросилъ Никифоръ.

— А вотъ какъ, говорилъ Радько. Вотъ видишь, я на томъ свѣтѣ крѣпко нюхалъ табакъ; такъ вотъ мнѣ полнехенькій носъ червей; да такъ, братъ, щекочутъ и днемъ и ночью, что не то что по всему

гробу мѣста не найду. Чешется въ носу, да чешется, а не чихнешь.

«Видишь, какъ у васъ поводится! сказалъ Никифоръ удивляясь: развѣ есть у васъ какое наказаніе?

—Какъ-то уже не быть! говоритъ Радько: за табакъ носъ отвѣчаетъ; вотъ я же любилъ тянуть горѣлочку, такъ всѣ кишки разомъ и пропали, такъ-что хотя ведро влей, то не останется ни капли. Кто охотникъ былъ драться, тому тотчасъ кулаки отпадутъ, и руки скорчитъ въ три погибели. А женщинамъ, братъ, женщинамъ, такъ что-то уже достается! Овво! которая была щебатунья да болтунья, такъ только-что явится на нашъ свѣтъ, да и думаетъ, чтобы то по-старинному и тутъ торотopить, да примется за сплетни, за ссоры... а тутъ ей тотчасъ и сѣла въ ротъ жаба, да и квакаетъ; да такъ вцѣпится въ языкъ, что никакою силою ее и не оторвешь. А которая, не только замужняя, да и дѣвка, когда была моргунья, да глазами поводила на парубковъ ли, или хотя и на нашего брата, да каждому тихонько признавалася, что только его однаго любитъ, какъ со всякимъ женихалася; а когда замужняя, да мимо мужа другимъ рубашки мыла..., да ленточки въ воротникъ давала, да и другое что-нибудь... такъ есть тутъ всѣмъ бѣда! Или которая жена пойдетъ противу закона, да станетъ мужа бить...

«Такъ что такой? скорѣе перервалъ Никифоръ.

—Такъ что? говоритъ Радько: извѣстно что: языку, чтобъ на мужа не ворчалъ, достается свое; въ него вопьется жаба, а руки сведетъ такъ, что и кузнецъ молотомъ не расправитъ.

«Знаешь же что, Прокофьичь? сталъ Никифоръ просить Радько: будь ласковъ; вспомни, что когда-то и я тебѣ на нашемъ свѣтѣ помогалъ; пойдемъ, сдѣлай милость, на часочикъ ко мнѣ домой, да вотъ это все, какое наказаніе есть всякимъ женамъ, разскажи моей Приськѣ; не опомнилася ли бы она хотя немного, да не перестала ли бы мною управлять, да воли мнѣ не давать, да еще и бить меня? Только на часочикъ пойдемъ; большое спасибо скажу и очень-очень буду благодарить.

—Нѣтъ, Никифоръ! видалъ я такихъ—говоритъ Радько — это ты меня хочешь въ бѣду ввести. Я вижу твои замыслы. Ты только хочешь меня одурачить, лишь бы я тебя вывелъ отсюда, а тамъ ты и сгинешь съ глазъ, да и ищи вѣтра въ полѣ. Нѣтъ, братъ, не пойду, и тебя не пущу, потому-что и я радехонекъ хотя отвѣдать твоего вареника. Вотъ сколько лѣтъ, какъ я уже умеръ, а сякой-такой сынъ, если его и въ глаза видѣлъ. Пожалуй, въ Ѳоминъ понедѣльникъ наносятъ къ намъ на могилы мало ли чего: и кутьи, или булокъ, яицъ, пироговъ; такъ

ничего нашему брату изъ того и не достается. Тогда и нашъ отецъ Никита, выглядывая на то, что дѣлается на кладбищѣ, только чавкаетъ да цмокаетъ, да объ полъ бьется руками; чтобъ-то дѣлалъ? по усамъ течетъ, а въ ротъ не попадаетъ. А нашъ братъ уже и молчи; такъ видишь ли? какъ мнѣ тебя пустить, когда я надѣюся отъ тебя разговѣться вареникомъ? Нѣтъ, козакъ! выкинь изъ головы, чтобъ тебѣ отсюда уйти. Молчи, да дышь; а то, чтобъ и тебя на лапшу не скрошили.

« Ну, еще же я тебя хочу спросить — подумавши говоритъ Никифоръ: будь ласковъ, покажи мнѣ, гдѣ тутъ есть мой тесть или теща; я еще у нихъ хочу проситься, не заступилися ли бы они за меня, хоть немного, чтобъ я тутъ отъ васъ не пропалъ, такъ-что и бѣдная жена моя не будетъ знать, гдѣ я.

—Тесть или теща? сказалъ Радько: поминай ихъ, какъ звали! они, видишь, вышли изъ нашего прихода, хотя и тутъ лежатъ; они, знаешь, все умничали на томъ свѣтѣ: все нищимъ подавали, да бѣдныхъ снабжали, да съ неимущими послѣднимъ кускомъ хлѣба раздѣлялися; такъ ихъ всѣ они и облегли, да ночь и день все ихъ и увеселяютъ, а старики твои лежа утѣшаются, и отъ насъ со-всѣмъ отстали, а про вашъ свѣтъ и вспоминать не хотятъ.

Почесалъ Никифоръ затылокъ послѣ такихъ разсказовъ, да и говоритъ - себѣ тихо: «А чтобы вы пропали съ вашею выдумкою ѣсть вареники!» да наклонивъ голову сталъ думать, какъ бы то отъ нихъ отдѣлаться. Вотъ думалъ-думалъ, да и вздумалъ, да отъ радости усы себѣ разгладилъ, да и говоритъ себѣ: «хорошо же—будете ѣсть шишь, а не вареники.»

Вотъ, какъ перецаловались всѣ, да и не расходятся, ожидаютъ разрѣшенія. Отецъ Никита велѣлъ дьячку тушить свѣчи, а книги и все сложить, какъ было; а самъ взялъ Никифора за руку и говоритъ: «А ну-те, панове-міряне! идите за нами; станемъ разрѣшать.» Вотъ, какъ вышли всѣ на кладбище, отецъ Никита и говоритъ: «а ну, человѣче съ того свѣта, вынимай свой гостинецъ, да смотри, чтобы ты подѣлилъ его на части; чтобъ каждому, сколько тутъ насъ есть, чтобъ всякому достало: и старому и малому, всѣмъ по-ровну, и чтобъ ни одному ни больше, ни меньше; когда же не раздѣлишь хорошо, что кому-нибудь не станетъ, или кому больше, а иному меньше будетъ, то тутъ тебѣ и аминь! Таки вотъ тутъ тебя и разорвемъ на маленькіе кусочки. Вотъ что.»

«Да что это за напасть такая? крикнулъ уже на нихъ Никифоръ, какъ разсмотрѣлъ, что тутъ, до чего дойдетъ, можно и уйти. Какъ-таки можно такимъ маленькимъ кусочкомъ вареника да обдѣлить всю вашу громаду? Вижу, что это только ваши вы-

думки—Московская напасть, чтобъ человѣка погубить. Пойдемъ-ка къ ратушѣ, да разбудимъ писаря, и хотя онъ со мною вчера крѣпко пьянъ былъ, да до сихъ поръ и проспался; такъ онъ намъ на счетахъ расчитаетъ, что не можно такимъ кусочкомъ всѣхъ васъ обдѣлить.»

— Але! намъ нечего къ писарю — зашипѣла вся громада: онъ уже намъ не начальникъ, мы тутъ старшіе.

«Когда же вы тутъ старшіе, такъ цуръ же вамъ!» крикнулъ на нихъ Никифоръ, да какъ засучитъ рукава, какъ сложитъ кулаки, какъ кинется въ кучу, чтобъ пробиться между ними, да уйти домой... такъ чтожъ! кажется и бьетъ, еще и крѣпко бьетъ: кого по мордѣ, кого въ грудь, и ногами толчетъ... такъ, сердечный, только-себѣ кулаки сбилъ и чуть ногъ своихъ объ ихъ ноги не переломалъ, а имъ ничего и не сдѣлалъ: извѣстно кость! что съ нею сдѣлаешь? Таки ничего! Только пуще разсердилъ ихъ... потому-что какъ кинулися всѣ на него, какъ заревутъ: такъ уходить? вотъ мы тебѣ дадимъ! Дѣли же, сякой-такой сынъ! а не то, вотъ мы тутъ тебя разорвемъ на куски.

Пришло Никифору совсѣмъ пропадать. Ужъ не выдумаетъ, что ему и дѣлать; да съ испугу сталъ отпрашиваться: «пустите-же, батюшки-голубчики, пустите!... Охъ, не давите же меня вашими холодны-

ми костями!... О! да и озябъ же я, вотъ такъ и трясусь. Будьте ласковы: вынесите мнѣ шапку; забылъ тамъ: уши такъ померзли, что не то-что!»

— Какая тебѣ шапка! отозвалися къ нему опять мертвецы: дѣлай свое дѣло; видишь, уже не рано!

«Та-та-та-та! теперь догадался» шепнулъ себѣ Никифоръ, да и глянулъ на звѣзды: возъ уже докачивается къ восходу солнца. Вотъ, погладивъ усы, и говоритъ имъ: «Вижу теперь, люди добрые, что съ вами дѣлать нечего; я было-хотѣлъ пошутить, но вижу, что вы этаго не любите. Когда дѣлить, такъ дѣлить. А говорите: кто надъ вами тутъ есть атаманъ, или какой старшій?»

— Нѣтъ никого старшаго; мы всѣ тутъ равны; прошло панство! загудѣли мертвецы.

«Такъ кто знаетъ, сколько тутъ васъ счетомъ?» спрашивалъ Никифоръ.

— Дѣли безъ счету; тогда увидишь, какъ кому не станетъ.

«Вотъ тѣ на!—уже Никифоръ крикнулъ на нихъ, все поглядывая на звѣзды: какъ васъ разобрать? иной, можетъ, по двѣ доли будетъ хватать на мою бѣду. Безъ счету не хочу. Считайте, тогда и дѣлить буду.

Да подбоченился какъ исправникъ, и отворотился отъ нихъ, и ходитъ между ними и не уважаетъ, какъ и тотъ, мірской сходки.

— Да до которыхъ поръ это будетъ? зашипѣли опять мертвецы: не будетъ тебѣ счету, считай самъ.

«Лихо вашей матери! говоритъ Никифоръ: считай; когда же я счету не знаю. Двадцать десять насчитаю, а далѣе тпрру! Ну, такъ позовите изъ ратуши писаря, такъ тотъ васъ пересчитаетъ.» Да усмѣхнулся и сказалъ тихо: «нагайкою, какъ въ степи косарей.»

— Э! да ты еще и торгуешься? — дѣли скорѣй, а то мы тебя раздѣлимъ.

«А чтобъ вы всѣ издохли! разсердившись, бранилъ ихъ Никифоръ: какъ же васъ всѣхъ въ кучѣ мнѣ подѣлить? садитесь-ка всѣ по кучамъ: старые къ старымъ, молодые къ молодымъ, дѣды особо, а бабы особо; также и парубки и дѣвки...

— А парубкамъ съ дѣвками садиться? спросилъ одинъ парубокъ, оскаливши зубы.

«Вотъ я вамъ дамъ къ дѣвкамъ! Даже и тутъ у васъ жениханье на умѣ. Прочь!» грозно прикрикнулъ на парубковъ. «Садитесь особо, а дѣвки особо.»

— Вотъ и разсудилъ! О, чтобъ тебя! — зашипѣли всѣ дѣвки.

Кости только загремѣли, какъ начали мертвецы усаживаться, да все куча возлѣ кучи. Старые дѣды и бабы еще-таки пристойнѣе были: тѣ посадилися розно; а что молодыя бабы, дѣвки, да таки и мущины, какіе еще не очень старые были, и наибольше парубки, такъ уже такъ между собою помѣшалися, что и разобрать ихъ не можно было. Да подняли между собою игры, да смѣхи; рады, что вмѣстѣ собралися, да разныя выдумки, какъ-будто, когда-то имъ было, на вечерницахъ; да такъ, что сколько старые, да и самъ отецъ Никита ихъ ни удерживалъ, такъ ничего и не сдѣлаютъ. А нашъ Никифоръ имъ и не мѣшаетъ. «Пускай, пускай!» думаетъ себѣ, да еще и радъ, что они жужжатъ, какъ тѣ пчелы.

Когда тѣ усаживалися, вдругъ дѣти, что бѣгали около церкви, сюда же явилися и бросаются къ Никифору, и знай свое кричатъ: «Насъ мати родила, некрещеныхъ схоронила, подъ порогомъ положила... дай и намъ, дядюшка, вареника; а какъ не дашь, защекочемъ въ смерть...

«А *зась*, цыганенки!» — крикнулъ на нихъ Никифоръ, топнувъ ногой. Вонъ отсюда! вы не этаго прихода. Пожалуй, есть васъ много такихъ, что подъ плетнемъ брошены и въ кувшинахъ потоплены, то,

какъ мнѣ всѣхъ обдѣлять, такъ это у меня, не только вареника, да и волосъ не станетъ...»

— Совсѣмъ! обдѣляй скорѣе! заклокотала мертвецкая громада, усѣвшись порядкомъ.

«Хорошо, когда совсѣмъ! — отозвался къ нимъ и Никифоръ, еще-таки посматривая на звѣзды: вы совсѣмъ, вотъ и я скоро совсѣмъ.» Вотъ и началъ подъ ногами въ снѣгу искать, да и нашелъ щепочку; выковырялъ пол-вареника, показываетъ имъ и говоритъ: «Нате-же, люди добрые! да помнпайте мою доброту. Смотрите-же, ѣшьте не спѣша, чтобы кто изъ васъ и не подавился; то еще мнѣ будетъ бѣда: пріѣдетъ судъ съ лекаремъ васъ свидѣтельствовать, да еще скажутъ, что я васъ отравилъ, да припишутъ бѣду, что и полтиною не отдѣлаешься. Нате-же.» Да и сталъ разсчипывать вареникъ и приговариваетъ: «вотъ это одному, это другому, это третьему...» — *Кукареку!* закричалъ пѣтухъ... *Шарахъ!* разсыпалися наши мертвецы, и кости загремѣли, какъ будто кто мѣшокъ мѣдныхъ денегъ высыпалъ!...

Смотритъ Никифоръ... нѣтъ ни отца Никиты, ни пана дьяка, ни старыхъ, ни молодыхъ, ни дѣвокъ, ни парубковъ... осталися на кладбищѣ однѣ могилы, какъ и вчера были.

«О-го!» закричалъ Никифоръ на все это. Онъ это ихъ нарочно манилъ до третьихъ пѣтуховъ, слы-

шавши отъ старыхъ людей, что только одни черти отъ перваго крика пѣтушьяго исчезаютъ, а что вѣдьмы, мертвецы, упыри, волкулаки и всякая нечисть, шляются до втораго, а иные и до третьяго крика. Вотъ онъ только ихъ и ожидалъ.

«Фить-фить!» Посмотрѣвши кругомъ, не остался ли который на семъ свѣтѣ, Никифоръ посвисталъ, да и говоритъ: «а что? наѣлися варениковъ? не прогнѣвайтеся. Хотѣли меня погубить; теперь на тощій желудокъ почивайте, да уже больше меня не заманите. Что же мнѣ теперь дѣлать? Итти домой: жена не повѣритъ, что ей буду разсказывать, да еще и побьетъ, думая, что, можетъ, я гдѣ по шинкамъ ходилъ. Пока живые звонари къ заутренѣ зазвонятъ, еще не скоро; лягу тутъ спать; зазвонятъ, я тутъ и есть.» Вотъ прилегъ себѣ на бугорокъ, какъ разъ подлѣ калитки, куда народъ идетъ, свернулся и захрапѣлъ себѣ порядочно.

Спалъ-спалъ, какъ вотъ слышитъ, что его дергаютъ и таскаютъ то сюда, то туда. Вотъ ему и кажется, что это мертвецы рвутъ его на куски; онъ со сна давай кричать во весь голосъ: «кукареку, кукареку!» чтобъ мертвецы исчезли отъ него, да разсыпалися, полагая, что то кричитъ пѣтухъ. Потомъ слышитъ, что около него люди возятся, да хохочутъ, и хотя его и дергаютъ, да не рвутъ на куски, а еще и говорятъ: «Никифоръ!... встань... встань!...» Вотъ

онъ глазами хлопъ! — глядь!... передъ нимъ попъ... да уже не отецъ Никита, а отецъ Павелъ, живой попъ, и дьячекъ панъ Степанъ, и всѣ люди, сколько ихъ тутъ ни видитъ, все живые люди, и сосѣди и пріятели его; а тутъ и писарь изъ ратуши, съ которымъ онъ вчера тамъ исправно погулялъ.

Всталъ нашъ молодецъ и глаза продираетъ, и чешется и не знаетъ, что ему говорить, что его и попъ, и всѣ люди бранятъ и пьяницею называютъ, и что цѣлую ночь таскался, да такъ, гдѣ случилося, тамъ и валяется.

«Але, пьяница!» послѣ надумавшися говоритъ имъ Никифоръ: «тутъ не пьяница, а вотъ мнѣ какое привидѣніе было. Вотъ слушайте-ка, и вы, панъ-отче, и вы, люди добрые!» Вотъ и началъ имъ все разсказывать, какъ былъ вчера пьянъ, какъ пришелъ домой, какъ заснулъ и какъ пошелъ къ заутренѣ, и что тутъ съ нимъ было, и какъ мертвецы хотѣли его растерзать за вареникъ, и какъ пѣтухъ закричалъ, и какъ они пропали, и какъ онъ тутъ заснулъ...

«Да не слушайте его пьяницы!» заворчалъ на нихъ панъ-отецъ, видѣвши, что весь народъ обступилъ около него и разинувши рты слушаютъ его; да и еще говоритъ: «не слушайте, это онъ перепился, да съ пьяна химеры погналъ.»

— Да какія тутъ, панъ-отче, честный отче, химеры? именно такъ было, какъ я говорю. Вотъ схо-

димте-ка, то найдемъ и мою шапку. Она тамъ; мертвецы не дали мнѣ ее и взять; я же говорю, что она тамъ. Я вѣдь не забросилъ ее нарочно. Да и лучше разсмотрите, нѣтъ ли гдѣ какой бѣды.

Вотъ бросились, пришли — анъ въ самомъ дѣлѣ, гдѣ говорилъ Никифоръ, что положилъ шапку, тамъ она и есть; а впрочемъ все было въ порядкѣ и нельзя было примѣтить, чтобъ мертвецы ночью тутъ были.

Ужъ какъ удивлялись всѣ люди про то, что разсказывалъ Никифоръ; а наибольше эта шапка, хоть кому, такъ на удивленіе была: какъ-бы-таки она зашла туда, какъ бы не онъ ее занесъ? а какъ бы онъ ее занесъ, если бы не приходилъ туда и не покинулъ тамъ своей шапки? Вотъ и стало-быть, что это мертвецы такъ проказили. Такъ и старые люди говорятъ, что было когда-то, въ какомъ-то селѣ, какому-то человѣку такъ-же привидѣніе, «что думалъ къ утренѣ притти; а пришелъ... мертвецы собрались, да въ постъ празднуютъ великъ-день.» Да оно-жъ такъ и есть: у насъ постъ, а у нихъ великъ-день. Да вотъ-же и Никифору говорили: «вамъ постъ, вамъ чистый понедѣльникъ, а намъ великій-день, когда вашъ постъ...» Такъ, такъ и есть, такъ и есть!» заключила въ одинъ голосъ вся громада.

Вотъ, какъ такъ между собою люди толковалися, а уже не кто, какъ старыя бабы, да-таки и молодыя—

какъ вотъ и отозвался одинъ человѣкъ, и говоритъ: «да Никифоръ вчера весь день ходилъ пьяный безъ шапки; и я его спрашивалъ, гдѣ онъ пропилъ шапку; такъ говоритъ, еще какъ былъ утромъ въ обѣднѣ, такъ въ церкви забылъ, спѣша съ пріятелемъ къ пану дьяку на разрѣшеніе.»

— Да и я видѣлъ, говорилъ еще одинъ человѣкъ, какъ онъ ее вчера въ обѣднѣ клалъ и какъ пошелъ безъ шапки, и онъ на него смѣялся. Это ему пьяному приснился такой вздоръ. . . —

«Это ему приснилося. . .»

— Это онъ съ-пьяна химеры погналъ . . . загудѣла опять громада, которая, какъ какой человѣкъ скажетъ слово, то она не понявши, что и для чего, тотчасъ и кричитъ: «такъ-таки, такъ!» и во всякомъ дѣлѣ такъ.

«Эге! думаю, что химеры! думаю, что приснилось! нѣтъ, этому-таки правда.» Такъ говорила мнѣ старая Куцайка, разсказавъ эту повѣсть, да и божилася, что этому, говоритъ, именно правда была. «А мнѣ, говоритъ, разсказывала про это покойная кузнецова жена Оксана, а она слышала отъ Явдохи, дядины старой, Потапихи, что послѣ была за Денисомъ Буцемъ. Такъ тутъ, говоритъ, нечего сомнѣваться: правда, да и правда, что пришелъ-было Никифоръ на *праздникъ мертвецовъ.*»

С ъ Малоросс. В. Н. С.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

ПЕРЕВОДЫ РУССКИХЪ СОЧИНЕНІЙ НА НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ.

Недавно получили мы изъ Германіи нѣсколько извѣстій, пріятныхъ для Русскаго, и спѣшимъ сообщить ихъ нашимъ читателямъ.

Русская литература возбуждаетъ болѣе и болѣе любопытство Нѣмцевъ, и они пользуются всѣми способами, чтобы узнать ее ближе. Въ Берлинѣ можно насчитать не мало литераторовъ, хорошо изучившихъ нашъ языкъ, и одинъ изъ нихъ, г. Фарнгагенъ предпринялъ похвальный трудъ знакомить своихъ соотечественниковъ съ лучшими произведеніями Русскаго пера. Преимущественно обратили на себя вниманіе Нѣмцевъ двое изъ нашихъ писателей: *Пушкинъ* и *кн. Одоевскій*.

Въ журналѣ: Iahrbücher der Wissenschaftlichen Kritik, была помѣщена въ Октябрѣ нынѣшняго года статья Фарнгагена о Пушкинѣ, и впечатлѣніе, произведенное ею на всѣ умы, было такъ сильно, что Русская литература наравнѣ съ современными политическими вопросами, занимала нѣсколько дней весь Берлинъ. Забавно, что профессоръ Гансъ, вѣроятно желая выказать особенную свою догадливость, изъявилъ подозрѣніе, будто эта статья написана не Фарнгагеномъ, а однимъ изъ Русскихъ въ Берлинѣ. Къ счастію, мнѣніе Ганса въ этомъ случаѣ не могло ни на кого подѣйствовать: всѣ знаютъ смѣшное предубѣжденіе его противъ Славянскихъ народовъ. На своихъ лекціяхъ, на которыя собирается къ нему болѣе 400 слушателей всѣхъ званій, возрастовъ и націй, онъ усердно проповѣдуетъ, что племена Славянскія способны только воспринимать пассивно, ничего не производя, и потому-то онъ не хочетъ вѣрить, чтобы Русскіе могли имѣть поэта съ Европейскимъ значеніемъ.

Статья о Пушкинѣ переводится однимъ живущимъ въ Берлинѣ Парижаниномъ на Французскій языкъ, вмѣстѣ съ книгой Кёнига о Русской литературѣ.

Вскорѣ появится также очень удачный Нѣмецкій переводъ, въ стихахъ, *Бахчисарайскаго фонтана*. Между-тѣмъ молодой Гёте, внукъ поэта, посвятившій себя музыкѣ и учащійся ей у Мендельсона Бартольда, выбралъ изъ *Цыганъ* сюжетъ для музыкальнаго про-

изведенія; онъ положилъ на музыку извѣстную пѣсню: *Старый мужъ*, и всю сцену, въ которой Земфира поетъ ее. Онъ же одну изъ своихъ фантазій назвалъ: *Кавказскій плѣнникъ*.

Изъ сочиненій кн. Одоевскаго прежде всего переведена была его *Княжна Мими* въ сборникѣ Русскихъ повѣстей, названномъ Russische Hunderd und Eins. Тицъ перевелъ *Послѣдній квартетъ Бетговена* и помѣстилъ его въ изданномъ имъ томѣ: Russiche historische und romantische Erzählungen, Begebenheiten und Skizzen. 1838. Berlin. Дѣятельный Фарнгагенъ недавно кончилъ переводъ *Сильфиды* и уже печатаетъ его съ особою вступительною статьей въ первой книжкѣ журнала Freihafen на 1839 г., издаваемаго имъ съ Мундомъ. Теперь онъ переводитъ *Записки Гробовщика*, и старается собрать все, что написано перомъ князя Одоевскаго.

Къ-сожалѣнію, ревность, одушевляющая его и другихъ Нѣмцевъ въ этомъ дѣлѣ, пріятномъ для нашего національнаго самолюбія, ослабляется чрезвычайною трудностью пріобрѣтать Русскія книги въ Германіи. При всемъ томъ нельзя не порадоваться отъ души, что тамошніе литераторы руководствовались столь здравой критикой при выборѣ представителей современной дѣятельности Русскаго духа.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ РУССКАГО.

Святую Русь и Бѣлаго-Царя
Давайте, братцы, пѣть согласно:
Русь-матушка — что на небѣ заря,
Царь-батюшка — что солнце красно.

Она и Онъ—что церковь со Христомъ,
Она и Онъ—что мужъ съ женою;
Мы, дѣти ихъ, живемъ Отца умомъ,
И сыты матери рукою.

Всѣхъ имъ богатствъ, и здравія, и силъ,
Пролей, Господь, ключи и рѣки!
Ему годовъ—что жилъ Маѳусаилъ,
Ей—безъ конца несчетны вѣки.

П. К – – – ъ.

НОВАЯ СЦЕНА ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА

*(Дѣвичье-Поле. Новодѣвичій-Монастырь. Народъ *).*

ОДИНЪ.

Теперь они пошли къ Царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и Патріархъ
Съ толпой бояръ.

ДРУГОЙ.

Что слышно?

ТРЕТІЙ.

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

* Слѣдуетъ въ оригиналѣ за сценою на Красной-Площади.

БАБА *съ ребенкомъ.*

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

ОДИНЪ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

ДРУГОЙ.

Нельзя. Куда? и въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы Соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

ПЕРВЫЙ.

Право, любо!

ОДИНЪ.

Что тамъ за шумъ?

ДРУГОЙ.

Послушай... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ что волны
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе, на колѣна!

НАРОДЪ *(вой и плачь).*

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ Царь!

ОДИНЪ.

О чемъ тамъ плачутъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? то вѣдаютъ бояре —
Не намъ чета.

БАБА *съ ребенкомъ.*

Ну, чтожъ? какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! *(Ребенокъ плачетъ.)* Ну, тотоже!

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ —
Заплачемъ, братъ, и мы!

ДРУГОЙ.

Да слезъ-то нѣтъ.
Что тамъ еще?

ПЕРВЫЙ.

Да кто ихъ разберетъ?

НАРОДЪ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился...
Борисъ нашъ Царь! да здравствуетъ Борисъ!

А. Пушкинъ.

ВЕСНА.

Какъ ни гнететъ рука судьбины,
Какъ ни томитъ людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце какъ ни полно ранъ;
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы ни были подчинены —
Что устоитъ передъ дыханьемъ
И первой встрѣчею весны!

Весна . . . она о васъ не знаетъ,
О васъ, о горѣ и о злѣ;
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ
И ни морщины на челѣ —
Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ вамъ
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаетъ божествамъ.

Цвѣтами сыплетъ надъ землею,
Свѣжа какъ первая весна;
Была ль другая передъ нею —
О томъ не вѣдаетъ она:
По небу много облакъ бродитъ —
Но эти облака ея;
Она ни слѣду не находитъ
Отцвѣтшихъ весенъ бытія.

Не о быломъ вздыхаютъ розы
И соловей въ ночи поетъ;
Благоухающія слёзы
Не о быломъ аврора льетъ —
И страхъ кончины неизбѣжной
Не свѣетъ съ древа ни листа:
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежной,
Вся въ настоящемъ разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди жъ, отвергни чувствъ обманъ,
И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!
Приди, струей его эѳирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемірной
Хотя на-мигъ причастенъ будь!

Ѳ. Т--въ.

ЛЮБЛЮ.

Люблю я пламенныя очи,
Зари румянецъ на щекахъ,
И локонъ—сумракъ полуночи,
И пылъ полудня на устахъ.

Люблю съ веселою толпою
Заботы на пиру забыть,
И пѣснью вольною, живою,
И звукомъ чашъ его почтить.

Люблю, люблю живые звуки
Сыновъ полуденныхъ степей;
Чужда унынія и скуки,
Ихъ пѣснь—разгульный вихрь полей.

Нѣтъ, нѣтъ! люблю я пѣснь иную:
Ту пѣсню муза мнѣ поетъ,
Та пѣсня радость неземную
И тихіе восторги льетъ.

Люблю ту пѣснь: она чудесна,
Она какъ Божій міръ стройна,
Свѣтла какъ юга сводъ небесный,
И какъ глаголъ небесъ звучна.

С. Стромиловъ.

ДѢВИЦѢ - ПОЭТУ.

Восторговъ чистыхъ, думъ прекрасныхъ
Быть провозвѣстницей твой рокъ :
Ты много знаешь дней ненастныхъ,
Подъ бурей выросшій цвѣтокъ !

Ты юнымъ сердцемъ разгадала —
Что жизнь, что счастье, что мечта,
И раннимъ опытомъ узнала,
Что міръ сей—тлѣнъ и суета!

Нашъ путь тернистъ; судьба не розы
Для насъ разсыпала по немъ;
Но, не страшась судьбы угрозы,
Мы путь по терніямъ пройдемъ !

О, тотъ вѣнца вполнѣ достоинъ,
Кто шелъ безтрепетно впередъ,

И на землѣ былъ Божій воинъ,
Съ бѣдой сражался въ свой черёдъ!

На томъ небесъ благословенья!
Къ тому нисходитъ благодать
И даръ чудесный вдохновенья!
На немъ высокихъ думъ печать!

Пади съ молитвой на колѣни,
Благодари Отца сиротъ:
Пріяла даръ ты вдохновеній —
Несчастій горькихъ сладкой плодъ!

Вкусила ты небесной пищи,
Повита музой въ пеленахъ,
И вѣришь— есть тебѣ жилище,
Не на землѣ, а въ небесахъ!

Ты вѣришь, любишь—такъ терпи же!
Терпи, чтобъ ни было съ тобой;
Одинъ лишь тотъ къ блаженству ближе,
Кто не склонялся подъ грозой,

Кто твердо вынесъ бурь напоры,
Не изрыгалъ на нихъ хулу,
Вперялъ на небо съ вѣрой взоры,
Съ любовью пѣлъ ему хвалу!

Л. Якубовичъ.

МАРІИ Д***СЪ.

Дарами благими всещедрой рукою
Тебя надѣлила съ избыткомъ судьба:
Какъ роза-утѣха цвѣтешь ты красою,
Какъ розы дыханье душа у тебя.

Цвѣти же, красуйся, мой цвѣтъ несравненный,
И въ нѣдрахъ семейства, въ счастливой тиши,
Для насъ источай ароматъ свой безцѣнный,
Святое дыханье невинной души!

М. Деларю.

ПУТЕШЕСТВЕННИКУ *.

— — — — — — — — —

Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтятъ небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправитъ *Счастье* паруса.
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужасъ не видалъ,
Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!

— — — — — — — — — — — —

Когда жъ уйду на новоселье
(Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: «дай Богъ ему веселье;
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ.»

А. Пушкинъ.

* Авторъ писалъ это *четырнадцати* лѣтъ.

СОНЕТЪ.

Ты царь: живи одинъ.

Пушкинъ.

Съ тоской и полный грустныхъ размышленій
Читаю я твой вдохновенный стихъ.
О, почему такъ рано ты затихъ,
Намъ всѣхъ своихъ не досказавъ видѣній!

Какъ много думъ еще таилось въ нихъ,
Какъ много неба тайныхъ откровеній!
Но ты замолкъ... Прости жъ, нашъ Русскій геній:
Любовь Россіи на стихахъ твоихъ.

Гдѣ есть любовь—нѣтъ мѣста укоризнѣ.
Но Русскому какъ не скорбѣть душей?
Ты свѣтлый перлъ въ вѣнцѣ твоей отчизны.

Твои стихи—твой вѣчный мавзолей:
Ты отплатилъ за даръ недолгой жизни
Нетлѣнной славой, Русскій соловей!

Крлптрснъ.

И КАКЪ СВѢТЛО.

И какъ свѣтло, и какъ прекрасно,
Когда на сводѣ голубомъ
Горитъ, пылаетъ солнце красно
Въ полудни яркомъ, золотомъ!
Лучи его текутъ какъ волны,
Пространный міръ животворя;
Всѣ твари новой жизнью полны
Отъ силъ безсмертнаго царя.
Но вотъ великое свѣтило,
Склонивъ вѣнчанное чело,
На яркихъ лаврахъ опочило,
Въ зари багряныя легло . . .
Угасъ гигантъ—и мракъ угрюмой,
Распростираясь надъ землей,

Обвилъ ее, какъ тяжкой думой,
Широкотѣнной пеленой —
И, будто заключенъ въ оковы,
Міръ неподвиженъ, глухо спитъ...
Кто совлечетъ съ него покровы
И прелесть дня возстановитъ?...

Эм--ъ *.

* Эта подпись въ нашемъ изданіи будетъ означать стихотворенія Поэта, о которомъ помѣщено извѣстіе въ XII т. Современника съ 10 до 21 стран. *перв. нумерац.*

Издат:

РѢДКІЯ МГНОВЕНІЯ.

Минуты есть: въ душѣ благоговѣнье,
Въ груди восторги чистые кипятъ,
И слышится намъ Серафимовъ пѣнье —
И взоръ въ слезахъ, съ мольбой, горѣ подъятъ.

И благодать, насъ свыше осѣняя,
Раскаянье намъ въ душу тихо льетъ,
И радость стройная, торжественно-живая,
Насъ въ обладаніе свое беретъ.

И полны мы небеснымъ той порою,
И что-то насъ врачуетъ и живитъ,
И сонмы Ангеловъ мы видимъ предъ собою —
Ихъ голосъ намъ безъ звуковъ говоритъ.

И въ этотъ часъ горѣ мы улетаемъ;
Тогда душѣ доступенъ нашъ Творецъ,
И мы къ Нему съ любовью возсылаемъ
Чистѣйшій ѳиміамъ—моленія сердецъ.

Д. Сушковъ.

ВАЛЪ.

Кипучій валъ, тревожный валъ,
Любимецъ вольный Океана!
Что такъ таинственно, такъ рано
Главу кудрявую поднялъ?

Куда направишь путь крылатый?
Не тамъ ли смолкнешь ты, бѣгунъ,
Гдѣ льются пѣснею богатой
Октавы звучныя Торквата
Средь поэтическихъ лагунъ?

Не тамъ ли, у бреговъ Тавриды,
Гдѣ гордый лавръ и кипарисъ
Такъ романически сплелись?
Или къ скаламъ твоей Киприды
Помчишься, говорливый, ты —
И съ неожиданнымъ налетомъ
Ты брызнешь гордымъ водометомъ
И вскинешь радуги-мечты?

Иль на зарѣ твоей прощальной,
Какъ лебедь бѣлый на водахъ,
Тихонько, съ пѣсней погребальной
Заснешь въ Морейскихъ тростникахъ?
Счастливый путь, дитя свободы!
Зачѣмъ я не могу съ тобой
Возлечь на зеркальныя воды,
Уплыть отъ прихоти людской
Подъ сѣнь безлюдныя природы!

Но я дождусь: когда-нибудь
Съ тобою братски обнимуся
И въ безграничный, вольный путь
Я съ пѣсней шумной понесуся.

И, можетъ быть, у той скалы,
На Океанѣ, гдѣ валы
Тѣснятся вкругъ могилы славной,
Гдѣ долго страшенъ былъ въ цѣпяхъ
Кумиръ низвергнутый во прахъ,
Державный узникъ, рабъ державный,
Мы гордо выплывемъ на брегъ,
И тамъ, у царственнаго гроба,
Найдемъ желанный свой ночлегъ —
И успокоимся мы оба.

Но, можетъ быть, ты надо мной,
Какъ надъ вѣнчаннымъ славой магомъ,
Окрѣпнешь каменной скалой —
И станешь чуднымъ саркофагомъ.

К. Айбулатъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XIII ТОМА.

Конецъ тринадцатаго тома.